

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ФИЛОЛОГИЯ И НОВОЕ ЗНАНИЕ

Сборник материалов
II Российской научной конференции с международным участием
(г. Белгород, 17–18 ноября 2022 г.)

Белгород 2022

УДК 81'374
ББК 81.054
Ф 54

Рецензенты:

В. Эмануэль, доктор филологических наук, профессор,
Университет Сержи-Понтуаз, Франция;

Ж. Багана, доктор филологических наук, профессор,
НИУ «БелГУ», Белгород, Россия

Редакционная коллегия:

ответственный редактор:

А.П. Седых, доктор филологических наук, профессор;

члены редколлегии:

Ж. Прюво, доктор филологических наук, профессор (Франция);

А.М. Аматов, доктор филологических наук, профессор;

Е.А. Огнева, доктор филологических наук, профессор;

И.А. Котенева, кандидат филологических наук, доцент;

Ю.Е. Балабаева, старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков

Ф 54 **Филология и новое знание:** сборник материалов II Российской научной конференции с международным участием (г. Белгород, 17–18 ноября 2022 г.) / отв. ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – 128 с.

ISBN 978-5-9571-3339-1

В сборнике представлены материалы докладов II Российской научной конференции с международным участием «Филология и новое знание». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области филологического знания, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три раздела – «Дискурсология и лингвистика лексем и текста», «Когнитивистика и семиология коммуникации» и «Лингводидактика и лингвокультура».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям высшей школы, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой синергии филологии и новейшей эпистемологии.

УДК 81'374
ББК 81.054

ISBN 978-5-9571-3339-1

© НИУ «БелГУ», 2022

Содержание

Предисловие	6
--------------------------	---

Раздел 1. Дискурсология и лингвистика лексем и текста

Бекетова Алина Олеговна (Белгород, Россия) ЯДЕРНОСТЬ ХРОНЕМ В ТЕМПОРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТОНИКЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ РОМАНА Д. БРАУНА «ИНФЕРНО»	7
Добрунова Алина Александровна (Белгород, Россия) АНГЛИЦИЗМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МОДНОМ ЛЕКСИКОНЕ	11
Донина Ольга Валерьевна, Фурсина Дарья Андреевна (Воронеж, Россия) СТИЛЕМЕТРИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ АТРИБУЦИИ ТЕКСТОВ	15
Ермаков Антон Игоревич, Ермакова Ольга Александровна, Носова Марина Валериевна (Белгород, Россия) АРГУМЕНТАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	21
Кривчикова Нэля Леонидовна, Котенёва Инна Анатольевна (Белгород, Россия) ASPECT HISTORIQUE ET LINGUISTIQUE DES EMPRUNTS ARABES DANS LA LANGUE FRANÇAISE	25
Крымова Кристина Михайловна (Белгород, Россия) НОВЫЕ «ПРИОБРЕТЕНИЯ» СЛОВАРЯ LE PETIT ROBERT-2023	28
Кураш Сергей Борисович (Мозырь, Беларусь) МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СЕМИОТИЧЕСКОГО УСЛОЖНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВЕКОВ)	31
Михеева Людмила Дмитриевна (Москва, Россия) ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ И ИХ РОЛЬ В ПОСТРОЕНИИ ДИСКУРСА	37
Почтарева Александра Сергеевна (Белгород, Россия) СПЕЦИФИКА ЖАРГОНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛИЦЕИСТА	41
Прохоренко Людмила Валерьевна, Бабич Дарья Вячеславовна (Мозырь, Беларусь) МЕТАФОРЫ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ РОМАНА И. МЕЛЕЖА «ЛЮДИ НА БОЛОТЕ»	45
Седых Аркадий Петрович (Белгород, Россия) НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ДИСКУРСОЛОГИЯ, МЕЖДИЦИПЛИНАРНОСТЬ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ	51
Сергушкова Ольга Владимировна (Мозырь, Беларусь) СПЕЦИФИКА СЕГМЕНТАЦИИ СПОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ	55
Силецкая Светлана Сергеевна (Санкт-Петербург, Россия) ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	63
Слободчиков Игорь Денисович (Белгород, Россия) О СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ: КИТАЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ	66

Раздел 2. Когнитивистика и семиология коммуникации

Даниленко Илья Александрович (Белгород, Россия) ДОМИНАНТНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ АТТРАКТОР КАК ЭЛЕМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТА И ЧИТАТЕЛЯ (на материале цикла рассказов Тима О'Брайена The Things They Carried)	72
--	----

Карюченко Екатерина Олеговна (Белгород, Россия) ТУРИСТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ	76
Латыпов Глеб Маратович (Москва, Россия) ЛИНГВИСТИКА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	79
Максимова Елена Николаевна, Кутяева Ольга Михайловна (Абакан, Россия) О ПОТЕНЦИАЛЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА В ДИАГНОСТИКЕ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АФАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	83
Огнева Елена Анатольевна (Белгород, Россия) ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВЫХ КОГНИТИВНЫХ АТТРАКТОРОВ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. РИДА «TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»)	88
Пешков Дмитрий Игоревич (Москва, Россия) АЛЕХО КАРПЕНТЬЕР: ОТ ПОИСКОВ АМЕРИКАНСКОЙ «ЧУДЕСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ» К ВСЕМИРНОМУ «КОНЦЕРТУ БАРОККО»	96
Седых Аркадий Петрович (Белгород, Россия) К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ МАРСЕЛЯ ПРУСТА	103
Сулова Вера Глебовна (Севастополь, Россия) МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭЛИЗАБЕТ ЧЕДВИК «ЛОРДЫ БЕЛОГО ЗАМКА»)	107
Трещёва Наталья Васильевна, Пащинская Софья Антоновна (Белгород, Россия) ОТ ЭВФЕМИЗМА К «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ»	113

Раздел 3. Лингводидактика и лингвокультура

Жердев Владимир Анатольевич, Макарова Анна Григорьевна (Москва, Россия) ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	118
Седых Аркадий Петрович (Белгород, Россия) «ДИКОПАТИЯ» И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК	123

Content

Preface	6
----------------------	---

Section I. Discourse and linguistics of lexemes and text

Beketova Alina (Belgorod, Russia) CONCEPT OF CORE OF THE CHRONEMES IN THE TEMPORARY ARCHITECTONICS OF THE CONCEPTOSPHERE OF DAN BROWN'S NOVEL «INHERNO»	7
Dobrunova Alina (Belgorod, Russia) ANGLICISMS FEATURED IN THE FRENCH FASHION-RELATED LEXICON	11
Donina Olga, Fursina Daria (Voronezh, Russia) STYLOMETRIC TOOLS FOR A FOR ATRIBUTION OF TEXTS	15
Ermakov Anton, Ermakova Olga, Nosova Marina (Belgorod, Russia) ARGUMENTATIVE STRATEGY IN POLITICAL DISCOURSE	21
Krivchikova Nelya, Koteneva Inna (Belgorod, Russia) ASPECT HISTORIQUE ET LINGUISTIQUE DES EMPRUNTS ARABES DANS LA LANGUE FRANÇAISE	25
Krymova Kristina (Belgorod, Russia) NEW «ACQUISITIONS» OF THE DICTIONARY LE PETIT ROBERT-2023	28

Kurash Sergey (Mozyr, Belarus) METAPHORIZATION AS A FACTOR OF SEMIOTIC COMPLICATION OF THE TEXT COMMUNICATIVE SITUATION (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND BELARUSIAN POETRY XX-XXI CENTURIES)	31
Mikheeva Liudmila (Moscow, Russia) DISCOURSE MARKERS AND THEIR ROLE IN BUILDING DISCOURSE	37
Pochthareva Alexandra (Belgorod, Russia) SPECIFICITY OF THE JARGON OF A FRENCH LYCEUM STUDENT	41
Prokhorenko Lyudmila, Babich Darya (Mozyr, Belarus) METAPHORS IN THE ORIGINAL AND TRANSLATED TEXTS OF I. MELEZH'S NOVEL «PEOPLE IN THE SWAMP»	45
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) NEW TRENDS IN LINGUISTIC STUDIES: DISCOURSEOLOGY, INTERDISCIPLINARITY, REGIONALIZATION	51
Sergushkova Olga (Mozyr, Belarus) SPECIFICITY OF SEGMENTATION OF COMPOUND SENTENCES IN RUSSIAN NEWSPAPER TEXTS	55
Siletskaya Svetlana (Saint Petersburg, Russia) FEATURES OF MODERN NEW ZEALAND VARIATION OF ENGLISH LANGUAGE	63
Slobodchikov Igor (Belgorod, Russia) ABOUT SIMULTANEOUS INTERPRETATION: CHINESE AND RUSSIAN	66

Section II. Cognitive science and semiology of communication

Danilenko Ilya (Belgorod, Russia) DOMINANT COGNITIVE TEXT ATTRACTOR AS AN ELEMENT OF INTERACTION BETWEEN A TEXT AND A READER (based on Tim O'Brien's The Things They Carried series of short stories)	72
Karyuchenko Ekaterina (Belgorod, Russia) TOURIST DISCOURSES AS AN OBJECT OF RESEARCH IN MODERN HUMANITARIAN STUDIES	76
Latypov Gleb (Moscow, Russia) LINGUISTICS AND GLOBALIZATION	79
Maximova Elena, Kutyaeva Olga (Abakan, Russia) ON THE POTENTIAL OF SPEECH GENRES IN THE DIAGNOSIS OF SPEECH DISORDERS IN ENGLISH APHASIC OPINION DISCOURSE	83
Ogneva Elena (Belgorod, Russia) TYPOLOGY OF TEXT COGNITIVE ATTRACTORS IN NON-FICTION OF J. REED'S «TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»	88
Peshkov Dmitry (Москва, Россия) ALEJO CARPENTIER: FROM THE SEARCH FOR THE AMERICAN «MARVELLOUS REALITY» TO THE WORLD «BAROQUE CONCERT»	96
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) ON THE CENTENNIARY OF THE DEATH OF MARCEL PROUST	103
Suslova Vera (Sevastopol, Russia) MODELING AND INTERPRETING OF THE LITERARY CONCEPT «MEDIEVAL ENGLAND» IN ELIZABETH CHADWICK'S «LORDS OF THE WHITE CASTLE»	107
Trescheva Natalya, Paschinskaya Sofia (Belgorod, Russia) FROM EUPHEMISM TO «POLITICAL CORRECTNESS»	113

Section III. Linguodidactics and Linguoculture

Zherdev Vladimir, Makarova Anna (Moscow, Russia) PROSPECTS FOR THE USE OF COLLECTIVE LEARNING SYSTEM IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES	118
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) «DICOPATHY» AND THE FRENCH LANGUAGE.....	123

Предисловие

На факультете иностранных языков Педагогического института 17-18 ноября 2022 года прошла **Вторая Российская научная конференция с международным участием «Филология и новое знание»**. Конференция была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (Россия), при участии Московского международного университета, Севастопольского государственного университета, Национального института восточных языков и цивилизаций ИНАЛЬКО (Париж, Франция), Университета Сержи-Париж (Сержи-Понтуаз, Франция), Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилёв, Беларуси).

В связи со сложной геополитической обстановкой конференция прошла в онлайн-режиме с ограниченным количеством участников. Тем не менее, в состав филологической команды вошли учёные из России, Беларуси и Франции. Секционные заседания включили в себя выступления учёных российского научного сообщества из городов: Абакан, Брянск, Воронеж, Москва, Оренбург, Пенза, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Севастополь, Ярославль.

Главной задачей данной конференции явилось обсуждение и обмен мнениями о состоянии и перспективах развития современного филологического знания в корреляции с инновационными методами исследования языка и дискурса. Научная дискуссия предполагает выяснение и сопоставление различных точек зрения по широкому кругу аспектов функционирования языка, дискурсных построений, лингвоидентификации личности, лингвокультурологического моделирования, методики формирования навыков лингвистического анализа текстов различной стилистической и коммуникативной направленности.

Почётным гостем и активным участником конференции является **Жан ПРИУВО** – ведущий французский лингвист, Командор Ордена академических пальм, Кавалер ордена Искусств и изящной словесности, профессор, доктор филологических наук (Сержи-Понтуаз, Франция). В этот раз Жан Прюво выступил в роли рецензента сборника статей, а также выступил с пленарным докладом, посвящённым 100-летию со дня смерти французского писателя Марселя Пруста, на тему «МАРСЕЛЬ ПРУСТ В СЛОВАРЯХ МИРА».

Темы докладов вызвали живой интерес слушателей и активную дискуссию после выступления ораторов, среди которых на пленарном заседании выступили:

Кураш С.Б. (Мозырь, Республика Беларусь) МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СЕМИОТИЧЕСКОГО УСЛОЖНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ТЕКСТА.

Седых А.П. (Белгород, Россия) НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.

Аматов А.М. (Белгород, Россия) КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ.

Макарова А.Г. (Москва, Россия) ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.

По следам конференции выходит данный сборник, в котором собраны статьи по широкому спектру вопросов теории и практики современной филологической мысли и коммуникации, дискурсология и лингвистики лексем и текста, когнитивистики и семиологии коммуникации, лингводидактики и лингвокультуры.

Свои исследовательские материалы предоставили не только ведущие учёные и преподаватели вузов, но и учителя школ, аспиранты, магистранты, студенты. Надеемся, что сборник второй Российской научной конференции с международным участием «Филология и новое знание» найдёт своего заинтересованного читателя.

Оргкомитет

Раздел 1. Дискурсология и лингвистика лексем и текста

УДК 81'42

ЯДЕРНОСТЬ ХРОНЕМ В ТЕМПОРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТОНИКЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ РОМАНА Д. БРАУНА «ИНФЕРНО»

Бекетова Алина Олеговна

аспирант института международной коммуникации и международных отношений
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *aina.beketova2012@yandex.ru*

Аннотация

В статье приводится исследование, в котором анализировались теоретические аспекты изучения языковых маркеров темпорального поля художественного текста – хронемы. В темпоральной архитектонике романа современного американского писателя Дэна Брауна «Инферно» исследуются одноядерные и многоядерные хронемы. Определяется частотность и специфика их употребления.

Ключевые слова: темпоральное поле, хронемы, одноядерные хронемы, многоядерные хронемы, архитектоника художественного текста

CONCEPT OF CORE OF THE CHRONEMES IN THE TEMPORARY ARCHITECTONICS OF THE CONCEPTOSPHERE OF DAN BROWN'S NOVEL «INHERNO»

Beketova Alina

postgraduate student of the Institute of International Communication
and international relations Belgorod State University
Belgorod, Russia / *aina.beketova2012@yandex.ru*

Abstract

The article presents a research, which analyzed the theoretical aspects of the study of linguistic markers of the temporal field of the literary text - chronemes. In the temporal architectonics of the novel "Inferno" written by the modern American writer Dan Brown the onecore and multicore chronemes are studied. The frequency and specificity of their use are determined.

Keywords: temporal field, chronemes, onecore chronemes, multicore chronemes, architectonics of the literary text

Введение

Когнитивная лингвистика на современном этапе своего развития включает в себя изучение архитектоники концептосферы художественного текста. Она имеет следующее определение: «комплексное когнитивно-дискурсивное явление, представляющее собой многосегментную двухуровневую модель» [Огнева 2013: [http](http://)]. Как отмечает В.И. Карасик, модель «как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [Карасик 2013: с. 6]. Модель художественного текста способствует осмыслению параметров текстовой «языковой культуры» [Попова 2013: 123] и ее корреляции с определёнными ценностно-смысловыми структурами» [Алефиренко 2015: 51].

Художественный концепт ВРЕМЯ является одним из важнейших сегментов исследуемой и моделируемой концептосферы художественного текста, который находится в «поле темпоральности». Под темпоральностью в данном исследовании понимается «функционально-семантическая категория, выражающая сущность физического и философского аспектов времени, реализуемая различными языковыми средствами репрезентации времени: совокупностью грамматических, лексических и комбинированных средств, т.е. категория темпоральности представляет собой целостную

систему лексических, морфологических, синтаксических маркеров» [Бондаренко 1990: 67], формирующих «темпорально-локальную архитектуру художественных текстов» [Левченко 2003: 12].

Темпоральная-локальная сетка художественной концептосферы текста выстраивается с учетом значимости интерпретации текста, а также «выявления процессов взаимодействия автора и читателя» [Даниленко 2022: 183], поскольку «реальность не дается человеку объективно, но конструируется сознанием» [Кушнерук 2016: 143].

Художественный концепт ВРЕМЯ моделируется с учетом того факта, что «повествовательные тексты рассматриваются <...> как когнитивные артефакты» [Татару 2008: 24]. Темпоральные аспекты художественных текстов являются составляющими «когнитивными артефактами» [Nemeth et al 2004: 726-735] как совокупностью «линейных и циклических хронем» [Даниленко 2015: 688].

Целью исследования стало изучение темпоральной архитектуры художественного текста и выявление особенностей функционирования одноядерных и многоядерных хронем в романе «Инферно» Дэна Брауна.

Научная новизна исследования заключается в том, что темпоральное поле концептосферы романа современного американского писателя «Инферно» анализируется в первый раз, также впервые выявляется функционирование одноядерных и многоядерных хронем произведения.

Материалом исследования послужила темпоральная архитектура романа «Инферно» Дэна Брауна.

В современном языкознании, в котором «текстология <...> переживает период своего «второго рождения» [Прюво, Седых, Бузинова 2018: 23], темпоральное поле описывается как система хронем, глаголов, словосочетаний, семантика которых показывает время в художественном произведении. Рассматривая первые две категории, стоит отметить, что у глаголов темпоральный аспект выражается категориями вида и времени, например: *he hasn't eaten yet*. Прилагательные входящие в состав словосочетаний также могут содержать в себе маркер темпорального поля, например: *a modern city*.

В своем исследовании, мы опирались на определение хронемы, сформулированное Огневой Е.А.: хронема – «языковая единица, вербализующая темпоральный маркер в повествовательном контуре текста, репрезентирующий время как компонент невербального кода коммуникации» [Огнева 2012: 3].

С точки зрения современной лингвистики такие маркеры темпорального поля как хронемы, можно разделить на:

- одноядерные номинанты;
- многоядерные номинанты.

Интерпретируя «ядерность хронем в соотношении одной языковой единицы» [Бузина 2017: 7], одноядерными номинантами можно считать такие хронемы, которые образованы одной лексемой, например: *now/yesterday/still*, либо словосочетанием, содержащим ядерную темпоральную лексему и один или несколько атрибутов, например: *through the early-morning*. Соответственно, многоядерными номинантами будут являться такие хронемы, которые содержат две и более ядерные темпоральные лексемы, вне зависимости от наличия атрибутивов, например: *in precisely fourteen days from now*.

Представляется интересным рассмотреть темпоральную сетку романа «Инферно». Произведение Д.Брауна, опубликованное в 2013 году, продолжает серию книг о приключениях профессора Гарвардского университета по символам и истории искусств, Роберта Лэнгдона. Необходимо отметить, что действие романа стремительно разворачивается менее чем за 2 недели, однако главные герои в стремлении найти ответы на загадки, оставленные безжалостным гением-ученым, часто ссылаются на произведения и события других эпох.

В исследуемом произведении Дэна Брауна было выделено 1092 хронемы. На втором этапе исследования все выявленные хронемы были классифицированы на две группы: одноядерные хронемы и многоядерные хронемы.

Для большей наглядности распределение хронем по группам, в зависимости от количества ядер, представлено в таблице ниже (таб.1). Такое многообразие темпоральных номинантов отражает высокую динамичность темпорально-локальной сетки рассматриваемого произведения.

Таб.1 - Ядерность хронем в архитектонике произведения Дэна Брауна «Инферно»

Хронемы	1-ядерные	2-ядерные	3-ядерные	Итого
Количество номинантов	980	76	36	1092
Процент номинантов	89.74%	6.96%	3.3%	100.00%

Самой частотно встречающейся группой являются одноядерные хронемы, они представлены 980 номинантами, что составляет 89.74% от общего числа хронем. Было установлено, что хронемы «Now», «still», «tomorrow» и «yesterday» являются самими часто употребляющимися хронемами этой группы, что обусловлено сюжетными рамками событий, которые разворачиваются в краткий срок.

Более наглядно данных таблицы можно увидеть на графике ниже (рис.1).

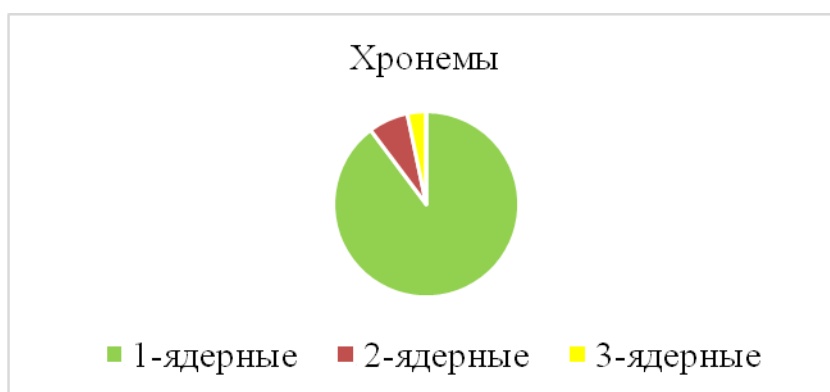

Рис.1 - Ядерность хронем в архитектонике произведения Дэна Брауна «Инферно»

По результатам проведенного когнитивно-герменевтического анализа можно сделать следующие выводы: рассмотрение архитектоники концептосферы романа Дэна Брауна выявило высокую частотность языковых маркеров темпорального поля – хронем. В исследуемом произведении было выделено 1092 номинанта, разделенных на две группы: одноядерные хронемы и многоядерные хронемы.

Итак, было установлено, что одноядерные хронемы являются фундаментом «темпорального поля» исследуемого романа. Одновременно с этим установлено, что суммарная часть всех многоядерных хронем менее многочисленна. Таким образом можно заключить, что большее количество «ядер» хронемы прямопропорционально частотности её репрезентированности в тексте рассматриваемого произведения, что является специфической чертой романа.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. «Язык» и «текст» культуры // Litera. 2015. № 4. С. 50-58. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_18245.html (дата обращения 04.10.2022).
2. Бондарко А.В., Беяева Е.И. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.

3. Бузина Е.И. Темпоральная архитектоника концептосферы художественного текста: специфика структуры и частотности хронем в произведении «Jane Eyre» // Филологический аспект. – 2017. – №5 (25). – С. 6-10.
4. Даниленко И.А. К вопросу о линейном и циклическом художественном времени // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 688-690.
5. Даниленко И.А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. в 2-х ч. Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2022. С. 183-186.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры: монография. – М.: Гнозис, 2013. – 328 с.
7. Кушнерук С.Л. Исследования ментальных пространств в лингвистике: текстовый мир в кругу смежных понятий // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции: в 2-х томах. Ответственный редактор Л. А. Нефедова. – 2016. – С. 143-145.
8. Левченко М.Н. Темпорально-локальная архитектоника художественных текстов различных жанров. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2003.
9. Огнева Е.А. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. – № 6. – 2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.science-education.ru/106-7379>. (дата обращения: 16.10.2022).
10. Огнева Е.А. Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденция кросскультурной адаптации // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9354> (дата обращения: 16.10.2022).
11. Попова Л.Г. Слово: анализ языковой культуры (сопоставительный аспект) // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2013. – С. 123-126.
12. Прюво Ж. Текст, контекст, интертекст / Ж. Прюво, А.П. Седых, Л.М. Бузинова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т.4. – № 3. – С. 21-35.
13. Татару Л.В. Композиционный ритм и когнитивная логика нарративного текста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – СПб, 2008. – № 11 (75). – С. 23–27.
14. Nemeth C.P. et al. Using cognitive artifacts to understand distributed cognition / C.P. Nemeth; R.I. Cook; Oapos; M. Connor; P.A. Klock // Systems, Man and Cybernetics, Part A, IEEE Transactions on Volume 34, Issue 6, Nov. 2004. – Pp. 726–735.
15. Brown D. Inferno. London: Bantam Press, 2013. – 598 p.

References

1. Alefirenko N.F. «Language» and «text» of culture // Litera. 2015. № 4. P. 50-58. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_18245.html (Accessed 04.10.2022).
2. Bondarko A.V., Belyaeva E.I. Theory of functional grammar // Temporality. Modality. - L.: Nauka, 1990. - 263 p.
3. Buzina E.I. Temporal architectonics of the conceptosphere in the fiction: specific of the structure and frequency of chronemes «Jane Eyre» // Filologicheskij aspekt. – 2017. – №5 (25). – P. 6-10
4. Danilenko I.A. To the question of linear and cyclic fiction time // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2015. № 21. P. 688-690.
5. Danilenko I.A. Algorithm of realization of cognitive attraction in textual worlds // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektax: com.: in 2 p. Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, 2022. P. 183-186.

6. Karasik V.I. The Linguistic Matrix of Culture: A Monograph. – Moscow: Gnosis, 2013. – 328 p.
7. Kushneruk S.L. Mental spaces, text worlds and other representational structures in cognitive linguistics // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektax: materials of the VIII International Scientific Conference: in 2 volumes. Responsible editor L.A. Nefedova. – 2016. – P. 143-145.
8. Levchenko M.N. Temporal and local architectonics of literary texts of different genres. D. thesis for the degree of Doctor of Philology. – Moscow, 2003.
9. Ogneva E.A. Typologization and structuring of fiction cognitive scene / E.A. Ogneva, Y.A. Kuzminikh // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. Filologicheskie nauki. - №6. – 2012. URL: <http://www.science-education.ru/106-7379>. (Accessed: 16.10.2022).
10. Ogneva E.A. Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденция кросскультурной адаптации // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 3.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9354> (Accessed: 16.10.2022).
11. Popova L.G. Word: Analysis of Language Culture (Comparative Aspect) // Slovo. Predlozhenie. Tekst: analiz yazykovoј kultury. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. 2013. – P. 123-126.
12. Pruvost J. Text, context, and intertext / J. Pruvost, A.P. Sedykh, L.M. Buzinova // Nauchnyj rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki. – 2018. – V.4. – № 3. – P. 21-35.
13. Tataru L.V. Compositional rhythm and cognitive logics of a narrative text (J. Joyce's «Dubliners») // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. A series «Obshhestvennye i gumanitarnye nauki». – St. Petersburg, 2008. – № 11 (75). – P. 23–27.
14. Nemeth C.P. et al. Using cognitive artifacts to understand distributed cognition / C.P. Nemeth; R.I. Cook; Oapos; M. Connor; P.A. Klock // Systems, Man and Cybernetics, Part A, IEEE Transactions on Volume 34, Issue 6, Nov. 2004. – P. 726 –735.
15. Brown D. Inferno. London: Bantam Press, 2013. – 598 p.

УМК 811.133.1

АНГЛИЦИЗМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МОДНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Добрунова Алина Александровна

магистрантка кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / dobrunova.alina@gmail.com

Аннотация

В данной статье поднимается проблема чрезмерного заимствования французским языком терминов английского языка, в частности в сфере моды. Количество англицизмов во французском языке моды становится все больше с каждым годом в связи с техническим и научным прогрессом, а также с доминирующей ролью западных медиа. Однако, многие англицизмы не привносят в язык ничего нового, так как их французские аналоги уже используются в речи. Комиссией по обогащению французского языка, а также Французской академией проводится масштабная работа по защите и сохранению французского языка. Одним из способов сохранения французской языковой идентичности выступает замена иностранного термина на аналогичный ему французский термин путем дословного перевода или подбора уже существующего, но редко используемого французского аналога.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, языковая идентичность, французская академия, англицизация.

ANGLICISMS FEATURED IN THE FRENCH FASHION-RELATED LEXICON

Dobrunova Alina

Graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *dobrunova.alina@gmail.com*

Abstract

This article deals with the problem of excessive borrowing of English terms by the French language, particularly in the fashion-related field. The number of anglicisms in the French language of fashion is increasing every year due to technical and scientific progress, as well as the dominant role of Western media. Although many anglicisms do not bring anything new to the French language, since their French equivalents are already used in speech. The Commission for the Enrichment of the French Language as well as the French Academy are working with dedication on protecting and preserving the French language. One of the ways to preserve the French linguistic identity is to replace a foreign term with a similar French term by literal translation or selection of an already existing, but rarely used French equivalent.

Keywords: borrowing, anglicism, language identity, Frenglish, Franglais, French Academie, anglicisation.

Первые заимствования из английского языка во французском датируются XI веком. Более широкое распространение английских слов можно заметить начиная с XVIII – XIX веков.

В настоящее время англицизмы все так же продолжают проникать во французский язык. Закономерным результатом этого процесса стало появление терминов «franglais» и «frenchish», которые представляют собой состояние французского языка, характеризующееся чрезмерным введением в язык неологизмов и синтаксических оборотов английского происхождения. Важно отметить, что чрезмерное заимствование слов из английского языка – явление, свойственное многим языкам, не только французскому.

В 1994 году во Франции был принят так называемый закон Тубона (loi Toubon), созданный с целью защитить французское языковое наследие. Этот закон обеспечивает приоритетность использования французского языка в различных сферах жизни. В 1996 году была создана Комиссия по обогащению французского языка (La Commission d'enrichissement de la langue française). Данная комиссия состоит из добровольцев, заинтересованных в сохранении чистоты французского языка. Совместно с Французской академией (Académie française) они разрабатывают и утверждают новые термины, предложенные группой экспертов, взамен заимствованных.

По словам членов академии «ряд англицизмов используется вместо существующих французских слов или выражений, что неизбежно приводит к исчезновению их французских эквивалентов» [2]. Французский лингвист и философ Генриетта Вальтер предлагает подход, который заключается в замене англицизма соответствующим французским термином, чтобы сохранить определенную французскую языковую идентичность [3].

Несмотря на непрекращающуюся работу Французской академии по сохранению чистоты французского языка, количество заимствований из английского языка во французском за последние десятилетия только увеличилось. Во многом это касается языка в сфере моды. Столетие назад модные англицизмы ограничивались названиями ткани как «jersey» и «tweed» и элементами одежды: «sweater», «derby». В настоящий момент их легко отыскать не только на сайтах модных журналов (Elle, Cosmopolitan, Vogue) и в СМИ, но и услышать в повседневной речи французов.

Когда французы ходят по магазинам – они «font du shopping», в период «Black Friday» они покупают «des crop-tops», «des sweats», «des tee-shirts» и т.д.

Публикации в модных журналах особо остро отражают процесс так называемой англицизации (anglicisation) французского языка. В какой-то степени это является неизбежным процессом, так как язык представляет собой живую систему и находится в постоянной трансформации. «Язык безостановочно теряет слова, но в тоже время непрерывно обогащается новыми» [7, 39]. Влияние английского языка видно в большей степени благодаря популярности культуры англоязычных стран, но нельзя отрицать влияние других языков на французский хоть и в меньшей степени.

Можно выделить основные виды заимствований во французском языке моды:

1. Денотативные заимствования. К примеру, «leggings», «jeggings», «flip-flops» – заимствования вместе с понятием.

2. Коннотативные заимствования. Такой вид заимствований можно встретить чаще всего: французский язык заимствует английские слова, при этом уже имея свои эквиваленты. К примеру, английское «trend» и образованное от него «trendy» во французском будут употребляться как «tendance, mode» и «à la mode» соответственно. К данной группе англицизмов можно отнести термины «fashion» (фр. «mode»), «slim» (фр. «étroit»), «look» (фр. «allure») и др.

3. Двойные заимствования. Речь идет о повторном заимствовании французским языком терминов изначально образованных от старофранцузского. К примеру, термин «fashion» происходит от старофранцузского «façon», название ткани «denim» происходит от названия французского города Ним (Nîmes).

Также важно отметить, что процесс заимствований между французским и английским языками двусторонний. В то время как французский язык заимствует в свой лексикон «vintage», «cheap», «shopping», в английском языке моды часто можно встретить французские слова и выражения: «chic», «prêt-à-porter», «toilette dernier cri».

В 2019 году Комиссия по обогащению французского языка опубликовала брошюру «La mode en français». Несмотря на то, что часть англицизмов, появившихся во французском языке сравнительно недавно, уже лексикализованные, не все заимствования могут быть понятны французам. Лексикализация представляет собой процесс добавления слов и фраз в лексикон языка, то есть их можно найти в французских словарях (например, «sportswear», «T-shirt/tee-shirt»). Добавление заимствований в словари подтверждает их широкое использование в речи. Тем не менее большая часть иностранных терминов во французском языке моды не прижилась в языке окончательно. В брошюре, опубликованной Французской академией, содержится 60 терминов – аналогов иностранных заимствований в сфере моды [2].

Переводы иностранных заимствований должны быть краткими и четко передающими суть явления. В некоторых случаях перевод дословный:

1. concept store = boutique-concept;
2. showroom = salle d'exposition;
3. relooker, relooker = conseiller, -ère en image.

Основные термины, чаще всего встречающиеся в статьях модных журналов также предлагается заменить на французские аналоги:

1. fashion show = défilé;
2. look book = catalogue de collection;
3. super model = mannequin vedette;
4. street fashion = mode de la rue;
5. trend(-)setter = faiseur, -euse de mode / lanceur, -euse de mode.

Как указано выше, Комиссия по обогащению французского языка также опубликовала список слов, используемых в модном дискурсе, которые были заимствованы из французского языка, и используются в английском. Начиная с XVII века до наших дней Франция и Париж в частности задают тон («donnent le la») всему миру. К самым часто используемым словам и выражениям, взятым из французского, можно отнести:

1. chic;
2. luxe;
3. haute couture;
4. prêt-à-porter;
5. boutique;

6. VCBG (bon chic, bon genre). Нужно отметить, что VCBG также является названием бренда, созданного американским дизайнером Максом Азрией.

В опубликованной брошюре нельзя встретить такие слова как look, jean, body, baggy, так как они уже давно используются модными журналами наравне с французскими терминами, и их определения можно найти в словарях [1].

По словам Франсуа-Мари Гро, генерального директора La Fédération Française du Prêt à Porter Féminin, ситуация с использованием англицизмов в сфере моды ухудшается последние 30 лет. Несмотря на то, что Париж остается столицей высокой моды, «зло проникло настолько глубоко, что французы стали использовать английские слова между собой» [3].

Единого объяснения феномену «franglais» выявить нельзя. Заимствованию английских терминов в языке французской моды способствуют несколько факторов. Крупные бренды сотрудничают с большим количеством иностранных клиентов, поэтому они ориентируются на мировой рынок в первую очередь. Использование в таком случае языка международной торговли кажется абсолютно логичным результатом. Обычные люди, использующие английские термины в повседневной речи, могут делать это по разным причинам. Одной из таких причин является культурное господство западных шоу, сериалов и музыки. Французы поддаются распространенному убеждению, что более частое использование английского языка позволяет им идти в ногу со временем [3].

Иностранцы в свою очередь наоборот любят использовать и слышать французские слова и выражения. Французский язык у многих ассоциируется с роскошью, шиком, романтикой. По словам Франсуа-Мари Гро «французы не осознают этого в достаточной степени» [3]. В погоне за тем, чтобы звучать современно и модно, они теряют часть своей языковой идентичности.

«Для того чтобы оставаться живым, язык должен быть способен отразить современный мир во всем его многообразии и сложности» [6]. В течение более чем пятидесяти лет во Франции государственные органы поощряют создание, распространение и использование новых французских терминов, но будущее французского языка во многом зависит не только от усилий министерства культуры, но и от самих французов.

Литература

1. Larousse.fr : encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 15.10.2022).
2. La mode en français: Presse de Pixel Perfect, Paris, 2019. 14.
3. L'Express – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture. URL: <https://www.lexpress.fr/> (дата обращения: 08.10.2022).
4. L'Officiel de la Couture et de la Mode - Paris. URL: <https://www.lofficiel.com/> (дата обращения: 13.10.2022)
5. Magazine ELLE : magazine féminin mode, beauté, cuisine. URL: <https://www.elle.fr/> (дата обращения: 20.10.2022)
6. Ministère de la Culture. URL: <https://www.culture.gouv.fr/> (дата обращения: 17.10.2022)
7. Mortureux Marie-Françoise. La lexicologie entre langue et discours. Édition Armand Colin, Paris, 2001. 192.
8. Toute La Culture – Magazine d'information pluridisciplinaire et national. URL: <https://toutelaculture.com/> (дата обращения: 21.10.2022)

References

1. Larousse.fr : encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/> (accessed: 15.10.2022)
2. La mode en français: Presse de Pixel Perfect, Paris, 2019. 14.
3. L'Express – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture. URL: <https://www.lexpress.fr/> (accessed: 08.10.2022)
4. L'Officiel de la Couture et de la Mode - Paris. URL: <https://www.lofficiel.com/> (accessed: 13.10.2022)
5. Magazine ELLE : magazine féminin mode, beauté, cuisine. URL: <https://www.elle.fr/> (accessed: 20.10.2022)
6. Ministère de la Culture. URL: <https://www.culture.gouv.fr/> (accessed: 17.10.2022)
7. Mortureux Marie-Françoise. La lexicologie entre langue et discours. Édition Armand Colin, Paris, 2001. 192.
8. Toute La Culture – Magazine d'information pluridisciplinaire et national. URL: <https://toutelaculture.com/> (accessed: 21.10.2022)

УДК 81'33

СТИЛЕМЕТРИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ АТРИБУЦИИ ТЕКСТОВ

Донина Ольга Валерьевна

доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
кандидат филологических наук,
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия / olga-donina@mail.ru

Фурсина Дарья Андреевна

студентка 3 курса,
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия / fursinada@gmail.com

Аннотация

Цель статьи заключается в рассмотрении возможностей использования стилеметрических инструментов для разграничения текстов разных жанров, времени написания и варианта языка. Материалом исследования послужила выборка из текстовых образцов, состоящая из региональных текстов на русском языке: посты блогеров, новостные статьи, веб-форумы Воронежа; а также материалы на английском языке – статьи о пандемии коронавируса, взятые из English Corpora, отличающиеся диалектно. Для проведения экспериментов русскоязычные тексты были разбиты на выборки, исходя из цели исследования, а именно по жанрам и по году написания. Для проведения эксперимента с вариантами языка англоязычные тексты были сгруппированы по диалектам. В ходе работы были использованы следующие методы исследования: пакет stylo языка R, Delta Бёрроуза — метрика расстояния, кластерный анализ. В статье была предпринята попытка оценить универсальность стилеметрических инструментов путем проведения ряда экспериментов. В результате определено, что рассмотренные автоматические методы атрибуции, применяемые для вычленения жанрового сигнала и разграничения вариантов языка, не могут быть экстраполированы на задачи, связанные с датировкой текстовых массивов.

Ключевые слова: стилеметрия, атрибуция текста, Delta Бёрроуза, пакет stylo, контактная вариантология, кластерный анализ

STYLOMETRIC TOOLS FOR A FOR ATRIBUTION OF TEXTS

Donina Olga

Associate Professor,
PhD in Philology,
Voronezh State University,
Voronezh, Russia / olga-donina@mail.ru

Fursina Daria

a third-year student,
Voronezh State University,
Voronezh, Russia /
fursinada@gmail.com

Abstract

The purpose of this article is to consider the possibilities of using stylometric tools to distinguish texts of different genres, time of writing and language variant. The research material was a sample of text samples consisting of regional texts in Russian: blog posts, news articles, Voronezh web forums; as well as materials in English - articles about the coronavirus pandemic taken from English Corpora, differing dialectally. To conduct experiments, Russian-language texts were divided into samples based on the purpose of the study, namely by genre and by year of writing. To conduct an experiment with language variants, English-language texts were grouped by dialects. In the course of the work, the following research methods were used: the stylo package of the R language, Burrows' Delta — distance metric, cluster analysis. In the article, an attempt was made to evaluate the versatility of style-measuring instruments by conducting a number of experiments. As a result, it is determined that the considered automatic attribution methods used to isolate the genre signal and distinguish language variants cannot be extrapolated to tasks related to the dating of text arrays.

Keywords: stylometry, text attribution, Burrows' Delta, the stylo package, contact variantology, cluster analysis

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении истории человечества авторство большого количества текстов оспаривалось, многим из них было приписано ложное авторство, другие же до сих пор остаются анонимными. Даже когда в рассмотрение берётся один автор, возникают проблемы с верным прочтением датировки первоначального текста, дальнейших правок.

Активные попытки по атрибуции авторства и датировке текстов были предприняты в 19 веке. Польско-немецкая школа антиковедов создала метод, который был назван стилеметрией. Он заключался в подсчете служебных слов в тексте, что, например, решило проблему с хронологией диалогов Платона.

Сегодня под стилеметрией понимается прикладная филологическая дисциплина, занимающаяся измерением стилистических характеристик с целью систематизации и упорядочивания (типологии, атрибуции, датировки, диагностики, реконструкции и т. п.) текстов и их частей.

В начале 2000-х годов Дж. Бёрроузом был представлен метод «Дельта», на который полагается значительная часть современных стилеметрических исследований [Burrows 2002]. Он заключается в подсчете разницы в частотностях между наиболее часто встречающимися словами в спорном тексте и в текстах, авторство которых точно установлено. Чем меньше Дельта, тем выше вероятность, что анализируемый текст принадлежит ближайшему автору.

На основе предложенного метода был создан гибкий пакет *stylo* для языка R [Eder 2016], активно используемый для задач классификации, необходимых при атрибуции авторства. Так, атрибутивный эксперимент, проведенный при помощи *stylo*, опроверг гипотезу о том, что авторство романов «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» принадлежит М. Булгакову или С. Заицкому, и подтвердил официальные данные о том, что оба романа были написаны И. Ильфом и Е. Петровым [Мамаев 2018].

Актуальность стилеметрических исследований подтверждается увеличившимся количеством работ, ориентированных на выявление лингвистических маркеров стиля, атрибуции авторства, датировки текстовых образцов (Mosteller F., Kestemont, M., Juola, P., Eder, M.). Кроме того, в связи с развитием онлайн-источников информации, возникают многочисленные споры, связанные с публично предъявляемыми текстами.

Целью данного исследования является рассмотрение возможностей использования стилеметрических методов для разграничения текстов разных жанров, времени написания и вариантов языка.

В этой статье привлекались следующие **методы** исследования: *stylo*, Delta — метрика стилистического расстояния, кластерный анализ.

Объектом исследования является выборка текстов, в которую вошли 6249 текстов из новостных источников (РИА Воронеж), опубликованных с 2013 по 2021 гг.; 10 веб-форумов Воронежа за 2012-2021 гг.; 71 пост Воронежских блогеров, опубликованных с 2012 по 2021 гг. Также в выборку вошли статьи восьми различных вариантов английского языка о пандемии коронавируса с сайтов, взятых из Coronavirus Corpus М. Дэвиса, в количестве 400 статей.

Отбор текстовых данных для анализа проводился студентами и сотрудниками кафедры Теоретической и Прикладной лингвистики Воронежского Государственного Университета в рамках пополнения регионального подкорпуса Национального Корпуса Русского Языка (НКРЯ).

Эксперимент 1: атрибуция по жанру

Для того, чтобы понять, насколько пакет *stylo* подходит для выявления жанрового сигнала, для первого эксперимента были взяты тексты на русском языке, объединенные по функциональным стилям: посты блогов (объемом 979500 словоупотреблений), новостные статьи (2132310 словоупотреблений), веб-форумы (1026211 словоупотреблений).

Результатом иерархического кластерного анализа является дендрограмма – древовидная структура, на которой можно идентифицировать некоторые ветви и определенные теги, принадлежащие к группам похожих элементов. Результаты нашего первого эксперимента представлены в виде дендрограммы (см. рис. 1), где красным цветом выделены тексты форумов, зеленым – блоги, синим – новости.

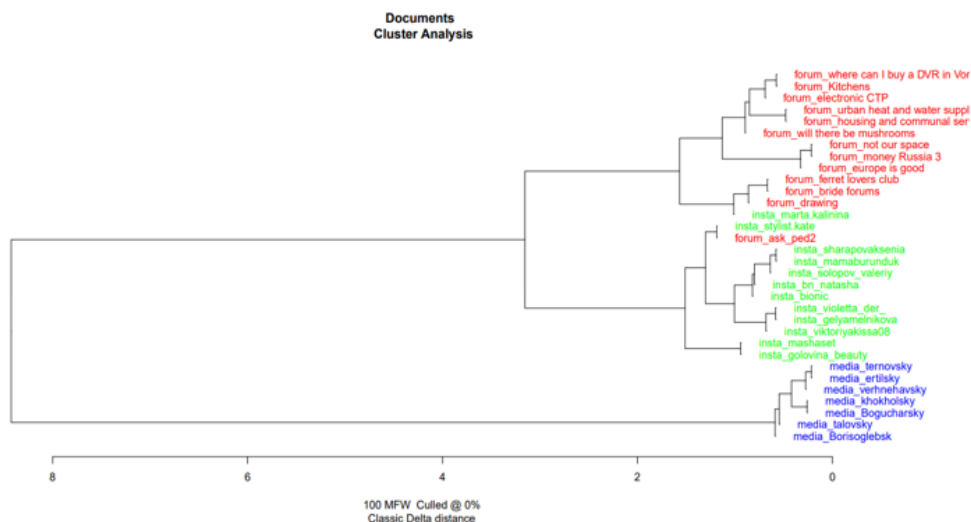

Рисунок 1. Кластерная дендрограмма с разбивкой по жанрам

На полученной дендрограмме названия объектов следуют по вертикали. По горизонтали отмечены расстояния, на которых происходит объединение объектов в кластеры. В рамках кластеризации тексты попарно группируются, согласно вычисляемым характеристикам. Расстояние между объединяемыми объектами становится больше, чем между теми, которые были объединены на предыдущем шаге – таким образом, вырисовывается иерархическая структура. Т.е. по мере группировки наблюдается прямая зависимость между расстоянием, на котором произошло объединение объектов, и стилистической близостью этих объектов. Это подтверждает то, что все новостные статьи оказались сгруппированы вместе (на рисунке (рис. 1) – это нижний кластер). Процесс заканчивается объединением форумов и блогов в одну ветвь дендрограммы, что отражает их схожесть по стилистическим характеристикам. Из вышесказанного можно заключить, что представленные жанры кластеризуются довольно однозначно. В результате выделено три кластера по функциональным стилям, что подтвердило нашу гипотезу о возможности использования методов стилеметрии для разграничения текстов различных жанров.

Однако, присутствуют выбросы: в кластер «Форумы» попал представитель из жанра «Блоги» (на рисунке он выделен зеленым цветом – *insta marta.kalinina*). Его объединение с «Форумами» может быть связано с тем, что в постах содержится много побудительных и вопросительных предложений, риторических вопросов, как и в «Форумах». По типу речи посты данного блога относятся к рассуждению, что отличает их от других «Блогов», в которых содержатся хештеги и повествовательные предложения. Для «Форумов» характерна экспрессивно окрашенная лексика в совокупности с побудительными предложениями, обсуждение тематических вопросов, комментарии. Это объясняет их стилистическую схожесть с блогом *insta marta.kalinina*.

С «Блогами» кластеризовался один объект из «Форумов», он отмечен красным (*forum_ask_ped2*). После анализа текстового материала было выяснено, что это связано с форматом отличающегося текстового образца, который представляет собой ответы педиатра на задаваемые ему пациентами вопросы. Его отличие от основной массы «Форумов» состоит в большом количестве повествовательных предложений: форм сослагательного и изъявительного наклонений.

Всего в выборку вошло 32 текста, выбросы составили 6,25% от всех текстов. Таким образом, из проведенного эксперимента можно сделать вывод, что такой стилеметрический инструмент, как пакет *stylo*, подходит для выявления жанрового сигнала: текстовые образцы образуют кластеры согласно своим жанровым характеристикам.

Эксперимент 2: атрибуция по времени написания текста

Задачей следующего эксперимента было проверить, насколько применимы методы стилеметрического анализа в контексте временной атрибуции. Для этого были взяты вышеупомянутые тексты («Форумы», «Блоги», «Новости») на русском языке, но на этот раз тексты были разбиты по группам в зависимости от времени их написания. В среднем выборка для каждого рассматриваемого года (2010-2021 гг.) содержала около 68 тысяч словоупотреблений.

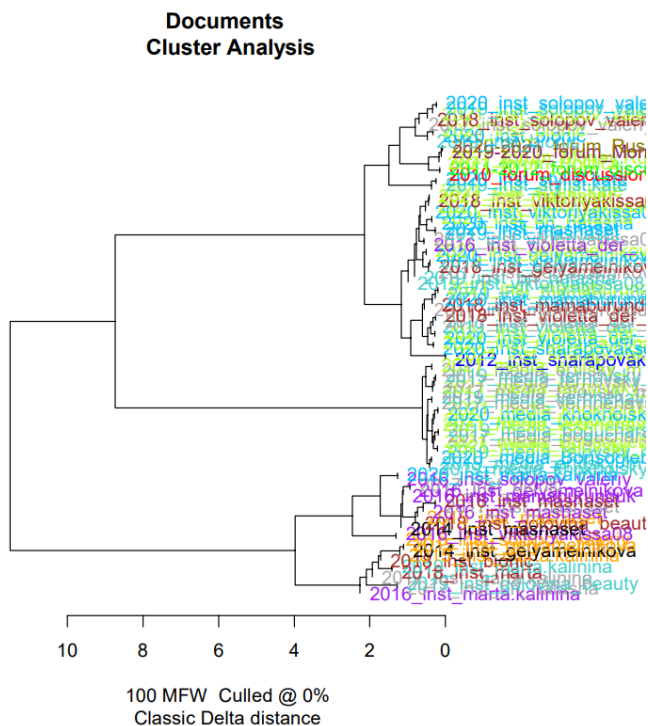

Рисунок 2. Результат кластерного анализа по годам

Обратимся к уже используемому ранее кластерному анализу. Из рисунка (см. рис. 2) можно заметить, что кластеризация по годам отсутствует, т.е. кластеры образовывались не в хронологическом порядке. Например, текстовые образцы 2016 года расположены на

разных ветвях дендрограммы, а не образуют единый кластер, как мы изначально ожидали. Кроме того, отсутствует логическое разделение дендрограммы на ветви.

Из проведенного эксперимента можем сделать следующий вывод: заявленная гипотеза о том, что как пакет *stylo* подходит для датировки текстов, не подтвердилась.

Эксперимент 3: атрибуция по варианту языка

Проверим, получится ли разграничить текстовый материал по вариантам английского языка с помощью используемого пакета. При отборе материала был задействован *The Coronavirus Corpus* — подкорпус, входящий в состав электронного корпуса текстов современного американского английского *English Corpora*, который отражает социальные, культурные и экономические последствия коронавируса (COVID-19). Посредством веб-скрейпинга [<http://www.octoparse.com>] из этого источника были отобраны англоязычные статьи о пандемии коронавируса, относящиеся к различным вариантам английского языка. В выборку вошли тексты следующих вариантов английского: американского, нигерского, шри-ланского, австралийского, индийского, новозеландского и пакистанского. Чтобы исключить влияние времени написания на получаемые результаты, были отобраны тексты только за 2020 год. Общий объем словообразований для этого анализа составил 298537.

Чтобы проверить, насколько хорошо кластеризуются между собой атрибутируемые образцы одного и того же варианта английского, они были разделены произвольно на несколько равных частей (например, выборка австралийского английского (AU) была разбита на три части: AU1, AU2, AU3 и т.д.). М. Эдер пишет о том, что критическая точка атрибутивного успеха может быть найдена между 5000 и 10000 словами [Eder 2014]. Поэтому каждый текстовый файл, вошедший в наш эксперимент, насчитывает около 15000 словоупотреблений.

Далее мы обратились к построению дерева консенсуса. Оно включает в себя объединение информации, полученной с помощью многочисленных дендрограмм, в единый согласованный график. Цель этого метода состоит в том, чтобы зафиксировать стабильную динамику в наборе сгенерированных моментальных снимков (рис. 4).

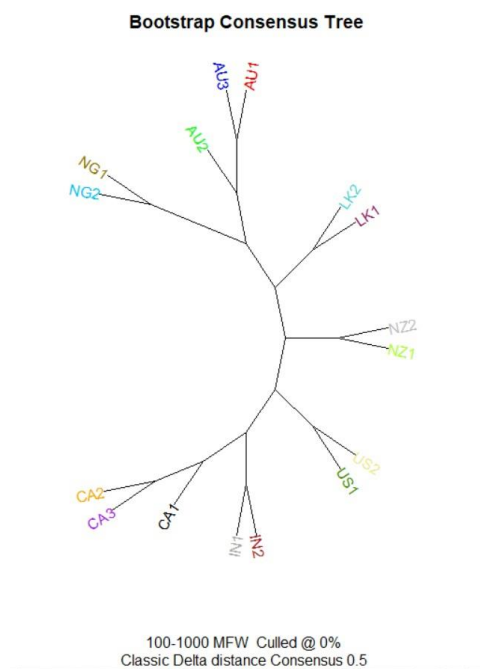

Рисунок 4. Дерево консенсуса для атрибуции по каждому из вариантов языка

Из приведенного рисунка (рис. 4) видим, что тексты каждого из вариантов образуют ветви. Важно то, что в результате анализа на каждой из ветвей оказался расположен один вариант английского языка. Выбросов здесь не наблюдается.

При помощи применяемых нами методов проверим близость диалектов между собой. В рамках диссертации О.В. Дониной в результате векторного квантования отдельные варианты английского языка были сгруппированы в шесть кластеров, соответствующих географическим ареалам: американскому (языковые варианты английского языка Америки и Канады), австралийскому (варианты Австралии и Новой Зеландии), европейскому (варианты Великобритании и Ирландии), азиатскому (варианты английского, на котором говорят в Индии, Сингапуре, Гонконге, Шри-Ланке, Бангладеш, Пакистане, Малайзии и на Филиппинах), африканскому (варианты английского, как официального государственного языка Ганы, Нигерии, Танзании, Кении и ЮАР) [Донина 2016]. На основании этого предположим, что в результате проведения нашего эксперимента варианты языка кластеризуются по их территориальной близости.

Из рисунка видно (см. рис. 3), что пакистанский (PK) и шри-ланкий (LK) варианты английского языка образуют единый кластер. Это подтверждает нашу гипотезу, т.к. они оба принадлежат азиатскому ареалу. Аналогичная ситуация складывается с вариантами американского ареала – канадский (CA) и американский английский (US) также образуют единый кластер. Но остальные варианты английского языка сгруппировались не по географическому принципу – причины, по которым это произошло, требуют дальнейшего изучения.

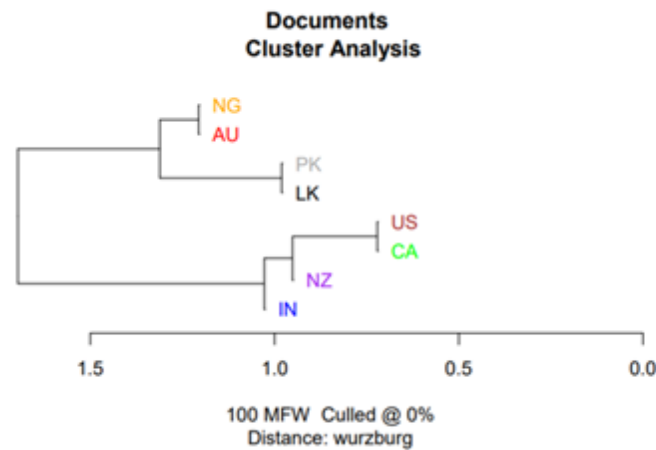

Рисунок 3. Кластерный анализ для разграничения диалектов

На отобранном для исследования материале рассматриваемый стилеметрический метод показал свою эффективность. Таким образом, можно заключить, что пакет *stylo* можно использовать для атрибуции по вариантам языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа была посвящена возможностям применения стилеметрических методов для атрибуции текстов. Гипотеза исследования была подтверждена частично: на материале нашего исследования было показано, что пакет *stylo* может использоваться для атрибуции по жанрам и вариантам языка, но при атрибуции по времени написания текстов тестируемый метод не показал ожидаемых результатов.

Сформулируем возможные перспективы нашего исследования:

- дополнительного анализа требуют результаты, полученные при попытке разграничения диалектов английского языка.
- требуется проверка стилистической близости различных диалектов между собой: будет ли на нее влиять географическое положение или же какие-то другие характеристики?
- необходимо попробовать использовать другие стилеметрические инструменты для временной атрибуции текстов, так как рассматриваемые в данной работе оказались неэффективны.

Литература

1. “Delta”: A Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship URL: https://www.researchgate.net/publication/240956478_Delta_A_Measure_of_Stylistic_Difference_and_a_Guide_to_Likely_Authorship (Дата обращения: 31.10.2022).
2. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis // The R Journal. 2016. № 1. С. 107–121.
3. Мамаев Н.К., Марусенко М.А., Пиотровская К.Р., Ронжин А.Л. Метод Дельты Бёрроуза для определения авторства анонимных и псевдонимных литературных произведений на русском языке. – 2018. – С. 107–119.
4. Eder M. Does Size Matter? Authorship Attribution, Small Samples, Big Problem // Digital Scholarship in the Humanities. 2015. № 2 – P. 167–182.
5. Дони́на О.В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: дис. Воронеж, 2017. – 533 с.
6. Juola P. Authorship attribution // Foundations and Trends in Information Retrieval. 2006. № 3. – P. 233–334.
7. Kestemont M. Function Words in Authorship Attribution. From Black Magic to Theory? – 2014. – P. 59–66.

References

1. “Delta”: A Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship URL: https://www.researchgate.net/publication/240956478_Delta_A_Measure_of_Stylistic_Difference_and_a_Guide_to_Likely_Authorship (Accessed: 31.10.2022).
2. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis // The R Journal. 2016. № 1. p. 107–121.
3. Mamaev N., Marusenko M., Piotrowska X., Ronzhin A. Burrows’s Delta for Authorship Attribution of Russian Literary Texts 2018. p. 107–119.
4. Eder M. Does Size Matter? Authorship Attribution, Small Samples, Big Problem // Digital Scholarship in the Humanities. 2015. № 2 P. 167–182.
5. Donina O.V. Hidden categorization of emotions in language variants: dis. Voronezh, 2016. 533 p.
6. Juola P. Authorship attribution // Foundations and Trends in Information Retrieval. 2006. № 3. p. 233–334.
7. Kestemont M. Function Words in Authorship Attribution. From Black Magic to Theory? 2014. p. 59–66.

УДК 81’72

АРГУМЕНТАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ермаков Антон Игоревич
учитель иностранного
языка
МБОУ ЦО №15 «Луч»
Белгород, Россия /
ai.ermakov.93@yandex.ru

**Ермакова Ольга
Александровна**
учитель иностранного
языка
МБОУ ЦО №15 «Луч»
Белгород, Россия /
olga.tsyshko@yandex.ru

**Носова Марина
Валериевна**
учитель иностранного языка
МБОУ «Лицей №32»
Белгород, Россия /
nosovamarina302@gmail.com

Аннотация

Целью статьи является анализ изучения аргументативной стратегии в политическом дискурсе. В статье выделяются и описываются характерные особенности аргументативной стратегии, речи и речевых стратегий субъекта аттракции применительно к политическому дискурсу. Авторы описывают способы рассмотрения аргументативных стратегий, их компонентов и реализацию на различных уровнях языка.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, аргументация, аргументативный аттрактор, речевые стратегии, субъект аттракции, объект аттракции

ARGUMENTATIVE STRATEGY IN POLITICAL DISCOURSE

Ermakov Anton

foreign languages teacher,
Education Centre No. 15
“Luch”,
Belgorod, Russia /
ai.ermakov.93@yandex.ru

Ermakova Olga

foreign languages teacher,
Education Centre No. 15
“Luch”,
Belgorod, Russia /
olga.tsyshko@yandex.ru

Nosova Marina

foreign language teacher,
Lyceum 32, Belgorod,
Russia /
nosovamarina302@gmail.com

Abstract

The article deals with the studies of argumentative strategy in political discourse. The authors identify defining characteristics of argumentative strategies, speech and speech strategies of the subject of attraction in respect to political discourse. The article describes ways of understanding argumentative strategies, its components and representation at different language levels.

Keywords: political discourse, argumentation, speech strategies, argumentative strategies, subject of attraction, object of attraction

Social-cognitive and pragmatical approach to discourse define political discourse as verbalization of mental process of communicants within their social interaction. The key features of such kind of interaction are political intentionality, argumentative contents and tendency of dialogism.

Contextual factor rooted in temporal and spatial characteristics of discourse, aims and communicative intentions of the participants may be considered as the key factor. Thus, a politician is regarded not only as a creator, but also as a transmitter of political discourse in a context-defined situation. These situations may include parliamentary sessions, meetings, press-conferences, etc. [4]

The features of political intentionality may include the certain aims of discourse participants, which are necessary for implementing political power [5; 30-34].

From this one can infer the interactive nature of the discourse. Dialogism of the political discourse is caused by its explicit and implicit orientation towards the addressee and by interaction with him. At the same time, the addressee predetermines the next statement.

Argumentation is an integral cognitive part of political discourse. Argumentativeness is a result of humanistic nature of political communication and lies in recognition of addressee's intelligence and his right to make decisions. At the same time argumentation is a more complex way of influencing an addressee comparing with propaganda or suggestion because of the use of explicit appeal to the addressee's reason [6].

As argumentation is an object of reflexion, it can be and is observed from different angles and in various aspects. The research of argumentation can be started with its logical structure, sometimes with the issues of practical improvement of argumentation methods, focusing on the mistakes in argumentation and recommendation on its successful usage.

It is also worth mentioning, that in some research argumentation is examined as communicative phenomenon, where the intentions of the participants, possibilities of mutual understanding, value-related aspects of argumentation, its specific human character are considered in the first place.

Different scientist define argumentation using the following statements:

1. argumentation is considered as social activity;
2. argumentation is considered as intellectual activity;
3. argumentation is considered as verbal activity;
4. argumentation is directly related to the issue of opinion;
5. argumentation is aimed at confirmation or of the refutation of opinion;

6. argumentation includes a complex of statements;
7. the aim of argumentation is the approval of audience.

According to A.I. Timofeev argumentation is a way of reasoning, within which the preposition is put forward as a proof of the thesis:

- the base and the thesis of the confirmation or of the refutation are assessed;
- the antithesis is refuted;
- the thesis is proved;
- the conviction in the truth of the thesis and of the falsity of the antithesis is created comes through to the prover and his opponents;
- the feasibility of the acceptance of the thesis is justified

In order to create an active attitude to implementation of certain programs, actions, which follow from proved propositions [5].

Structure, order and strategies of argumentation depend on the aim of argumentation, which main goal is persuasion or dissuasion of addressee. In this regard the speaker will build the communication using certain patterns of persuasion, called argumentative strategies.

Argumentative strategy, defining argumentative nature of the political discourse, is aimed at the addressee to influence on him/her and is directly related to prediction of the situation. It is rooted in motives and intentions, which control the speech acts. A special feature of argumentative strategies is the reliance of the speaker on certain patterns of logical connection of semantic components in text, where the speaker consciously or unconsciously aims to convince the interlocutor or refute his opinion [1; 111-117].

As a result, argumentative strategy may be considered to be speech implementation of the planning process of participants of social interaction, namely their verbal behaviour, which consists in contextually, pragmatically and logically connected propositions, aimed at support of the main thesis and persuasion of the addressee in the necessity of modification of his model of the world. This understanding of argumentative strategy allows to consider argumentation in terms of cognitive approach to argumentation, focusing on its influence on addressee's decisions through modification of his model of the world.

In the political discourse speech can be addressed to supporters or opponents of the politician, population of the country as potential elector, international community. Thus, in the communication process average citizen and politicians are both addresses [2].

Knowledge of argumentative strategies allows communicants to plan speech process within social and pragmatic contexts, which shows that these strategies are closely associated with the phenomenon of argumentative attraction. Due to the lack of common way of description of this phenomenon, which is necessary to compare linguistic personality in particular and political cultures as a whole, these strategies are often compared by linguists according to their lexical and syntactical, semantic and pragmatic components, according to which one can implement a certain strategy on the level of sentence and text, semantical structures and intentions.

The syntax of argumentative strategy includes the following language form of its implementation:

1. at the level of text - stories, comparisons, unrealistic scenarios;
2. at the level of sentence - rhetorical question, allusions, parenthetical structures;
3. at the lexical level - euphemism, neutral personal pronoun, words with complex semantic.

Considering the semantic of argumentative strategy, we will primarily take its propositional contents into account. For example, the strategy of creation negative image consists in modelling politically relevant situations and comparing these models with negative patterns alien to the politician or political group. In this case one can often see movement from the negative specific to the negative general.

Pragmatical component of argumentative strategy is caused by the aim of the sender. At the macro level the aims of contributors to political discourse may be found using deductive

method through the analysis of the functions of the political discourse and examining text corpora.

According to Arkadiy Sedykh on the methodology of analysis, the framework of discourse analysis is a very rich and highly valued analytical framework. Its object appears to be multifaceted. It can be apprehended in various ways, through the meaning of the units, their frequencies, the genres to which the discourses belong, the conditions of their production, the discursive processes involved, etc. [4].

What is generally meant by “discourse analysis” refers to a field of analysis that is quite difficult to define, because it is claimed by many heterogeneous approaches. Discourse analysis takes very varied forms depending on the theoretical bases that underlie it, the type of discourse analyzed or the objective sought. Moreover, this field of research emerging in different places (Europe, United States), the scientific but also cultural influences of each of the countries involved have shaped different conceptions of it: from the French School to the Anglo-Saxon current, the tools, the methodologies and the very objects on which the analyzes relate differ.

The value is the main concept and basic component of argumentative strategy in political discourse. Certain view of values play an important role in person's orientation in reality, helping him understand world around, direct and coordinate his/her speech. Basing the argumentation on shared values the contributors to the political discourse get more opportunities to achieve perlocutive effect. An important component of person's value system is assessment. Being one of the instruments of speech influence in the process of argumentation, assessment is also a strong cognitive mean to influence addressee's consciousness and his view of the world [3].

Thus, all components mentioned above take part in forming of argumentative attractors and play a direct role in influencing on the addressees.

Литература

1. Брутян Г. А. Очерк теории аргументации. – Ереван: Изд-во АН Армении, 1992. 301.
2. Огнева Е.А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Вып VI. / отв. ред. Е.А. Огнева, И.Б. Акиншина.– Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 87-92.
3. Рядовая Н. С. Аргументативные стратегии политического дискурса в кризисной ситуации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013. – № 31. – URL: http://tverlingua.ru/archive/031/05_31.pdf – (дата обращения: 20.09.2022) – Текст: электронный.
4. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
5. Тимофеев А. И. Аргументация: теория и практика: Учеб. пособие. – Санкт-Петербург: СПбГУАП, 2005. – 80 с.
6. Obeng S. G. Political Discourse Analysis / S. G. Obeng and B. A. S. Hartford. – New York: Nova Science Publishing, Inc., 2008. – 115 p.

References

1. Brutyan G. A. *Essay on the theory of argumentation*. - Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Armenia, 1992. - 301 p.
2. Ogneva E.A. *Conception of text cognitive attraction* // Linguistic Horizons: Intern. Sat. scientific tr. Issue VI. / resp. ed. E.A. Ogneva, I.B. Akinshina. - Belgorod: Epicenter LLC, 2018. P. 87-92.
3. Ryadovaya N. S. *Argumentative strategies of political discourse in a crisis situation* // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. - 2013. - No. 31. - URL: http://tverlingua.ru/archive/031/05_31.pdf - (date of access: 20/09/2022) - Text: electronic.
4. Sedykh A.P. [2022] *Jazyk, kul'tura, komunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Jepicentr», 152.

5. Timofeev A. I. *Argumentation: theory and practice*: Proc. allowance. - St. Petersburg: SPbGUAP, 2005. - 80 p.

6. Obeng S. G. *Political Discourse Analysis* / S. G. Obeng and B. A. S. Hartford. – New York: Nova Science Publishing, Inc., 2008. – 115 p.

УДК 811.133.1

ASPECT HISTORIQUE ET LINGUISTIQUE DES EMPRUNTS ARABES DANS LA LANGUE FRANÇAISE

Krivchikova Nelya

Université nationale de recherche de
Belgorod
Belgorod, Russie / *krivchikova@bsu.edu.ru*

Koteneva Inna

Université nationale de recherche de
Belgorod
Belgorod, Russie / *koteneva@bsu.edu.ru*

Résumé

Cet article a pour l'objet les emprunts arabes en français. Le développement de l'Empire musulmane par des conquêtes territoriales produit une évolution du vocabulaire. Le contact des peuples engendre automatiquement un contact des langues. Ce contact mutuel produit beaucoup de mots nouveaux s'introduisant dans le système français et aussi dans celui de la langue arabe.

Mots clés: les emprunts, l'Empire arabe, un vocabulaire arabe, un contact des langues, l'influence linguistique.

Le français a, au cours de son histoire, emprunté de nombreux mots à diverses langues étrangères. Ces mots sont venus avec les choses, ce qui suppose des conditions historiques (culturelles, politiques, commerciales, etc.) qui en ont déterminé le passage.

On appelle «emprunts» les éléments qu'une langue, au cours de son histoire, a pris à d'autre langue. Ce que l'on emprunte le plus facilement, ce sont des mots, spécialement des noms, des verbes et des adjectifs (Grevisse, 1993: 65).

L'emprunt est un phénomène linguistique dont l'étude va de pair avec l'histoire de la formation d'une langue (Guilbert, 1975: 89).

Certes l'emprunt dépend de la forme du mot mais les problèmes des emprunts restent essentiellement historiques.

L'empire arabe du haut Moyen Age a été une des grandes sources de la culture française.

Il l'a été par trois voies:

- le latin médiéval des médecins, pharmaciens, alchimistes, mathématiciens, astronomes venus puiser à la science arabe, héritière de la Grèce alexandrine;
- l'Italie et le commerce vénitien et génois intermédiaire entre l'Occident et l'Orient;
- l'Espagne où les Maures installés du VIII-ième siècle implanteront une civilisation originale.

Science gréco-arabe, commerce oriental, civilisation mozarabe (espagnole) sont donc les trois grandes sources d'un vocabulaire arabe qui, par ses différentes voies, pénètre la langue entre le VII-ième et le XVI-ième siècle.

A partir du XIV-ième siècle l'influence linguistique du monde arabe cesse de se faire sentir, sinon à retardement par l'intermédiaire de relais espagnols, italiens ou latins: si, en effet, des mots comme *carat* ou *alcool* n'apparaissent qu'au XV-ième siècle dans des textes en langue vulgaire, ils sont d'un emploi ancien dans le latin des alchimistes.

Il faut distinguer trois époques dans les emprunts de l'arabe: l'Empire arabe médiéval, le monde arabe moderne et enfin – cas particulier – la conquête de l'Algérie.

Dès la première moitié du VII-ième siècle, les premiers califes étendent leur pouvoir sur l'Égypte, la Syrie, la Perse. Parallèlement, les Arabes s'installent en Sicile.

Mais l'islam n'est pas seulement la grande puissance politique et militaire du Moyen Age, c'est aussi le foyer culturel. La source d'un essor littéraire, scientifique, technique dans le monde occidental ce sont des Mille et une nuits.

Par la Perse, d'autre part, ils rétablissent le contact avec l'Inde et l'Orient. Dès 773, ils traduisent les premiers textes scientifiques hindous.

Les plus grands noms de la littérature, de la philosophie, de la science médiévales sont arabes: Avicenne, philosophe, médecin, alchimiste, auteur du *Canon de médecine*, fait autorité en Occident jusqu'à l'époque moderne.

Il faudrait citer aussi les mathématiciens Al-Kharizmi, Khayam; les alchimistes Khalid ibn Yazid, Jabir ibn Hayyan, Rhazer, etc.

Les Arabes sont à l'origine de la science moderne et principalement de la médecine, de l'alchimie, des mathématiques, de l'astronomie. Ils ont été d'autre part, le relais avec l'Orient – par la Perse et Byzance – d'où ils ont ramené des plantes, des animaux, des cultures. Ils ont été les courriers du monde méditerranéen, à la fois navigateurs et commerçants. Enfin leur propre culture a fourni des objets, des institutions dans le domaine de l'art militaire, de l'architecture, des vêtements, etc.

La science arabe. – Les Arabes ont été des médecins et des alchimistes; les deux sciences se confondent, un des objets de l'alchimie étant la pharmacopée. Par ce biais ils se sont intéressés à des minéraux et à des plantes cosmétiques ou médicinales.

Le mot *alchimie* vient du grec *khymeia*, «mélange de sucs».

Alambic de même est arabo-grec, l'étymon étant le grec *ambix* «vase à distiller».

Le produit de la cohobation est *l'alcool* qui représente l'arabe *al-kohl* ou «antimoine pulvérisée» et par la suite le produit de la distillation.

Un autre mot arabo-grec est *élixir*, nom de pierre philosophale qui désigne aussi un remède d'après le grec *kséron*, «poudre sèche».

Chimistes et pharmaciens, les Arabes ont donné *le camphre*, *le goudron*, *la laque*, *l'alcali*, *l'aniline*, *le talc*, *le barax*, *le natron*, *le réalgar*, *l'élémi* ou «résine à vernis», *le colcotar*. Ils utilisent *l'ambre*, *la marcasite*, *la nacre*, *le carabé*.

Parmi ces préparations se trouvent de nombreux cosmétiques: *le musc*, *la civette*, *la nafle*, *le henné*, *le khol* et des remèdes comme *le bézoard* ou «contrepoison», *le lok* ou «pâte», enfin *sirop*, *julep* ou «potion».

Parmi les végétaux on trouve des «épices»: *le sucre*, *le limon*, *le cubèbe* ou «poivre», *le safran* et des fruits exotiques comme *l'orange*, *le limon*, *la pastèque*; *le coton* est venu à la fois de Sicile et d'Espagne sous la forme de *hoqueton*, *auqueton* < *al koton* désigne au Moyen Age une tunique de coton.

Par l'Italie sont venus *le coton*, *le sucre*, *le jasmin*, *le lilas*; par l'Espagne ou le Portugal *l'azerole*, *l'abricot*, *la pastèque*, *la salsepareille*; par la Provence *l'orange*, *le limon*, *le fustet* (autre nom du *samac*).

Mais ce qu'ont transmis les Arabes en France ce sont surtout des plantes médicinales comme *le séné* ou tinctoriales comme *le sumac* et *le kermès*.

Très réduit est le nombre des animaux venus par les Arabes: *gazelle*, *giraffe*, *papegai*, *gerboise* ...

Les Arabes ont été aussi des mathématiciens et des astronomes: l'astronomie leur doit: *nadir*, *azimuth*, *zenith*, *alidade*; les mathématiques: *l'algèbre*, *algorithme* – du nom de l'inventeur de l'algèbre Al-Korismi qui, au IX-ième siècle, introduisit en Europe les chiffres arabes et la numération décimale.

Chiffre remonte, par l'italien et le latin médiéval, à l'arabe *sifr* qui étymologiquement signifie «vide». Le sens premier est celui de «zéro».

Zéro, qui remonte lui aussi à *sifr*, est donc un doublet de *chiffre* qu'il remplace au XV-ième siècle.

La civilisation arabe. – Les Arabes ont été les courtiers de la Méditerranée. Leur commerce s'est fait principalement par l'Italie, en particulier par l'intermédiaire de Venise. Les Mozarabes d'Espagne ont été plus sédentaires.

La darse ou l'arsenal – il s'agit d'un même, le premier génois, le second vénitien – viennent de l'arabe *dâr-sinâ'a*, «arsenal maritime»; mot qu'on rapprochera du provençal *magazin* au sens d'«entrepôt». On a de même des noms de bateaux comme *felouque* et *carraque*; *fanal* réfère de même aux choses de la mer, ainsi que *gumène le* «câble d'une ancre».

C'est à l'activité commerciale des Arabes doit un certain nombre de termes qui désignent des poids; à côté de *carat*, qui est un mot d'alchimiste, on a *arobe* (par l'Espagne), *quintal* (mot arabo-byzantin) et romaine qui par l'intermédiaire du provençal désigne une «balance» d'origine arabe (rommâna).

Outre de nombreuses plantes médicinales et des épices, ce commerce a dû porter sur des produits orientaux: *la nacre*, *le satin*, *le cadis*, *le mohatra*. *Le matelas*, *massicot*, *massepain*, *matassin* sont aussi d'origine arabe. D'Espagne mozarabe viennent des fruits (*l'abricot*, *l'alberge*); des vêtements, *le hoqueton*, *le jaseran*, *la jupe*, *le gilet*; des objets: *la guitare*, *l'alcôve*, *l'alcaraza*... D'Espagne viennent encore des termes d'une civilisation, qui intégrée et assimilée, fournit des mots désormais espagnols plutôt qu'arabes: *algarade*, *fanfaron*, *alcade*, *alguazil*, *argousin*, *marrane*.

L'arabe fournit aussi à l'époque archaïque un certain nombre de termes militaires: *barbacane*, *barda*, *boutre*, *jaseran*, *timbale*; mais son influence est surtout marquée dans la terminologie de l'équitation et de l'hippologie.

On a des robes du cheval: *zain*, *aubère*; et *jarde* qui désigne une «tumeur osseuse du jarret».

L'Islam modern. – A partir du XV-ième siècle, l'influence culturelle des Arabes cesse de se faire sentir.

Ce n'est pas qu'à travers les fonds arabo-espagnols et italiens qu'ils continuent à alimenter le lexique français tout le long du XV-ième et du XVI-ième siècle.

Cette source s'épuise et l'analyse des mots arabes du XVI-ième et du XVIII-ième siècle montre qu'il s'agit d'une part de mots espagnols (*alquazil*, *laquais*, etc); d'autre part de mots orientaux, non assimilés, d'origine littéraire ou touristique.

Ce sont des mots d'une part, un folklore arabe d'origine littéraire; d'autre part, un argot militaire lié à la conquête de l'Algérie.

Le Moyen Age a légué déjà un certain nombre de mots spécifiques, des désignatifs de fonction, en particulier: *amiral*, *calif*, *émir*, *cadi*, *caïd*, *cheik*, *iman*, *mufti*.

Ces mots se multiplient au cours des XVII-ième siècle: *fakir*, *hourî*, *marabout*, *validé*, *almée*, *uléma*, *vali*, *djinn*, *goule*.

Ils sont presque tous d'origine littéraire. C'est de même à la mode du voyage en Orient qu'apparaît un certain nombre d'objets, de préparations: *babouche*, *kandjar*, *kohl*, *racahout* et le verbe *masser* qui indique l'origine orientale du massage; le mot et la chose sont venus avec *hammam*, vraisemblablement de Turquie.

A partir de 1830, apparaît un autre type de mots avec la conquête de l'Algérie; on les rencontre d'abord dans l'argot militaire et de là ils passent dans la langue populaire. L'implantation de la légion étrangère a favorisé le passage de ces mots arabes.

Certains continuent à avoir une dénotation indigène: *casbah*, *méhari*, *oued*, *djich*, *médersa*, *chéchia*.

Beaucoup ont été assimilés avec des connotations argotiques: *smala*, *nouba*, *cleb*, *toubib*, *barda*, *maboul*, *macache*, etc.

Le développement de l'Empire musulmane par des conquêtes territoriales produit une évolution du vocabulaire. Le contact des peuples engendre automatiquement un contact des langues. Le français, au fil des siècles, augmente son lexique en puisant à des sources diverses: le latin, le grec, mais aussi l'arabe, l'italien, l'allemand et, plus récemment, surtout l'anglais. Cet article s'oriente avant tout sur le contact entre les Français et les Arabes qui se sont fait déjà

depuis le Moyen Âge. Pendant des siècles, les deux peuples se côtoient et, par conséquence, leurs langues s'influencent. Ce contact mutuel produit beaucoup de mots nouveaux s'introduisant dans le système français et aussi dans celui de la langue arabe.

Références

1. Cohen, M. Histoire d'une langue: le français (des lointaines à nos jours). Paris: Messidor / Éditions sociales, 1987. P.159-160.
2. Condeescu, N.N. Traité d'histoire de la langue française. Bucuresti: Editura Didactică si Pedagogică, 1973.
3. Dubois, J., Mitterand, H., Douzat, A. Dictionnaire étymologique. Paris: Larousse, 2001.
4. De Greigueuil, P. 2000 ans d'histoire de France. Paris: Éditions Assouline, 1999.
5. Grevisse, M. Le bon usage: grammaire française. Paris: Duculot, 1993.
6. Guilbert, L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975.
7. Laneyrie-Dagen, N. Mémoire de la France: Des origines à nos jours. Paris: Larousse, 2003. 912 p.
8. Rey-Debove, J., Rey, A. Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris : Dictionnaire Le Robert, 2001.
9. Rey, A. Dictionnaire historique de la langue française. (2 volumes). Paris : Dictionnaire Le Robert, 2000.
10. Sourdel, D. Histoire des Arabes. Paris: PUF, 1991.
11. Walter, H. Dictionnaire des mots d'origine étrangère. Paris : Larousse, 1991.

УДК 811.133.1

НОВЫЕ «ПРИОБРЕТЕНИЯ» СЛОВАРЯ LE PETIT ROBERT-2023

Крымова Кристина Михайловна

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / 1129403@bsu.edu.ru

Аннотация

Лексикокультурные параметры лексики представляют собой неисчерпаемый материал для инновационных исследований. Дискурсивная эстетика является неотъемлемой частью национальной культуры, в частности – лингвокультуры. В коллективном сознании носителей национального языка лексикокультурный аспект текста генерирует лингвоэстетическую картину мира, свойственную каждому языковому сообществу. В статье рассматриваются некоторые аспекты подросткового дискурса и коммуникации и соответствующей картины мира с учетом лексикокультурных аспектов, отражаемых во французском словаре *Le Petit Robert*. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что неология французского языка обладает высокой степенью активности в современном французском национальном дискурсе и в языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая эстетика, молодёжный дискурс, французский язык, лексикокультурная картина мира, лексикография и коммуникация.

NEW «ACQUISITIONS» OF THE DICTIONARY LE PETIT ROBERT-2023

Krymova Kristina

Master student of the department of German and French languages

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / 1129403@bsu.edu.ru

Abstract

Lexicocultural parameters of vocabulary are inexhaustible material for innovative research. Discourse aesthetics is an integral part of national culture, in particular, linguistic culture. In the collective consciousness of the speakers of the national language, the lexical and cultural aspect

of the text generates a linguo-aesthetic picture of the world, characteristic of each linguistic community. The article deals with some aspects of adolescent discourse and communication and the corresponding picture of the world, taking into account the lexical and cultural aspects reflected in the French dictionary *Le Petit Robert*. A working hypothesis is put forward that the neology of the French language has a high degree of activity in modern French national discourse and in the linguistic picture of the world.

Keywords: linguistic aesthetics, youth discourse, French language, lexicological picture of the world, lexicography and communication.

Ведущие словари Французской республики, в частности *Le Petit Robert* регулярно обновляют свой лексический арсенал, чутко реагирую на вновь появляющиеся реалии, актуализирующие тенденции современного узуса среди различных слоёв населения, а также часто связанные с языковой политикой государства. Этот феномен касается словарей любых стран, которые стремятся идти вслед за новыми веяниями национального дискурса, но при этом объективно «отстают» в хронологическом плане, так как не успевают за скоростью внедрения новых слов в «живой вокабуляр» национальных языков [1; 2]. *Le Petit Robert* является одним из наиболее эффективных лексикографических продуктов, оперативно фиксирующих новейший языковой материал.

Le Petit Robert обнародовал некоторые слова, которые войдут в его бумажное издание в 2023 году. Некоторые из них – «go», «*écoanxiété*» и местоимение «*iel*». Напомним, что редакционная команда словаря выбирает слова, учитывая главным образом частотность их использования в речи.

Представим более детально ряд новых французских лексем, активно используемых носителями языка Мольера, которые будут зафиксированы в знаменитом французском толковом словаре будущего года (https://www.bfmtv.com/societe/genance-nft-wokisme-chiller-les-nouveaux-mots-du-petit-robert_AV-202210170256.html). Речь идёт, в частности о словах «гибридного» происхождения: «*gênance*», «*chiller*», «*wokisme*».

«*Gênance*», существительное женского рода, разговорного стиля: обозначает чувство смущения, дискомфорта, испытываемого в неловкой ситуации. Например, «*J'ai appris que le mot «malaisant» n'existait pas. La gênance quoi!*» (Я узнал, что слова «малезан» не существует. Неловко! Не попал!). По мнению некоторых учёных этого жаргонного термина, который должен обозначать «неловкую ситуацию», нет в словарях. Это даже не англицизм. «Возможно, смущение скорее обозначает чувство, испытываемое отдельным человеком, в то время как смущение будет соответствовать общей атмосфере, являясь, таким образом, редукцией смущения и настроения? Может быть. А пока воспользуемся соответствующей формулой: Неловкий момент», – предлагает Жан Прюво [цит. по 4].

В разговорном регистре отмечен глагол «*chiller*» («хорошо провести время, ничего не делая»). Широко используемое сегодня подростками, это идеальное выражение для обозначения воскресного дня, проведенного на диване за просмотром любимого сериала, или дня, проведенного у бассейна, или даже вечера, проведенного на террасе. Короче говоря, «*chiller*» действительно относится к образу безмятежности, расслабления и часто ассоциируется с Netflix.

Если часто приятно «чилиться» (в русском современном молодёжном дискурсе также есть такой глагол), знайте, что это не случается в любое время и в любом месте. Чтобы полностью понять использование этого глагола, вот несколько примеров предложений, содержащих глагол «*chiller*»:

- "*Qu'est-ce que t'as envie de faire aujourd'hui ? Je pensais qu'on pourrait chiller sur le canapé en mangeant une bonne glace*".

- "*J'irais bien chiller au cinéma devant un bon film. Et toi ? Moi, je préférerais qu'on aille chiller au parc*".

- "*Laisse-moi tranquille, j'aimerais bien pouvoir chiller en paix*" [https://www.ohmymag.com/news/que-veut-dire-chiller-definition-de-l-expression_art107917.html].

Как видно из приведенных выше примеров, рассматриваемый термин употребляется в контексте спокойствия и умиротворения, короче говоря, небольшого безделья (синоним «**farniente**»). В отличие от многих молодежных выражений, глагол «**chiller**» в основном употребляется устно. Однако использовать этот глагол в смс-сообщении или в социальных сетях вполне возможно.

Этот глагол часто «замечен» при номинации состояния, которое соответствует расслаблению, особенно в выражении *Netflix and Chill* (нетфликсни и чилься), которое подразумевает свернувшись калачиком под одеялом со своей половинкой перед сериалом, что по сути дела обозначает одну из «новых форм романтического свидания» [3].

«**Go**» («молодая девушка, молодая женщина» или «подруга») с некоторыми нюансами смысла. Закрепившееся на протяжении десятилетий в повседневном языке нескольких франкоязычных африканских стран слово «go» (ивуарийский сленг) было экспортировано за пределы континента в начале 2000-х годов, в частности, благодаря хиту *Premier gaou* от ивуарийской группы «Magic System». «Именно в моем беспорядке меня оставила го Анту, о, ах», – поет Салиф Траоре, псевдоним А'салфо, в первом куплете песни. Но прошло более двадцати лет, прежде чем *Le Petit Robert* принял это слово в свой словарный фонд [6].

«**Brouteur**». Это существительное происходит от глагола «пасться» (*brouter*) и относится к тому, кто кормится, не прилагая усилий для этого. Также обозначает **мошенника, который ловит своих жертв в Интернете**. Более того, это слово стало популяризироваться благодаря ивуарийскому сериалу «*Brouteur.com*», который несколько лет транслировался на телеканале *TV5 Monde* и в настоящее время состоит из трех сезонов. Эта мыльная опера рассказывает о злодеяниях ивуарийских мошенников в Сети [6].

«**Coolitude**» – состояние расслабленности, спокойствия, нередко способствует толерантному поведению. По мысли исследователей: «Современное потребление более чем когда-либо становится показным и участвует в инсценировке самого себя, ставя субъекта в зависимость от взгляда другого. Альтернативой сопротивлению этому и уходу является хладнокровие, способ существования без «присутствия». Хладнокровие строится на дистанцировании от ограничений. Мы наблюдаем игру с нормами, основанную на нарциссизме, гедонизме и иронической отстраненности. Эта «идентичность непринадлежности», по-видимому, представляет собой мощный рычаг для потенциальных клиентов в маркетинге» [5]

Как и каждый год, новые слова в издании отражают события и дискуссии по поводу актуальных фактов во французском обществе. Так, в 2023 году *le Petit Robert*, например, будет включать местоимение «**iel**» в свою бумажную версию после того, как в 2021 году оно было добавлено в онлайн-словарь, что вызвало бурные споры. Редакция объяснила этот выбор его использованием «при сильном узуальном росте в течение нескольких месяцев» [6]. Однако в словарной статье указано, что использование этого «придуманного» местоимения остается достаточно редким.

Словарь также добавляет модные слова «**woke**» и «**wokisme**», которые он определяет как «концепция американского происхождения, осуждающая несправедливость и дискриминацию», уточняя, что этот термин часто используется в уничижительном смысле [6].

Надо отметить, что слово «**pandémie**» по-прежнему присутствует в рейтинге будущего словаря. В 2021 году слова «**coronavirus**», «**covid**», «**confinement**» (изоляция) и «**déconfinement**» вошли или были обновлены в бумажном издании словаря. При этом к ним присоединилось прилагательное «**covidé**» (заболевший Ковидом).

Таким образом, современные французские словари, и в первых рядах – *Le Petit Robert*, «стоят на страже» современного языкового узуса. Это один из способов продолжать исконные лексикографические традиции. Материал данной статьи не следует рассматривать как всеобъемлющий анализ «лексических новинок» знаменитого словаря. Автор хотел лишь очертить одон из позитивных и актуальнейших явлений французской

лексикографии. Наша работа над материалом подход позволила хотя бы отчасти осознать тот факт, что изучение того, как любой языковой словарь способен «рассказать» культуру (в частности молодёжную), на самом деле оказывается ложной проблемой, поскольку, по нашему мнению, это может быть сделано только средствами блестящего глоссария, коим и является *Le Petit Robert*.

Литература

1. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
2. Седых А.П., Багана Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30). 31-37.
3. Седых А.П., Быканова М.С. Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси (монография). – Белгород: Издательский дом "Белгород", 2016. 156.
4. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
5. Barth I., Muller R. (2008) La coolitude comme nouvelle attitude de consommation: être sans être là. Réflexion prospective // Management & Avenir 2008/5 (n° 19), pp.18-36.
6. Le Monde Afrique *La «go», le «brouteur» et le «baptou fragile» font leur entrée dans Le Petit Robert* URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/10/14/la-go-le-brouteur-et-le-baptou-fragile-font-leur-entree-dans-le-petit-robert_6145878_3212.html (Date d'accès: 14.11.2022).

References

1. Sedykh A.P. *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU, 1998. 160.
2. Sedykh A.P., Bagana Zh. *Lingvisticheskie osnovy idiojetnicheskoj interpretacii jazykovoj lichnosti* [Linguistic foundations of the idioethnic interpretation of a linguistic personality] // Questions of Philology. 2008. No. 3 (30). 31-37.
3. Sedykh A.P., Bykanova M.S. (2016) *Jazykovaja lichnost' muzykanta: Aleksandr Skrjabin, Klod Debjussi (monografija)* [The linguistic personality of the musician: Alexander Scriabin, Claude Debussy (monograph)]. Belgorod: Publishing House «Belgorod», 156.
4. Sedykh A.P. [2022] *Jazyk, kul'tura, kommunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Jepicentr», 152.
5. Barth I., Muller R. (2008) La coolitude comme nouvelle attitude de consommation: être sans être là. Réflexion prospective // Management & Avenir 2008/5 (n° 19), pp.18-36.
6. Le Monde Afrique *La «go», le «brouteur» et le «baptou fragile» font leur entrée dans Le Petit Robert* URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/10/14/la-go-le-brouteur-et-le-baptou-fragile-font-leur-entree-dans-le-petit-robert_6145878_3212.html (Date d'accès: 14.11.2022).

УДК 81'373.612.2 '42

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СЕМИОТИЧЕСКОГО УСЛОЖНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВЕКОВ)

Кураш Сергей Борисович

кандидат филол. наук, доцент кафедры
белорусской и русской филологии,

Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина
Мозырь, Беларусь / text2005@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются те случаи, когда облик адресованного поэтического текста и/или характер его адресации подвергается метафоризации, в результате чего на выходе образуется иной, переосмысленный облик текста. В качестве основного семиотического

механизма данного процесса выступает метафоризация коммуникативной ситуации текста. Выявлено, что «эффект обманутых ожиданий» достигается такими приёмами, как включение в текст типологически «не своих» конструктивных элементов, переструктурирование жанра, введение авторского прогноза на восприятие текста, специфический фактор адресации (разговор с заведомо некоммуницирующим объектом, повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта и т. п.). Используются такие методы исследования, как описательно-аналитический, структурно-семантический, интерпретативный, контекстный и компонентный анализ. Исследование выполнено на материале русской и белорусской поэзии XX-XXI веков в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.

Ключевые слова: поэтический текст, метафоризация, коммуникативная ситуация, семиотическое усложнение, жанр.

**METAPHORIZATION AS A FACTOR OF SEMIOTIC COMPLICATION
OF THE TEXT COMMUNICATIVE SITUATION (BASED ON THE MATERIAL
OF RUSSIAN AND BELARUSIAN POETRY XX-XXI CENTURIES)**

Kurash Sergey

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department
of Belarusian and Russian Philology,
I.P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University
Mozyr, Belarus / *text2005@mail.ru*

Abstract

The article analyzes those cases when the appearance of the addressed poetic text and/or the nature of its addressing is subjected to metaphorization, as a result of which a different, rethought appearance of the text is formed at the output. The main semiotic mechanism of this process is the metaphorization of the communicative situation of the text. It is revealed that the "effect of deceived expectations" is achieved by such techniques as the inclusion of typologically "not their own" constructive elements in the text, the restructuring of the genre, the introduction of an author's forecast for the perception of the text, a specific addressing factor (conversation with a deliberately non-communicating object, narration on behalf of a deliberately non-communication object, etc.). Such research methods are used, as descriptive-analytical, structural-semantic, interpretive, contextual and component analysis. The research was carried out on the material of Russian and Belarusian poetry of the XX-XXI centuries within the framework of the State Program of scientific research of the Republic of Belarus "Society and humanitarian security of the Belarusian state" for 2021-2025.

Keywords: poetic text, metaphorization, communicative situation, semiotic complication, genre.

Введение

Объектом исследования в данной статье является действие метафорического механизма на уровне канала передачи текста и сопровождающих эту передачу авторских интенций и/или ожиданий от адресата. Речь идёт о тех случаях, когда облик адресованного текста и/или характер его адресации подвергается метафоризации и на выходе мы получаем некий иной, переосмысленный облик текста (тематический, жанровый, смысловой и пр.).

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на материале русской и белорусской поэзии XX-XXI веков с применением таких методов исследования, как описательно-аналитический, структурно-семантический, интерпретативный, контекстный и компонентный анализ.

Результаты исследования

Момент семиотического усложнения текста (в нашем случае – метафоризация коммуникативной ситуации) вносит определённые коррективы в решение задачи

восприятия текста, поскольку дотекстовые знания (а возможно, и начало самого текста), ориентирующие реципиента на одну программу восприятия, на каком-то этапе интерпретационной деятельности приходят в противоречие с дальнейшей текстовой информацией. «В процессе метафорической коммуникации параллельно говорящим и слушающим порождаются смыслы, которые либо совпадают частично и фрагментарно, либо вовсе не совпадают. Именно в таких случаях проявляется загадка метафоры» [Добжиньская 2000, 516]. Иными словами, некое «А» перерастает по ходу прочтения текста в некое «В», что и подлежит интерпретации по линии разгадки метафоры. «Акт восприятия метафоры предполагает именно такой сложный и многоаспектный отклик со стороны адресата, который охватывает разные стороны интеллекта. Тем самым, создание и понимание метафоры рассчитано на личное и заинтересованное участие обоих участников диалога – отправителя и адресата» [Добжиньская 2000, 519].

Например, если предложить читателю спрогнозировать жанр текста, имеющего название «*К вопросу о коммуникативной функции слова*», то им наверняка будет дан прогноз на отнесённость данного текста к научному стилю в области лингвистики. Однако стихотворение с таким заголовком мы встречаем у поэта Д. Сухарева. Отсюда – своеобразный эффект обманутых ожиданий, следствием которого становится и юмористический эффект. Достигается это включением в текст типологически «не своих» конструктивных элементов (в данном случае – заголовка). Ср. также названия ряда стихотворных произведений В. Шершеневича: «Принцип развернутой аналогии», «Ритмическая образность», «Принцип параллелизма тем», «Принцип поэтической грамматики».

Подобная «нестыковка» текста как целого и отдельных содержащихся в нём жанровых маркёров может быть отмечена уже в заголовке, ср. «Баллада-диссертация» (А. Вознесенский, «Баллада о бане», «Баллада о гипсе» и др. (В. Высоцкий), «Баллада о колбасе» (Е. Евтушенко), «Ода кухні» (В. Аксак), «Ода ходзікам» (Р. Барадулін), «Ода горлу» (П. Макаль), «Ода бульбе» (Р. Тармола-Мірскі), «Ода пра чыгунок» (Г. Юрчанка) и др.

Как видно, сами перечисленные тексты в реальности явно не соответствуют тем «высоким» жанрам, которые маркированы заголовками, что ведёт к смысловой модификации последних и перестроению программы интерпретации самих текстов в сторону сатрико-юмористических жанров.

Особым приёмом является индивидуально-авторская репрезентация жанра (типа) текста, когда последний метафорически перекодируется тем или иным образом. Ср., например, стихотворение Р. Бородулина «Загадка перакладу», начинающееся с базовой текстообразующей метафоры: *А перакласці – / Значыць пераплавіць, / Нанова пераліць метал упарты. / Перапісаць, / Закрэсліць, / Пераправіць, / Заблытаўшы сабе самому карты.*

Весьма интересным случаем является авторский прогноз на восприятие его текста или даже творчества в целом, своеобразная программа восприятия, подсказываемая читателю, поэтическая авторефлексия, ср.: *Я / немало слов придумал вам, / взвешивая их, / одно хочу лишь, — / чтобы стали / всех / моих / стихов слова / полновесными, / как слово «чуешь»* (В. Маяковский); *Я хочу быть понят своей страной, / А не буду понят – что ж... / Над родной страной я пройду стороной, / Как проходит косой дождь...* (В. Маяковский); *Стих последний, прошу, не примите буквально, / Ангел мой, я и так обливаюсь слезами. / Фет дивится, зачем я гляжу так чертовски-печально...* (В. Соловьев); *Мой вериш – як з чытачом размова, / Хоць пра сябе пішу парой, / Але заўсёды мае слова / Ў радках лірычны мой герой* (А. Балугенка); *Я хачу напісаць радок, / толькі адзін радок, / які наўны паэт / з галавой, кучаравай, як воблака, / мог бы ўзяць за эпіграф. / Напішу хоць бы так: / «Я аднойчы бачыў кепскага чалавека»* (М. Стральцоў).

Поскольку «интерпретация речевого произведения не безразлична не только к тому, кем именно и в какой обстановке оно было произнесено, но также и к фактору адресата» [Арутюнова 1981, 358], последний также весьма часто оказывается в фокусе метафоризации,

обусловливающей специфику коммуникативной ситуации текста. «Использование вокатива позволяет не только конкретизировать или метафорически определить референта, но и создать впечатление прямого контакта автора с адресатом» [Кисель 2014, 9].

В текстах белорусских и русских поэтов обнаруживаются различные варианты коммуникативной ситуации, структурированной подобным образом.

Это, например, эксплицитный диалог автора с воображаемым читателем, пример которого, в частности, находим в стихотворении И. Эренбурга «Ты помнишь, жаловался Тютчев...».

К текстам подобного рода близки те, в которых структурируется разговор с заведомо некоммуницирующим объектом (Г. Бураўкін, «Размова з дуброўніцкім ветрам»).

В этом плане весьма показательны тексты с так называемым компаративным обращением [Железнова-Липец 2009, 153]. «Обращаясь к неодушевленному объекту (...), поэт, разумеется, не ждет от него ответа, но соответствующий коммуникативный настрой оказывается решающим для процесса текстопорождения и существенно влияет на конечный облик поэтического произведения» [Соловьева, 2007, 5].

В качестве партнёра по коммуникации в таких текстах могут выступать:

- **природные явления и объекты окружающего мира неживой природы:** *Трывож мяне, сонейка, раннем, / Каб часам праспаць я не мог, / Як ладзіць жыццё вандраванне / У новую далеч дарог* (А. Астрэйка); *Скажы мне, мора: хто цябе ўгнавіў, / Чым зганьбаваў і дужа замаркоціў, / Што ты няспынна ў белай злосці грыў / За валам вал, нібыта помету, коціш? / Чаму за ўсё ў адказе берагі?* (А. Бачыла); *Я люблю вас, Планета...* (В. Коўтун); *Арбат – одна из самых узких улиц... / не разминуться на тебе, Арбат!..* (А. Межиров); *Прощай, табачный дым! Прощайте, папиросы!..* (Н. Минский); *Пой, мандолина, / Пока так запоется, / Что струна оборвется!* (Д. Самойлов);

- **представители животного и растительного мира:** *Толькі цяпер зразумеў / Як належыць, / Як ад цябе, колас, / Многа залежыць* (У. Карызна); *Ваша светласць бяроза / і ваша высокасць дуб, / ваша міласць асіна / і яснавяльможнасць ясень – паважаныя дрэвы!* (І. Лагвіновіч); *Погибай же, Гуляй-Поле, / молодое жито!..* (Э. Багрицкий); *Я сговорюсь с молчанием камней / И с вами, рыбы, как и с вами, птицы!..* (Л. Мартынов);

- **отвлечённые понятия:** *И ты, о час, што браўся дагадзіць / Жаданням першым, не крычы ў адчай: / Цябе мы не збіраемся судзіць, / Мы толькі супярэчнасць прыкмячаем* (А. Бачыла); *О век дваццаты! Хіба толькі гэта – / Тваіх сыноў украдзены спакой – / Перадасі далей, як эстафету, / Другім вякам і сыйдзеі мірна ў Лету – / Тым застанешся ў памяці людской?* (В. Рагойша); *Солоно мне твое солнце, март, / Мнимо горячее, только на стеклах / И оживляющееся* (В. Кривулин); *Но в тебя не верю, гласность, / Вижу всю твою напрасность, / Неестественность твою...* (А. Межиров);

- **собственное творчество, феномены интеллектуальной и духовной деятельности:** *Узрост... узрост... / Скажы, што робіш з намі? / Каму на ўцеху падмяняеш нас? / Мы аб цябе, як непрыбраны камень, / У спеіцы спатыкаемся штораз* (А. Бачыла); *Ляці, мая думка, ляці ты, галубка, / У далёкую даль – / У хмарку змяніся, / стралою нусціся / Між ветравых хваль* (К. Буйло); *Сонечны ветразь маленства, – / ты / Шумам лісця калыхала жыты* (М. Мятліцкі); *Ни о чем другом, / строка моя, не смей! / Другого смысла нету / тебе, моя строка!* (Г. Семенов); *Ах, вопросы, вопросы прямые, / вы не обошли ничего* (Б. Слуцкий);

- **предки, великие предшественники, которых нет среди живых.** «При помощи такого вида идентификации поэт размыкает временные и пространственные рамки» [Кисель 2014, 11], в результате чего актуализируется «вертикальный контекст», подключаются интертекстовые и/или интердискурсивные отношения: *Прадбачыў ты, / Мой чалавечны продак, / І светлы час, / І дружнюю сяўбу. / Аб нас заўжды / Ты думаў у паходах / І на Нямізе / Ладзіў малацьбу. / Араў і сеяў, / І зямлю скародзіў. / Карміцельку, / Яе не даў на глум. / Які ўжо век / Пасля цябе ўыходзіць / Дух дабрыні / З зярнятаў тваіх дум!* (В. Гардзей); *Здравствуй, Пушкин, издадека! / Твоя сказка – вечная странница, / А дорога сказки легка!* (П. Антокольский); *Между кладбищенских голых ветвей / нету, Лумумба, могилы твоей*

(Я. Смеляков); *Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник» / В раструб души ее проник, / И рокотал, и сердце ранил, / И душу страстную тиранил* (А. Тарковский);

• **современники («собратья по перу», критики и др.):** *На крылах души адляцела, / Каб толькі ў песнях вярнуцца, / У сонечны «Дзень вечаровы», / Ё «Каліну зімы» захінуцца. / Ах, Жэня, навошта так раниць / Народу пакутнаму сэрца? / Ад Ясельды – вечная памяць, / Ад Белае Русі – бясмерце* (Г. Дашкевіч, «Жэні Янішчыц»); *Шаноўны крытык, гэта дрэнны верш: / не то каб вельмі крыўдна за дзяржаву; / было – і гордасць адчуваў не мени... / Ды хочацца яе сусветнай славы!* (Л. Неўдах); см. также стихотворения Б. Ахмадулиной «Мои товарищи», С. Кирсанова «Асееву» и др.

В отношении текстов белорусских поэтов мы подтверждаем ранее сделанные исследователями наблюдения (об этом свидетельствует и собранный нами материал), что в функции вокатива здесь наиболее высокочастотными являются лексемы типа *пясняр, народ, песня, Беларусь, Радзіма, поле, песня, доля, мова, роднае слова* и т. п., в целом олицетворяющие патриотические понятия и актуализирующие концепт «малой родины» [Кисель 2014, 12-17], что не столь ярко выражено в русском лирическом дискурсе, за исключением некоторых поэтов, прежде всего есенинско-рубцовского направления.

Иногда лирическая коммуникация с некоммуницирующими объектами структурируется не прямо, а опосредованно, через указание на характер подобного общения, ср.: *Яны, партызаны смелья, былі / на «ты» з перамогай* (Р. Барадулін); *Здесь только жабы на погосте / С пустыми душами на «ты»...* (А. Аврутин); *Забудь, что с небом ты когда-то был на ты...* (И. Жданов); *Были мы с войной на «ты», / Всякие видали виды* (А. Межиров).

В составе текстов с метафорически структурированным обращением встречаются суппозитивные метафоры: *Вам, / вечаровыя паляны – / Прытулак ягад і грыбоў, / Я буду самым паслухмяным / Добраахвотнікам-рабом* (Г. Бураўкін); *Зеленые рощи, зеленые рощи, / Вы горькие правнуки древних лесов, / Я – брат ваш, лишенный наследственной мощи, / От вас ухожу, задвигаю засов* (А. Тарковский).

Значительную группу поэтических текстов русских и белорусских поэтов представляют такие, в которых автор ведёт повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта (П. Макаль, «Маналог сабакі», «Песня заваднога салдаціка»; Д. Самойлов «Песня ясеневолистка», М. Светлов «Песня трёх апельсинов» и др.) либо от лица другого человека (известной личности, литературного персонажа и пр.) (А. Сербантовіч, «Маналог Каліты», І. Лагвіновіч «Маналог Максіма Багдановіча», Д. Самойлов «Монолог Молчалина» и др.). В стихотворении П. Макаля «Нафта» находим интересный пример диалога таких метафор.

Наконец, говоря о месте метафоры в структурировании момента передачи текста от автора к адресату, следует, безусловно, учитывать и то, что «...в поэтических текстах некоторые смыслы выявляются в условиях коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем, что позволяет находить в поэзии те смыслы, которые могут появляться в процессе существования текста в «большом времени»: каждое произведение искусства ведет диалог и с голосами из прошлого, и обогащается новыми смыслами в будущем своем существовании, т. е. в нем проявляется координация систем: текст – время. Например, наш современник, переживший Чернобыльскую катастрофу, не сможет воспринять так же, как человек XIX века, белорусскую народную песню, в которой упоминается трава– разновидность полыни чернобыльник или чернобыль» [Муратова 2014, 20-21].

Справедливость приведённой цитаты можно проиллюстрировать стихотворением А. Вознесенского «Римский водитель», написанном в 1977 году. От современного читателя данный текст отделяют более четырёх десятилетий, и мало кому сейчас известно, что в 70-х годах XX века была мода у водителей прикреплять на лобовое стекло автомобилей портрет Сталина. Из соображений цензуры А. Вознесенский прибегает к аллюзии «Цезарь– Сталин», и текст, таким образом, становится своеобразной метафорой-загадкой.

Однако упомянутый временной промежуток длиною в два поколения, приведший к забвению данного факта, разрушил эту имплицитную метафору. Без подобных фоновых знаний – это лишь текст о Цезаре, лишённый подтекстовой метафоры.

Концептуально близким смыслом наполнены приводимые ниже строки белорусского классика Аркадия Кулешова, где речь идёт о восприятии поэзии молодняковцев поколением, отделённым несколькими десятилетиями, что структурировано посредством компаративного тропа, в фокусе которого – асимметрия адресованного и воспринимаемого, ср.: *Тысячы іх, тысячы / Пасланцамі племені, / Руху маладняцкага / Рынуліся з цемені / Да агню мастацкага. / Хай вартуюць дзіўныя / Вершы маладняцкія / Сховішчы архіўныя – / Іх магілы брацкія, / Хай радкі ўспрымаюцца / Сёння як гарэзія – / Сэнс у іх хаваецца / Большы, чым паэзія* (А. Куляшоў).

Заклучение

Таким образом, в русском и белорусском лирических дискурсах метафоризация коммуникативной ситуации вносит определённые коррективы в решение задачи интерпретации текста, поскольку дотекстовые знания (а возможно, и начало самого текста), ориентирующие реципиента на одну программу восприятия, на каком-то этапе интерпретационной деятельности приходят в противоречие с дальнейшей текстовой информацией. Отсюда – своеобразный «эффект обманутых ожиданий», который достигается включением в текст типологически «не своих» конструктивных элементов, например, «иножанрового» заголовка, переструктурирования жанра, введение авторского прогноза на восприятие его текста или даже творчества в целом, специфическим фактором адресации (разговор с заведомо некоммуницирующим объектом, повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта и т. п.).

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата // Изв. отд. лит. и яз. АН СССР. М., 1981. Т. 40. № 4. 356–367.
2. Добжинская, Т. «Мой интимный маленький мир» и поэтические способы концептуализации: метафора // Слово в тексте и словаре : сб. статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна ; отв. ред. Л. Л. Йомдин, Л. П. Крысин ; сост.: И. М. Богуславский, Л. Л. Йомдин, Л. П. Крысин. М. : Языки русской культуры, 2000. 513–522.
3. Железнова-Липец, И. А. Метафора-обращение в поэзии Ш. Бодлера (на материале цикла Жанны Дюваль «Цветы зла» и его русских разновременных переводов) // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Том 151, кн. 6. 152–159.
4. Кисель, Е. В. Функциональная семантизация / характеристика личных местоимений как средство создания художественного образа в поэтическом тексте (на материале творчества русских и белорусских авторов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 ; 10.02.02 ; Бел. гос. ун-т. Минск, 2014. 24.
5. Муратова, Е. Ю. Языковые средства выражения аллотропичности русского поэтического текста: автореф. дис. д-ра филол. наук; 10.02.01; Бел. гос. ун-т. Архангельск, 2014. 45.
6. Соловьева, Е. А. Диалогические основы англоязычного поэтического текста в аспекте его категориальных свойств: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 19.

References

1. Arutyunova, N. D. (1981) *Faktor adresata* [The addressee factor]. News of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences. Moscow, v. 40 (4): 356-367.
2. Dobzhin'skaya, T. (2000) «*Moj intimnyj malen'kij mir*» i poeticheskie sposoby konceptualizacii: metafora ["My Intimate Little World" and poetic ways of conceptualization:

metaphor]. A word in the text and dictionary : collection of articles for the seventieth anniversary of Academician Yu . D . Apresyan. Moscow. Yazyki russkoj kul'tury: 513-522.

3. Zheleznova-Lipic, I.A. (2009) *Metafora-obrashchenie v poezii Sh.Bodlera (na materiale cikla Zhanny Dyual' «Cvety zla» i ego russkih raznovremennyh perevodov)* [Metaphor-appeal in the poetry of Sh. Baudelaire (based on the material of Jeanne Duval's cycle "Flowers of Evil" and its Russian translations of different times)]. Scientific notes of Kazan State University. Humanities, v. 151 (6): 152-159.

4. Kisel', E. V. (2014) *Funkcional'naya semantizaciya / harakterizaciya lichnyh mestoimenij kak sredstvo sozdaniya hudozhestvennogo obraza v poeticheskom tekste (na materiale tvorcestva russkih i belorusskih avtorov XX veka)* [Functional semantics / characterization of personal pronouns as a means of creating an artistic image in a poetic text (based on the material of the creativity of Russian and Belarusian authors of the twentieth century)]. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Minsk.

5. Muratova, E. Yu. (2014) *Yazykovye sredstva vyrazheniya allotropichnosti russkogo poeticheskogo teksta* [Linguistic means of expressing the allotropy of the Russian poetic text]. Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. Arhangel'sk.

6. Solov'eva, E. A. (2007) *Dialogicheskie osnovy angloyazychnogo poeticheskogo teksta v aspekte ego kategorial'nyh svojstv* [Solovyova, E. A. Dialogical foundations of the English-language poetic text in the aspect of its categorical properties]. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Moscow.

81`373.4

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ И ИХ РОЛЬ В ПОСТРОЕНИИ ДИСКУРСА

Михеева Людмила Дмитриевна

старший преподаватель кафедры
лингвистики и межкультурной коммуникации
Московский международный университет
Москва, Россия / mikheeva_ld@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема функционирования дискурсивных маркеров в речи. На сегодняшний момент не существует единого взгляда на то, какие языковые единицы следует относить к дискурсивным маркерам. Цель работы – изучить разные подходы к данной проблематике, сопоставить некоторые из существующих классификаций и выделить основные функции дискурсивных маркеров в речи.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, дискурс, коммуникация, когерентность

DISCOURSE MARKERS AND THEIR ROLE IN BUILDING DISCOURSE

Mikheeva Liudmila

Senior lecturer of the Department of
Linguistics and Intercultural Communication
Moscow International University
Moscow, Russia / mikheeva_ld@mail.ru

Abstract

This article studies the problem of discourse markers and their functioning in speech. At the moment there is no consensus on which language items should fall into the category of discourse markers. The aim of this work is to analyze different approaches to the problem, to compare some of the existing classifications and to determine the main functions of discourse markers in speech.

Keywords: discourse markers, discourse, communication, coherence

Дискурсивные маркеры (далее ДМ) являются важным элементом обеспечения связности и целостности текста. Они представляют собой основу любого успешного коммуникативного акта, и следует отметить многообразие их функциональных возможностей. К основным функциям ДМ относят обеспечение смысловой целостности коммуникации, регуляцию процесса понимания написанного / сказанного, а также выражение эмоционального отношения говорящего к ситуации [Ткач 2020, 25]. Исходя из этого, можно говорить о том, что ДМ направлены либо на самого говорящего в случае, если он выражает свое эмоциональное отношение к предмету высказывания, либо на адресата, т.к. ДМ контролируют процесс понимания, либо на содержание самого высказывания и его языковое оформление. В последнем случае ДМ обеспечивают когерентность дискурса или являются метакоммуникативными средствами. На письме ДМ, как правило, выделяются запятыми, хотя существуют и другие способы их обособления.

Ученые по-разному трактуют понятие ДМ, опираясь на различные критерии их отбора. Проблема определения понятия ДМ усугубляется тем, что функции ДМ могут выполнять единицы, принадлежащие к разным частям речи и имеющие разный синтаксический статус: наречия, междометия, модальные частицы, союзы, словосочетания, отдельные лексемы, клаузы (минимальные просодические единицы) и т.д. Характерной чертой ДМ является отсутствие у них денотата, следовательно, изучать их возможно только через употребление, а также их помощь в установлении связности между несколькими составляющими дискурса.

Большинство зарубежных исследователей широко трактуют это понятие, хотя есть и такие лингвисты, которые выделяют в отдельную группу маркеры управления разговором (conversation management discourse markers), например, *right*, *OK*, *you know*; связующие слова (linking words), например, *therefore*, *however*; и наречные сочетания (linking adverbials) [Седова 2015, 158-159]. Подобным образом понятие дискурсивных маркеров трактуется и в отечественном языкознании. Так, Власян Г.Р. рассматривает дискурсивные маркеры как целый класс слов, характерной особенностью которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса. Особую важность дискурсивные маркеры играют для обеспечения интерактивного процесса [Власян 2011, 117]. Согласно словарю терминов и понятий лингвистики, дискурсивный (или дискурсивный) маркер – это языковой инструмент структурирования дискурса – от фонетических показателей до синтаксических. Дискурсивные маркеры – слова, фразы, звуки, не имеющие реального лексического значения, но обладающие функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре [Жеребило 2011].

При рассмотрении ДМ необходимо принимать во внимание их паралингвистические характеристики. Согласно словарю русских частиц, дискурсивные слова служат для: 1) выражения субъективно-модальных оценок сообщаемой информации; 2) выражения цели коммуникации, а также передачи утверждения или отрицания; 3) характеристики действия по его протеканию во времени, результативности или нерезультативности, неполноте или неполноте его осуществления [Шимчук, Щур 1999].

Не существует и общепринятой классификации ДМ. После проведения функционально-прагматического анализа употребления ДМ Прасолова Ж.Г. предложила следующую классификацию:

1. маркеры установления, поддержания и завершения контакта: *good afternoon*, *добрый день*, *welcome!*, *добро пожаловать!*, *пожалуйста*, *здравствуйте!*, *всем привет!*, *hi*; *go ahead*, *all right*, *yeah*, *ok*; *понятно*, *понимаю*, *да*, *a*;

2. маркеры достоверности сообщения: *perhaps*, *maybe*, *obviously*, *of course*, *certainly*, *really*; *наверное*, *якобы*, *возможно*, *абсолютно*, *точно*, *явно*, *очевидно*, *конечно*, *действительно*;

3. маркеры релевантности: *concerning*, *by the way*; *что касается*, *кстати*;

4. **личностные маркеры:** *in my view, unfortunately, I promise; мне кажется, по моему, я полагаю, я думаю, я считаю;*

5. **контрастивные маркеры:** *instead, however, but; но, хотя, тем не менее, просто;*

6. **маркеры источника сообщения:** *they say; говорят;*

7. **маркеры количественной и качественной оценки:** *about, nearly, almost, at least, enough, much, whole; около, почти, по крайней мере, довольно, весьма, еще;*

8. **детализирующие маркеры:** *here, yeah, namely, specifically, listen, look; смотрите, только, вот, в основном, особенно, кстати;*

9. **перечисляющие маркеры:** *firstly, secondly, thirdly, finally; в первую очередь, во-первых, во-вторых, также;*

10. **маркеры хезитации:** *well, yeah, so, you know; ну, просто, вы знаете, так сказать, скажу;*

11. **пространственно-временные маркеры:** *here, now, yet, still, when; потом, затем, когда, теперь, там, тогда.* [Прасолова 2014, 300-301].

В своей диссертации Сарафанникова Е.В. исследует ДМ соотношения сообщаемого с действительностью и выделяет следующие группы:

а) **ДМ оценки достоверности:** *probably, possibly, perhaps, obviously, of course, indeed, certainly, really, якобы, может быть, возможно, пожалуй, явно, видимо, очевидно, конечно, действительно.* Далее данные ДМ подразделены на подгруппы согласно степени оценки достоверности.

б) **ДМ оценки противоречия:** *yet, nevertheless, though, however, but, впрочем, тем не менее, однако, но;*

в) **ДМ количественной оценки:** *nearly, almost, about, at least, почти, примерно, около, по крайней мере, по меньшей мере;*

д) **ДМ временной оценки:** *still, so far, yet, already, еще, пока, уже.* [Сарафанникова 2006, 10-17].

В то же время Хилханова Э.В. и Хилханов Д.Л. предлагают свою классификацию ДМ: 1) аксиологические (оценочные) ДМ; 2) эпистемические ДМ; 3) эмфатические и характеризующие (образа действия) ДМ; 4) объяснительные ДМ; 5) усиления, повторы; 6) контраст, альтернатива; 7) детализирующие и уточняющие ДМ; 8) маркеры обобщения; 9) маркеры допущения и уступки; 10) указательные маркеры; 11) интерактивные маркеры [Хилханова, Хилханов 2019, 257].

В свою очередь Седова Н.Б. по-другому группирует дискурсивные маркеры. Данная классификация делит ДМ на:

1) **текстовые ДМ** (textual discourse markers). Данная группа включает в себя ДМ перечисления (discourse markers of enumeration), присоединения (apposition), дополнения (addition), ограничения (limitation), причины и следствия (causes and results), противопоставления и уступки (contrast and concession);

2) **стилистические или подготовительные ДМ** (style or preparatory discourse markers);

3) **ДМ отношения** (attitude discourse markers);

4) **ДМ управления разговором** (conversation management discourse markers) [Седова 2015, 159].

Как следует из выше приведенных классификаций, исследователи по-разному рассматривают функционирование ДМ в речи, что приводит к разным подходам к типологизации данного языкового явления. В большинстве случаев ДМ стоят в начале предложения и выделяются запятой. Однако, в зависимости от того, какую часть предложения говорящий хочет выделить, положение в предложении может меняться, а в месте с ним и пунктуация.

В заключение следует отметить, что ДМ выполняют модальную, метаязыковую, а также дейктическую функции, что структурирует дискурс и помогает слушающему /

читающему ориентироваться в нем. При изучении иностранных языков следует помнить, что каждый язык имеет свой набор дискурсивных средств, а уместное употребление дискурсивных маркеров показывает коммуникативную компетентность говорящего. При включении ДМ в речь следует помнить о частоте употребления, стиле текста и месте в предложении. Неуместное или чрезмерное употребление ДМ перенасыщает дискурс информацией и запутывает слушателя или читателя, не позволяя ему сконцентрироваться на главной мысли и прийти к нужному заключению.

Литература

1. Власян Г.Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса // Вестник ИГЛУ. 2011. №4 (16). – С.115-121.
2. Прасолова Ж.Г. Полифункционал дискурсивных маркеров в текстах политических дебатов на материале русского и английского языков // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Томск, 21–23 мая 2014 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет. 2014. – С.299-302.
3. Сарафанникова Е.В. Дискурсивные маркеры соотношения сообщаемого с действительностью (на материале телевизионных новостей на русском и английском языках): специальность 10.02.19 "Теория языка": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Воронеж: Изд-во ФГУ «Воронежский ЦНТИ», 2006. – 20 с.
4. Седова Н.Б. Использование дискурсивных маркеров в письменной и устной речи // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: Сборник научных трудов, посвященный 15-летию кафедры английского языка №5 МГИМО. Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015. – С. 158-161.
5. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим». Т.В. Жеребило. 2011.
6. Ткач И. А. Историческая динамика семантики дискурсивного маркера (на примере маркера иначе говоря) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. – С. 25-34.
7. Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Дискурсивные маркеры в двуязычной речи: вопросы типологии и закономерности функционирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 7. – С. 256-260.
8. Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова // *Berliner Slawistische Arbeiten*. – В.9. – Frankfurt am Mein: Peter Lang; EuropaeischerVerlag der Wissenschaften, 1999. – 146 с.

References

1. Vlasyan, G.R. (2011) *Osobennosti funkcionirovaniya markerov angloyazychnogo konversacionnogo diskursa* [Functioning of markers of English conversational discourse] // Vestnik IGLU. №4 (16). – P.115-121.
2. Prasolova, Zh.G. (2014). *Polifunktional diskursivnyh markerov v tekstah politicheskikh debatov na materiale russkogo i anglijskogo yazykov* [Polifunctionality of discourse markers in the texts of political debates on the material of the Russian and English languages] // *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury. Sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i molodyh uchennyh* [Communicative aspects of language and culture. Collection of writings of XIV International research and practical conference of students and young scientists], Tomsk, 21–23 May 2014. – Tomsk: National research Tomsk polytechnic university. 2014. – P.299-302.
3. Sarafannikova, E.V. (2006) *Diskursivnye markery sootneseniya soobshchaemogo s dejstvitel'nost'yu (na materiale televizionnyh novostej na russkom i anglijskom yazykah)* [Discourse markers of the correlation between the information and the reality (on the material of

TV news in the Russian and English languages): specialization 10.02.19 “Theory of Language”: dissertation abstract for the degree of candidate of philological sciences. – Voronezh: publishing house FGU «Voronezhskij CNTI», 20 p.

4. Sedova, N.B. (2015) *Ispol'zovanie diskursivnyh markerov v pis'mennoj i ustnoj rechi* [Use of discourse markers in written and oral speech] // *Professional'naya kommunikaciya i mul'tikompetentnost': Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj 15-letiyu kafedry anglijskogo yazyka №5 MGIMO* [Professional communication and multicompetence: collection of research papers, dedicated to the 15th anniversary of the English language department №5 MGIMO]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (university) the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs, P. 158-161.

5. *Terminy i ponyatiya lingvistiki: Obshchee yazykoznanie. Sociolingvistika: Slovar'-spravochnik* [Terms and notions of linguistics: General linguistics, Sociolinguistics: Reference dictionary]. Nazran: ООО «Piligrim». T.V. Zhrebilo. 2011.

6. Tkach, I.A. (2020) *Istoricheskaya dinamika semantiki diskursivnogo markera (na primere markera inache govorya)* [Historical dynamics of meaning of a discourse marker (case study of the marker inache govorya /in other words)] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Newsletter of Voronezh State University]. Series: Linguistics and intercultural communication. № 1. – P. 25-34.

7. Khilkhanova, E.V., Khilkhanov, D.L. (2019) *Diskursivnye markery v dvuyazychnoj rechi: voprosy tipologii i zakonomernosti funkcionirovaniya* [Discursive markers in bilingual speech: problems of typology and principles of functioning] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. V. 12. № 7. – P. 256-260.

8. Shimchuk, E.G., Shchur, M.G. (1999) *Slovar' russkih chastic* [Dictionary of Russian particles]/ edited by V. Gladrov // *Berliner Slawistische Arbeiten*. – B.9. – Frankfurt am Mein: Peter Lang; EuropaeischerVerlag der Wissenschaften, 146 p.

УДК 81'373.7

СПЕЦИФИКА ЖАРГОНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛИЦЕИСТА

Почтарева Александра Сергеевна

студент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / 1385878@bsu.edu.ru

Аннотация

Студенческий сленг и жаргон имеют специфические для любой культуры способы актуализации. В практическом сознании носителя языка формируется «жаргонная картина» свойственная каждой культуре. В статье рассматриваются некоторые аспекты лексической специфики дискурса французского лицеиста с учетом этнокультурных факторов. Используется методология лингвосемиотического анализа языкового материала.

Ключевые слова: жаргон, молодёжный дискурс, молодёжная картина мира, семантическая и символическая доминанта, французская лингвокультура.

SPECIFICITY OF THE JARGON OF A FRENCH LYCEUM STUDENT

Pochthareva Alexandra

Student of the German and French languages department

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / 1385878@bsu.edu.ru

Abstract

Student slang and jargon have culture-specific ways of updating. In the practical mind of a native speaker, a “slang picture” is formed, which is characteristic of every culture. The article deals with some aspects of the lexical specifics of the discourse of a French lyceum student,

taking into account ethno-cultural factors. The methodology of linguosemiotic analysis of language material is used.

Keywords: jargon, youth discourse, youth world view, semantic and symbolic dominant, French linguistic culture.

Жаргон представляет собой разновидность речи, используемую преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, которая объединяет людей по признаку профессии (профессиональный жаргон), положения в обществе (жаргон дворянства), возраста (молодёжный жаргон). К молодёжному жаргону или как еще говорят, сленгу, можно отнести и особый жаргон лицеистов, поскольку во Франции он представляет собой неисчерпаемый фонд для исследования и моделирования процессов эволюции национального языка, в частности французского языка [1].

Лингвистическое понятие сленг было заимствовано от английского «slang». Сленг, как и общий жаргон, неоднороден. Начиная с лексики, жаргон сначала появляется в определенной группе людей, а затем распространяется в определенной социальной группе. Пополняется лексика за счет заимствований из других языков, и за счет сокращений и упрощений слов. Французская молодёжная культура – это отдельный мир, который не похож на остальные. Французский сленг или жаргон молодежи отличается своей экспрессивностью, резкостью и даже порой некой словесной абсурдностью. В основном французская молодёжная лингвокультура возникает как протест против словесных штампов, правил, желая отличиться, показать свое отношение к миру взрослых и проявить себя.

Если рассмотреть жаргон французских лицеистов, то он обладает специфическими чертами на всех уровнях своего функционирования. Эти черты проявляются в специфическом словообразовании, усечённых формах синтаксических конструкций, а также в активном заимствовании лексем из английского языка. То есть специфика французского жаргона наблюдается в следующих феноменах:

Первый способ словообразования, который необходимо выделить – *верлан*. Использование арготизмов, образованных способом метатезы, или перестановки звуков и слогов, и получивших в совокупности название «верлан».

1. Односложные слова, где закрытый слог. Сначала необходимо односложное слово преобразовать в двусложное и добавить [э] (на письме представленное «е» или буквосочетанием «eu»), а затем поменять местами слоги. Например: *tronche* - *troncheu* - *chetron* 1) «голова»; 2) «лицо»;

2. Двусложные слова и выражения. Формы верлана создаются с помощью простой перестановки слогов. Например: *louche* – *chelou* 1) «плохой», «неприятный»; 2) «подозрительный»; *vas-u* – *zi va* «давай, давай!». Отмечены случаи усечения окончания и в двусложных словах: *taxi* – *xita*- *xit* «такси».

3. Трехсложные слова. Например: *cigarette* – *garetc* «сигарета».

Хотелось бы отметить, что современный верлан у лицеистов часто приблизителен, отклоняется от правил. Верланизирующий вынужден отклоняться от правил в силу того, что нарушается герметичность и слова с кодом проникают в общую социальную среду, включаются в обычные словари, становятся понятными всем носителям языка. Вместе с проникновением лексических единиц в широкую аудиторию происходит расшифровка кода. Странники верлана лишаются средства обособления и пытаются изменить конституирующий принцип.

Veul - это язык, который представляет соединение простого верлана и разного ряда сокращений. Например, *moche* – *cheum* (вместо *cheumo* или *chemo*). Или «*veul*» как верланизированный верлан (*verlan de verlan*). Если проанализировать модель использования *veul*, то действительно нельзя вывести общие правила трансформации лексических единиц. Например: *comme ça* – *sakom* – *asmeuk*; *negre* – *greune*; *celui-la* – *lasse*; *look* – *kelou* – *keul*; *chaud* – *auch*; *style* – *leust*.

Среди вышперечисленных примеров есть лексемы, которые преобразованы в «veul», не пройдя предварительно этап верланизации. Но в любом случае «veul» обязан «верлану» идеей лингвистического кода, который, несмотря на постоянные изменения, хранит свое стремление к оригинальности в речи.

Неспецифические словообразовательные механизмы, представленные в жаргоне французских школьников и лицеистов. К ним относятся: апокопы, редупликация и другие.

Апокопы - один из типов усечения. Как правило, многосложные лексемы сокращаются, достигая канонических форм. Эти формы представляют двусложные. Например, assoce (от association) - «ассоциация», «общество».

Арготизмы, состоящие из четырех или пяти слогов, могут быть свернуты до трехсложной формы: sebasto (от boulevard de Sebastopol) - «Севастопольский бульвар в Париже».

При сокращении верланизированных и неверланизированных арготизмов, наряду с усечением гласного, rainco (от rainco - corain (верланизация) «друг») происходит:

1) замена корневого согласного звука: biz (от business) «махинации»; «незаконная торговля»;

2) замена диакритического знака: tec (от teci - верланизация cité) «город»;

3) одновременная замена корневого согласного и диакритического знака: manes (от manesi - верланизация cinéma) «кино».

Сокращению по типу апокопы подвергаются не только отдельные слова, но и словосочетания, обозначающие реалии учебной жизни: cerf (от certificat d'études supérieures) - «диплом об окончании высшего учебного заведения»; mathspe (от mathématiques spéciales) - «второй и третий год курсов по подготовке в высшие технические учебные заведения».

Арготизмы, построенные по *принципу редупликации*, - еще одно проявление склонности лицеистского жаргона к словесному изменению. Редупликацию можно рассматривать как процесс «затаения» слова, несмотря на то, что всякое повторение обращает на себя внимание. При выборе этого словообразовательного приема, следует результат - необычная форма слова.

Редупликативные арготизмы создаются: 1) на основе усеченных слов по типу афрезы: fanfan (от enfant) - «ребенок»; gengen (от argent) - «деньги»; ziczic (от musique) - «музыка»; 2) на основе верланизированных и усеченных слов по типу апокопы: gebgeb (верланизация и усечение bouger: gebou - geb) - «пойти куда-нибудь развлечься»; 3) на основе заимствований из иностранных языков: kifkif (заимствование из магрибского диалекта арабского языка) - «одинаковый, такой же»; «в точности».

Заимствование. Во французском лицеистском арготизме следует выделить три пласта заимствований:

1) иноязычные заимствования;

2) заимствования из общего и старого арготизма;

3) диалектальные заимствования.

Выбор иностранного языка, с которым обращается французская учащаяся молодежь в целях заимствования и введения отдельных лексических единиц в свою языковую среду, объясняется сосуществованием нескольких языковых систем. Во Франции проживает двадцать пять языковых сообществ. Это первый путь пополнения словаря за счет иноязычных заимствований. Заимствования из иностранных языков происходят в условиях естественного общения французских школьников и студентов с носителями других языков и культур.

Самыми частыми по употреблению являются следующие языки:

1) английский. Анализ лексических единиц французского жаргона учащейся молодежи показывает, что в последние десятилетия зафиксировано интенсивное заимствование из английского и американского сленга. Заимствования из англо-американского сленга принимают участие в формировании словосочетаний, вторым

элементом которых являются лексемы из общенационального языка: *flipper sa mere* «очень бояться»; *flipper sa gace* «трястись от страха».

2) арабский. Во французском молодежном сленге представлены лексические единицы из современного арабского языка, его диалектов: алжирского, магрибского, марокканского, а также берберского языка. Подтверждением являются следующие лексемы: (a)rhouch (от *maej* / марок, диал.) «полицейский»; *agioul* (от *ariul* бербер, яз.) «дурак», «идиот».

3) цыганские. Например, *bicrav* (от *bixava sintopie montais*) 1) «заниматься незаконной торговлей»; 2) «красть»; *chtar* (от *ctar sinto*) «полицейский»; *love(s)* (от *lovo romani*) «деньги»; *racli* (от *racli sinto*) «девушка», «женщина»; *raclo* (от *raclo dialecteka derash*) «парень», «мужчина» [3].

Кроме того, есть многочисленные заимствования из англоамериканского сленга и отдельные вкрапления из латинского, греческого, немецкого, испанского, турецкого, русского языков и языка хинди.

Диалектальные заимствования представлены лексемами из региональных диалектов и региональных аргос. На передний план выступают заимствования из марсельского аргос, одним из источников которого является провансальский язык: *choumpos* «группа подростков»; *damoshe* «девушка», «женщина»; *empeguer* 1) «наложить взыскание»; 2) «взять с поличным»; *empegue* «пьяный»; *engatse* «проблема», «неприятность»; *gazier* «парень»; *gaziere* «девушка»; «задавака»; *mia* 1) «красивый парень»; 2) «средний француз».

Заимствования из старого и общего аргос. Французские исследователи подчеркивают, что старое, или традиционное аргос всегда поддерживало общее аргос, которое, в свою очередь, постоянно снабжает арготизмами аргос социальных групп. Пласт лексических единиц, принадлежащих старому и общему аргос, лежит в основе арготического вокабуляра французских школьников, лицеистов [2].

Есть арготизмы, заимствованные из традиционного и общего аргос и используемые в новом значении. Они формируют отдельные группы: *arbi* - арабский; *bled* 1) «место рождения»; 2) «араб» (от *bled* «место», «местность»); *chtar* «полицейский» (от *chtar* «карцер»); *crevard* «подозрительная личность» (от *crevard* «умирающий»); *gadjo* «парень», «мужчина» (от *gadjo* «не цыган»); *gadji* «девушка», «женщина» (от *gadji* «не цыганка»); *gratteur* «человек, который постоянно просит у других помощи, денег и т.п.» (от *gratteur* «гитарист», «скрипач»); *gacier* «кадрить» (от *gacier* :наказывать:).

Таким образом, жаргон французского лицеиста отличается от общенационального языка, как на уровне лексики, так и на уровне специфических синтаксических конструкций. Вместе с тем построение и прагматика высказываний на студжаргоне глобально соответствует традиционным нормам французского языка. Важным элементом лицейского мировоззрения выступает жаргонная картина мира, в которой вербализуются базовые приоритеты подросткового мышления: тематика межличностных отношений, сексуальных, физиологических, межкультурных, а также рефлексии о дружбе, любви, профессии.

Литература

1. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
2. Goudaillier J-P. (2011) De l'art de susciter la panique par l'appellation des maladies en langue populaire et argotique // Colloque Les mots de la santé. Travaux du CRTT, Université Lyon 2, 11-12 décembre 2008, Paris, L'Harmattan, 2011, pages 31-38.
3. Rey Alain, Chantreau Sophie (1994), Dictionnaire des expressions et locutions, (2ème éd.), Paris, Le Robert.

References

1. Sedykh A.P. (2022) *Jazyk, kul'tura, komunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Epicentr», 152.
2. Goudaillier J-P. (2011) De l'art de susciter la panique par l'appellation des maladies en langue populaire et argotique // Colloque Les mots de la santé. Travaux du CRTT, Université Lyon 2, 11-12 décembre 2008, Paris, L'Harmattan, 2011, pages 31-38.
3. Rey Alain, Chantreau Sophie (1994), Dictionnaire des expressions et locutions, (2ème éd.), Paris, Le Robert.

УДК 821.161.3

МЕТАФОРЫ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ РОМАНА И. МЕЛЕЖА «ЛЮДИ НА БОЛОТЕ»

Прохоренко Людмила Валерьевна

доцент, кандидат филологических наук
доцент кафедры белорусской и русской филологии
УО «Мозырский государственный педагогический
университет им. И. П. Шамякина»
Мозырь, Республика Беларусь /
prohorenkoludmila129@gmail.com

Бабич Дарья Вячеславовна

студентка филологического
факультета
УО «Мозырский государственный
педагогический университет им.
И. П. Шамякина»
Мозырь, Республика Беларусь

Аннотация

Статья посвящена одной из важных проблем в филологии – анализу особенностей перевода на близкородственные языки. Рассмотрены основные аспекты перевода: адекватность, общие требования к художественному переводу; вопросы, касающиеся особенностей профессионального перевода. В работе отмечено, что метафоры, использованные в романе «Люди на болоте» и его переводе на русский язык, явно расширяют семантику слов, служат для придания новых оттенков знакомым явлениям и понятиям, для выражения чувств автора и эмоционально-экспрессивной характеристики персонажей произведения. Метафоры, использованные в романе, свидетельствуют о богатстве языка произведения И. Мележа, его умении красочно и художественно тонко раскрывать лирические образы. Смысловый и стилистический анализ функционирования метафор в романе выявляет творческую индивидуальность, новаторство автора, заключающееся в самобытном выборе и умелом использовании языка, обогащении всего лексического фонда белорусского литературного языка, позволяет точнее воспринимать тексты, также способствует бережливому отношению к слову. Делается вывод о том, что перевод в целом соответствует оригиналу в отображении основных деталей, которые включаются в понятие метафора, но мощь, разнообразие и гармонию полесской жизни смог передать оригинал. В прозаическом переводе наблюдаются интерферентные явления.

Ключевые слова: метафора, оригинал, перевод, текст, адекватность, метафоризация.

METAPHORS IN THE ORIGINAL AND TRANSLATED TEXTS OF I. MELEZH'S NOVEL «PEOPLE IN THE SWAMP»

Prokhorenko Lyudmila

Candidate of philological Sciences, Assistant Professor
of the Department of Belarusian and Russian Philology
at Mozyr State Pedagogical University named after
I. P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus / *prohorenkoludmila129@gmail.com*

Babich Darya

Student of the Faculty of Philology
Mozyr State Pedagogical
University named after
I. P. Shamyakin
Mozyr, Belarus

Abstract

The article is devoted to one of the important problems in philology – the analysis of the features of translation into closely related languages. The main aspects of translation are considered: adequacy, general requirements for literary translation; questions concerning the features of professional translation. The work notes that the metaphors used in the novel "People in the Swamp" and its translation into Russian clearly expand the semantics of words, serve to give new shades to familiar phenomena and concepts, to express the feelings of the author and the emotional and expressive characterization of the characters of the work. The metaphors used in the novel testify to the richness of the language of the work of I. Melezh, his ability to colorfully and artistically subtly reveal lyrical images. The semantic and stylistic analysis of the functioning of metaphors in the novel reveals the creative individuality, the author's innovation, which consists in the original choice and skillful use of the language, the enrichment of the entire lexical fund of the Belarusian literary language, allows to perceive texts more accurately, and also contributes to a thrifty attitude to the word. It is concluded that the translation as a whole corresponds to the original in displaying the main details that are included in the concept of metaphor, but the original was able to convey the power, diversity and harmony of the Polissya life. In the prosaic translation interference phenomena are observed.

Keywords: metaphor, original, translation, text, adequacy, metaphorization.

Введение

В последнее время при обсуждении проблем развития общелитературного языка и национальной культуры, так или иначе, возникают проблемы языковой коммуникации, билингвизма, диалога культур, их взаимодействия и взаимовлияния. Эффективная языковая коммуникация играет большую роль в осуществлении любой деятельности.

Проблема перевода литературных произведений очень актуальна для нашего времени. Каждый переводчик должен решить задачу адаптации, которая осложняется рядом факторов, в том числе и многозначностью слов, и синонимией, и национальными реалиями, и «игрой слов», основанной на специфических особенностях определенного языка, и системой культурных, языковых и мировоззренческих характеристик того или иного народа. А ещё переводчику надо перестраивать синтаксис предложений, выбирать наиболее подходящие эквиваленты.

И. Мележ внимательно и творчески относится к языку. Среди разнообразных языковых образных средств приметна метафоричность. В произведениях, как и вообще в языке, наиболее часто употребляется такая метафора, значение которой раскрывается в микроконтексте: *шустрый огонёк, весёлый блеск (огня), скупая ненадёжная земля, злая непогода, нудные дожди* и другие.

Особый интерес вызывают созданные писателем необычные метафоры, понятные только в широком контексте. Людские характеры, жизненные явления автор оценивает в романе «Люди на болоте» по-разному. Некоторые из них описывает коротко, другие, наиболее важные в эмоциональных, эстетических и других отношениях, наоборот, выделяет и обращает на них особенное внимание.

Цель работы. Целью статьи является сравнительно-сопоставительный анализ метафорических переносов на материале романа И. Мележа «Люди на болоте».

Методы и материал исследования. Были использованы метод контекстного и текстологического анализа, описательный метод. Материалом исследования послужили метафорические средства в романе И. Мележа «Люди на болоте» и особенности их перевода на русский язык.

Результаты и их обсуждение. «Люди на болоте» – бытовой, семейно-психологический роман с глубоким социальным содержанием. И. Мележ показывает своих героев в работе, во время отдыха, в домашних заботах. Сцены сенокоса, жатвы, молотбы, картины Рождества, сватанья, свадьбы Евхима с Ганной, прокладывание плотины, конфликты во время передела земли, эпизоды, в которых поэтизируется любовь

Ганны и Василя неразрывно связаны с описанием природы: развитие сюжета в произведении дополняется пейзажными зарисовками. Роман начинается описанием необычного острова среди болот, на котором находится деревня Курени. Пейзажный рисунок знакомит нас со временем и местом действия. Описание необычного острова у писателя пропитано любовью к родным местам, горькой болью за своих земляков, которым нелегко живётся среди болот.

Труд куренёвцев, их повседневные заботы подаются на фоне их взаимодействия с природой. Поле, лес, болото, с одной стороны, – это те нелёгкие условия, в которых живёт, добывая кусок хлеба, полесский крестьянин. «...вокруг **гнила** кочковатая **трясина** да шумели вечно мокрые леса» [1, с. 6]. В оригинале «Навокал адно гніла куп'істая дрыгва ды моклі **панурыя** лясы» [2, с. 15]. Толковый словарь белорусского языка даёт следующие значения “пануры” – ‘1. Хмуры, няветлівы, бязрадасны. 2. Які выклікае бязрадаснае пачуццё’ [4, с. 435]. Писатель показывает, что трясина гнила, как свидетельство того, что всё заболочено, и мокнут леса. Переводчик заменил метафору *панурыя*, которая в данном контексте указывает на мрачные, хмурые и, конечно же, нелюдимые, т. е. непроходимые, что приводит к несколько иному восприятию текста. С другой стороны, «**болота** чуть **отступали**, даря людям песчаное поле» [1, с. 6], они как будто дарили людям хоть какую-то радость. «**Отступали** болота и на западной стороне, где зеленели или желтели до самого леса поля, тоже **скупые, неблагоприятные**» [1, с. 6]. И. Мележ даёт полю такие определения неспроста. Хотя на них и меньше было песка, однако они не радовали куренёвцев: «С юга болота снова **подбирались** к замшелым соломенным крышам...» [1, с. 6]. В приведённых примерах особую выразительность приобретают индивидуально-стилистические глаголы-метафоры, которые дают возможность по-новому (по-мележевски) увидеть знакомые места. Следует отметить, что употребление таких глаголов при описании природы, которую писатель щедро наделяет чертами живого существа: *отступали*, *подбирались*, очень приметное. Все приведённые метафоры являются эквивалентными оригиналу.

В следующем примере автор показывает условия, в которых живут герои. За исключением зимы, когда подмораживало и непролазная топь делалась твёрдой, и лета, когда она высыхала, осенью и весной люди жили как на «**плоту, который злая непогода оторвала от берега и унесла в море**» [1, с. 6], и ждали одного, когда «**попутный ветер пригонит его к земле**» [1, с. 6].

Метафора и в оригинале, и в переводе глубоко раскрывает проблемы жителей острова: «**многія дні людзі жылі, як на плыце, які злая нягода адарвала ад берага і занесла ў мора**» [2, с. 16]. И. Мележ не просто хотел показать ненастье, а трагедию людей – *злое ненастье*, непогода, которая отрезает их от связи с внешним миром, и они только и ждут, когда судьба, погода будет к ним благосклонна.

Такое положение людям казалось обычным, не тревожило их. Им надо было здесь жить, и они жили. Хотя ощущалась грусть: «**Аднастайныя нудныя дажджы, што месяцамі лілі на мокрыя стрэхі**» [2, с. 16]. Перевод точно передаёт содержание отрывка, но в то же время отсутствует упоминание про «аднастайнасць», а это несколько ослабляет восприятие напряжённых моментов в жизни героев: «**нудные дожди, которые месяцами лили на мокрые стрехи**» [1, с. 7]. Пейзажные картины углубляют представление о тех сложных природных условиях, в которых живут и действуют герои романа.

Вместе с тем художник видит красоту и поэзию полесских пейзажей. Картины природы в романе определяются богатством красок, звуков, согретых любовью к родной земле, радостью, грустью, умилением: «**Трава на влажных опушках, заросли кустарников на подсохших приболотьях, осины возле цагельни буйно зеленели, были в самом расцвете. Опушки, полянки полны были неугомонным озабоченным гулом, звоном бесчисленного множества мелких насельников хорошо прогретой земли. Звон этот и многоголосый птичий щебет в щедрых, пронизанных солнцем зарослях переплетенных ветвей и листья воспринимались тут чудесной августовской песней**» [1, с. 158]. Автор любит эту

красотой природы. В оригинале читаем: «Узлесси, палянкi **поўніў** неўтаймоўны, **руплівы гул**» [2, с. 216]. Оригинал даёт основания полагать, что под *руплівым* понимается усердный, старательный, заботливый гул, звон насекомых, который в переводе представлен как *деловитый гул*. Слово *деловитый* по отношению к слову *гул* является метафоричным. Но *деловитый* имеет значение ‘толковый и серьезный, предприимчивый’ [3, с. 159]. Можно предположить, что в данном случае метафоры синонимичны.

При переводе метафор встречаются примеры, где происходит утрата образности. Например, сцене сенокоса предшествуют пейзажные зарисовки. Картины природы мы видим глазами Василя, который едет на телеге. Хочется отметить сразу, что в оригинале писатель употребил метонимию: «**Калёсы**, на якіх сядзелі Васіль і маці, ужо ўязджалі ў лес» [2, с. 22]. Переводчик же пишет: «**Телега**, на которой сядели Василь с матерью, уже **въезжала в лес**» [1, с. 11], что свидетельствует об утрате образной ассоциации.

Во многих примерах наблюдается употребление метафорических эпитетов, которые адекватны оригиналу. Сначала видим лес на пригорке, а потом – болотные заросли. Пейзаж определяется богатством зрительных картин. На глаза герою попадают роса «**на редкой траве**» [1, с. 11], песок и на нём «**влажные темноватые пятна**» [1, с. 11], «...**чёрные влажные колеи**. В колеях белели **ободранные жилы корневищ**, было много ям » [1, с. 12], «Ольшаник часто перемежался лозняком, росшим **густыми, дружными купами**, поднимавшим в лесном сумраке **сизые чубы переплетенных ветвей**» [1, с. 13], «**злая, жгучая крапива**, заросли которой местами поднимались в рост человека» [1, с. 13].

Встречаются примеры, где метафорический эпитет есть только в переводе «**лапти вминали щетинистый прокос**» [1, с. 15]. «Спачатку вада толькі чулася, дзе насталы ўціскалі пакошу» [2, с. 27]. Вероятно, этот вариант по-художественному оправдан, так как соответствует описываемому образу.

Метафорический эпитет – это своеобразная форма выражения метафоры. Если метафоризация того или иного существительного вызывает в представлении человека новый, отвлеченный образ, то метафорический эпитет конкретизирует, уточняет оценочно-характеристику этого образа: «**Дни эти были едва ли не самыми хлопотными и, вероятно, самыми счастливыми...**» [1, с. 158]. «Тут под ногами была уже не **податливая топь, клятая-переклятая, а твердый, надежный грунт**, под которым чувствовалась **приятная крепость брёвен**» [1, с. 154].

Метафорические эпитеты сочетаются и с конкретными, и с абстрактными существительными. При сочетании с конкретными существительными метафорические эпитеты реализуют своё значение через смену лексических связей в рамках одной и той же семантической категории (одушевленности или неодушевленности): «**В одно такое звонкое утро подъехал Хоня весёлой молвой к хате Ходоськи**. «**Переплетались голоса стариков, хозяев, весёлый говорок молодёжи**» [1, с. 143]. «Ходили до изнеможения за плугами, чувствуя под босыми ногами сыроватую мягкость **растревоженной земли**» [1, с. 140]. «...**А характер всё-таки – мягковатый!**» [1, с. 185]. «...**Такая добрая тишина лежала за селом...**» [1, с. 155].

В приведенных примерах общее направление метафоризации при переводе совпадает, но нами выявлено расхождение, которое связано с уменьшением семантической зоны, отсутствием метафоры: «**Нізлася мірная гамонка старых, гаспадароў, вясёлы гаварок моладзі**» [2, с. 196]. Вероятно, это объясняется желанием автора показать возможности многогранного использования языковых средств белорусского языка, творческой индивидуальностью белорусского писателя.

Метафорические эпитеты реализуют своё значение через смену лексических связей, которые выходят за рамки одной и той же семантической категории:

1. прямое значение прилагательное реализует в сочетании с одушевленным существительным, метафорическое – в сочетании с неодушевленным: «**Снег темнел, и, нудный, беспросветный, моросил дождь**» [1, с. 115] («Снег цямнеў, і, нудны,

беспрасветны, церусіў **дождж**» [2, с. 158]); «*Апейко переждал гул одобрения*» [1, с. 296] («*Апейка перачакаў гул задавальнення*» [2, с. 396]); «*Всё же услышанная недобрая весть о Ганне уже теперь, пока он беседовал с матерью, омрачила его*» [1, с. 79] («*Усё ж пачутая нядобрая навіна пра Ганну ўжо тут, у гаворцы з маці, захмарыла яго*» [2, с. 111]). Отсутствие в последнем примере переводного текста метафоры *захмарыла* стало причиной других ассоциаций: мрак – туча, что привело к расхождению в лексическом составе и смене образности.

2. прямое значение прилагательного реализуется в сочетании с неодушевленным существительным, метафорическое – в сочетании с одушевленным (как в оригинале, так и в переводе): «*Кто бы мог подумать, что и она (Конопляночка), такая добрая, мягкая, кажется, влюблённая без памяти*» [1, с. 73]. «*Хто б мог падумаць, што і яна, такая добрая, мяккая, здаецца, закаханая без памяці Канапляначка*» [2, с. 104].

Метафорические эпитеты определяются своей образностью, эмоциональностью. Очень примечательным является описание неба ранним утром после сенокоса: «*Синеватое, глубокое, звездами вышитое небо*» [1, с. 19]. «*Сіняватае, глыбокае, зорамі вышытае неба*» [2, с. 33]. Оно переведено дословно, точно, как в оригинале, и поэтому сохраняет свою метафоричность. «*...как белым озером стлался вокруг туман*» [1, с. 21]. «*...бачыў, як пануе далей белым возерам туман*» [2, с. 35]. Писатель видит туман густым, белого цвета, который вызывает ассоциации белого озера, что разливается над землёй. Правда, в оригинале используется метафора *пануе* ('1. *Мець уладу над чым-небудзь, мець перавагу; 2. Мець пераважнае распаўсюджванне*' [4, с. 433]), которая не просто констатирует наличие явления, а указывает на его главенствующее положение, преобладание, доминирование. Такое изменение придаёт тексту несколько иное звучание: глагол *стлался* принадлежит другому семантическому полю, что углубляет аналогию человека с растением.

Обратим внимание на эмоциональную наполненность метафорических эпитетов в следующем примере, где писатель передаёт общее настроение: «*Поле жило уже иным настроением, навредило тихую, щемящую грусть*» [1, с. 159]. «*Поле жыло ўжо іншым настроен, ціхай, шчымлвай журботаю*» [2, с. 216]. Метафорические эпитеты подсказывают и причины печали: «*...во всём чувствовалось недоброе, гибельное дыхание приближающейся осени*» [1, с. 159]. «*Чахлые, редкие суслоны, недружно встававшие под печальные, похожие на тихое причитание песни жней, были как страшные приметы призрачности человеческих надежд*» [1, с. 159]. В оригинале И. Мележ пишет, что «*у ім адчуваўся нядобры, пагібельны подых недалёкай восени*» [2, с. 216], т. е. предчувствовалось что-то разрушающее, угрожающее, опасное. А в переводе слово *гибельное* показывает приближение смерти, лишение жизненности, оживления. На наш взгляд, переводчик усугубил образные ассоциации текста, уж больно грустной нарисовал картину приближающейся осени. Метафора «*страшные приметы призрачности*» в оригинале звучит: «*страшныя знакі марнасці*» [2, с. 216]. Переводчик представил в оригинале метафору *приметы призрачности*, которая подразумевает неспособность производить плод, успех, *марнасць* же указывает на бесполезность, напрасность, тщетность, что свидетельствует о замене метафоры.

Автор использует метафорический эпитет *сиротливые*: «*Сиротливые суслоны эти как бы говорили: вот всё, на большее не надейтесь, большего не будет, это всё, чем могла оплатить за труд скупая на отдачу здешняя земля*» [1, с. 159], которым подчёркивает, как мало собрали люди хлеба, каким нелёгким для них будет этот год. И снова напоминает, что полесская земля нещедрая. Тяжело здесь живётся человеку. Пейзажный запев развивает одну из центральных проблем романа – проблему земли.

Подраздел заканчивается лирическим отступлением, обращением писателя к родной земле. С одной стороны, И. Мележ увлечён родной землёй. Для него она – яркая, щедрая, золотая красавица. Родина привлекает безграничностью, широтой пространства. Совсем неслучайны здесь и «*разливы гнилой топи в низинках*» [1, с. 162], и «*зыбучие песчаные волны*» [1, с. 162]. Метафорическое выражение и сравнение вызывает в нашем

представлении море, которое привлекает своей безграничностью. Земля для автора – живое одухотворённое существо, способное видеть и слышать. С другой стороны, эта же земля вызывает у автора боль, печаль. Очень тяжело на этих гнилых болотах, зыбучих песках жить человеку. Много было таких августов, когда на сельских полосках виднелись редкие снопы, когда голод заставлял куренёвских жнецов и жней идти побирать.

В тексте сопоставления, сравнения и метафорические словосочетания могут быть тесно семантически связаны между собой, образуя целую систему языковых образных средств. Часто такая система цементируется пересечением словарных рядов прямого и переносного значения: *«Последним, от куреневцев, встал на телегу Миконор. Он сказал, что бедность и тьма закрывают свет в Куренях, как ряска – болото. Ряска всегда цепляется за болото, за стоячую воду. Чтобы разогнать ряску, надо разворошить жизнь!»* [1, с. 296]. В оригинале Миконор *«Апошнім, ад Куранёў стаў на калёсы Міканор»* [2, с. 397], здесь можно отметить использование метафоры, в переводе же слова употреблены в прямом значении, в результате чего исчезает образность.

Пейзажные картины в произведении настраивают нас на нужное автору эмоциональное восприятие. А метафора служит важным средством выражения авторских оценок, эмоций и характеристик: *Таким дорогим увидела вдруг тот берег, от которого отрывало, несло её куда-то злое течение.* [1, с. 183] (*«Такім любым пабачыла раптам той бераг (Васіля), ад якога адрывала, несла яе кудысьці злая плынь»* [2, с. 248]). Здесь Ганна сравнивает родной берег с любимым Василём, даже готовая простить ему его обиды, а «злая плынь» – Евхим Глушак, который тянет её за собой против её воли. И не знает Ганна, куда ей податься. Ведь ей нужно думать не только о себе, мачеха напоминает о том, что отец уже староват, тяжело ему работать как раньше, чтобы содержать их семью. А свадьба с Евхимом для них как спасательный круг, за который надо держаться. Но потом мачеха смирилась с *«каменной девкой»*, приняла то, что Ганна не тот человек, которым можно управлять.

Заключение

Таким образом, можно определенно сказать, что И. Мележ не поспешил на использование в контексте романа «Люди на болоте» метафор, которые ярко, живо и образно передают внутреннее состояние души героев, нравственное и общественное содержание времени.

Перевод текста выполнен посредством лексических и синтаксических соответствий. В переводе наблюдаются интерферентные явления: калькирование белорусских конструкций, стилистически неточные переводы. Автор старался передать характерные черты оригинала, создать художественное и эмоциональное впечатление, подбирая синонимы, соответствующие образы. В переводе имеется и ряд несоответствий при передаче метафор, что сказывается на идейно-образном содержании. Среди недочетов можно отметить отсутствие важных деталей, перемещение на второй план тех, которые в оригинальном тексте выступают как первостепенные, замена образных средств необразными и т. д., что ведёт к некоторому ослаблению, воспроизведению больше в логическом, чем в эмоционально-образном плане.

В переводном тексте обнаруживаются специфические особенности в отборе и организации речевых средств, например, метафорических эпитетов, не имеющих в оригинальном тексте никаких эквивалентов (*щетинистый прокос, звонкое утро, негасимое и т. д.*). Перевод представляет собой новое художественное произведение со своей системной организацией образных средств.

Перечисленные недостатки авторизованного перевода романа И. Мележа «Люди на болоте» не портят общего впечатления от переведенного текста. Он остаётся философски глубокими, отличается строгостью и уверенностью жанровой формы, ёмкостью и совершенством каждой детали.

Литература

1. Мележ, И. П. Люди на болоте. Дыхание грозы: Романы из полесской хроники. Авториз. пер. с бел. / И. П. Мележ – М.: Воениздат, 1984. – 669 с.

2. Мележ, І. Людзі на балоце: раман з "Палескай хронікі" / Іван Мележ. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1999. – 399 с.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «Издательство Эллис», 2003. – 944 с.

4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 2002. – 784 с.

References

1. Melezh, I. P., People in the swamp. Thunderstorm breath: Novel from "Paleskai Chronicle" / I. Melezh. – Minsk: Military edition, 1984. – 669 p.

2. Melezh, I. People in the swamp: Novel from "Paleskai Chronicle" / Ivan Melezh. – Minsk: Mastatskaya Literatura., 1999. – 399 p.

3. Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – M.: LLC "Publishing house Elpis", 2003. – 944 p.

4. Explanatory dictionary of the Belarusian literary language – Minsk: BelEn, 2002. – 784 p.

УМК 81'373.7

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ДИСКУРСОЛОГИЯ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

Седых Аркадий Петрович

доктор филологический наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Московский международный университет

Белгородский государственный технологический университет имени В.

Г. Шухова

Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Современный мир переживает глобальный кризис во всех сферах жизнедеятельности. Вместе с тем научное сообщество находится в стадии обновления своих эпистемологических парадигм. Рассматриваются наиболее активно развивающиеся и обновляющиеся направления современных научных исследований: дискурсология, междисциплинарный подход и языковая регионализация. Для обзора используется методология лингвосомиотического анализа и гибридной дескрипции.

Ключевые слова: дискурс, дискурсология, научная картина мира, междисциплинарная доминанта, регионализация, лингвогеография.

NEW TRENDS IN LINGUISTIC STUDIES: DISCOURSEOLOGY, INTERDISCIPLINARITY, REGIONALIZATION

Arkadiy SEDYKH

Doctor of philological sciences, professor

Belgorod State National Research University

Moscow International University

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

The modern world is experiencing a global crisis in all spheres of life. At the same time, the scientific community is in the process of updating its epistemological paradigms. The most actively developing and updated areas of modern scientific research are considered: discourse

studies, interdisciplinary approach and linguistic regionalization. For the review, the methodology of linguosemiotics analysis and hybrid description is used.

Keywords: discourse, discourse studies, scientific picture of the world, interdisciplinary dominant, regionalization, linguogeography.

1. Дискурсология.

По нашему мнению дискурсология переживает «золотой век» своего существования, ибо дискурс как **основная единица лингвистических исследований** прочно занял ключевые позиции в современных парадигмах новейшей эпистемологии.

Напомним, что дискурсология рассматривается как «коммуникативное направление в лингвистике». В этом смысле «дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [1]. Владимир Ильич делает акцент на актуальные универсальные аспекты дискурсологии, объектом изучения которой выступает весьма «сложное явление», рассматриваемое под определённым углом зрения (часто в силу эпистемологических предпочтений исследователя), важным критерием выступает понятие ситуативности текстового развития.

Пьер Шародо отмечает, что «дискурс состоит из двух сущностных компонентов: коммуникативного и ситуативного» [4]. Иными словами учёный подчёркивает тот факт, что среди иных способов подхода к дискурсу есть один способ, заключающийся во включении его в общую проблематику, пытающуюся связать языковые факты с некоторыми другими психологическими и социальными явлениями: **действием и влиянием**. Следовательно, речь идет о феномене психо-социо-лингвистической конструкции значения, которая реализуется через вмешательство субъекта, который сам состоит из трёх синергетических сегментов: психологического, социального и лингвистического [3].

Таким образом, традиционная трактовка слова как основной единицы анализа отходит на второй план, на «передний край» выдвигается дискурс как ключевой сегмент для комплексного психо-социо-лингвистического анализа повествовательных конструкций.

2. Междисциплинарность.

Лингвистика добилась значительных успехов в изучении языка. Но имманентный подход в определённой мере завел исследования в тупик. Открытие субъективности в языке сильно способствовало отказу от имманентной перспективы в пользу концепции, рассматривающей язык как систему, определяемую **условиями его производства (реализации)**. Эта гипотеза, предполагающая междисциплинарный подход, стала движущей силой трансформации наук о языке. Мы обязаны ему, среди прочего, рождением анализа дискурса, а также исследованиями в области лингвистики дискурса.

Лингвистика долгое время считалась наукой о языке. Сегодня мы уже почти больше не говорим только о науках о языке, поскольку дихотомическая концепция лингвистического/экстралингвистического утратила большую часть своей ясности. Множественное число «наук», несомненно, является проявлением перестройки области изучения языка, из которых лингвистика теперь является лишь одной областью среди прочих гуманитарных дисциплин.

Как же происходила эта эволюция, и какую роль в ней играла рефлексия над дискурсом? Надо сказать, что эта «мутация» была скрытой в лингвистике и что исключение дискурса из эпистемологического поля было вызвано не столько принципиальными факторами, сколько недостаточным уровнем разработки инструментов исследования. Эта цель проистекает из идеи о том, что углубление знаний имеет

тенденцию в целом обновлять отношения между дисциплинарными областями, которые долгое время считались разделенными непроницаемыми перегородами.

Ещё раз напомним о главных дефинициях термина «дискурс»:

1) Дискурс: синоним сосюрговской речи, особенно в структурной лингвистике.

2) дискурс: трансфрагментальная языковая единица, независимая от субъекта.

3) В харриссовском смысле «дискурс обозначает последовательности предложений, рассматриваемые с точки зрения правил их последовательности. Следовательно, это интеграция «дискурса 2» в лингвистический анализ.

4) Дискурс, ряд предложений, связанных с его условиями производства, определяется в оппозиции к «высказыванию», которое исключает такие условия. Это значение является наиболее распространенным в дискурсном анализе, особенно в подходе французской школы.

5) В теории высказывания «дискурс» относится к функционированию языка и, следовательно, неотделим от экземпляра высказывания (всего, что относится к я-ты, здесь и сейчас говорящего). В этом подходе «дискурс» противопоставляется «нарративу» (истории), для которого характерно отсутствие какого-либо признака субъективности.

6) Наконец, мы часто встречаем оппозицию язык/дискурс. Эмиль Бенвенист формулирует это следующим образом: «с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другую вселенную, вселенную языка как инструмента коммуникации, выражением которой является речь» [Цит. по 2].

Следовательно, мы определим термин «дискурс» следующим образом: любое высказывание, слово или более естественного языка, выбранное в соответствии с условиями его производства и обмена. Слово является минимальной единицей речи.

Понимаемый таким образом дискурс является не эмпирическим объектом, а **конструкцией аналитика**. Но какова бы ни была концепция термина «дискурс», факт остается фактом: «Всякая попытка изолировать изучение языка от изучения дискурса рано или поздно оказывается вредной для обоих. Сводя их вместе, мы лишь воссоединяемся с давней традицией филологии, которая не мыслила описания языка без описания произведений, созданных на этом языке» [Цит. по 2].

Поэтому неудивительно, что в течение как минимум тридцати лет проблематика дискурса находилась в центре размышлений о языке. Именно в этот процесс мы должны вписать не только существование анализа дискурса, но и исследования для лингвистики третьего поколения, после лингвистики слова и предложения.

Таким образом, продолжая дело Эмиля Бенвениста, Керброт-Ореккьони опубликовала в 1980 году (работаем с изданием 2002 года) «L'Énonciation». О субъективности в языке книга, которую автор считает «своего рода уставом» (с. 11) **лингвистики дискурса** (далее ЛД). Автор значительно расширяет перечень признаков субъективности или субъективизма (*subjectivèment*), понимаемых как подмножество энонций = *énonciatème* (маркеров высказывательных характеристик). Книга выдержала четыре издания за двадцать лет, в среднем одно издание каждые пять лет. Этот издательский успех примечателен тем, что свидетельствует о растущем интересе к новому определению объекта лингвистики. Эта эволюция была тем более необходима, что имманентная перспектива ведет в тупик; так что возникла необходимость отказаться от «героического аскетизма» в пользу «открытости смежным дисциплинам» [5, 11].

Решающим фактором этой открытости был постепенный отказ от имманентной перспективы в пользу концепции, основанной на конститутивной двойственности языка, реальности одновременно языковой и социальной. Эта широко распространенная сегодня гипотеза является результатом длительного процесса, приведшего к рождению анализа дискурса и поиску третьего пути — после Соссюра и Хомского — в лингвистике.

Действительно, как же имманентный анализ языка, может объяснить оппозицию модусов, например, в следующей паре предложений: *Je cherche un chemin qui conduit à la*

vérité / Je cherche un chemin qui conduise à la vérité? (≈ Ищу дорогу, которая приведёт к истине / Ищу дорогу, которая привела бы к истине).

Итак, **структурный проект** изначально рассматривал язык как систему, которую необходимо изучать в себе и для себя самой. Несмотря на свою ограниченность, обусловленную, по крайней мере, отчасти, состоянием исследовательского инструментария определенного периода, этот подход способствовал обновлению рефлексии о языке, обновлению, **центром которого является дискурс**. Этот очень сложный объект трудно удовлетворительно понять в рамках одной дисциплины. Вот почему лингвистика долгое время пыталась ограничить свой объект только языком, но не могла исключить дискурс из его отражения, создав **своего рода блокировку**.

Открытие субъективности в языке открывает новые перспективы. Опираясь на достижения лингвистики, **анализ дискурса** становится самостоятельной дисциплиной, обращаясь к другим областям языкового функционирования. Вдохновленная тем же подходом, **лингвистика** пытается измениться, интегрируя элементы, которые она исключила из своего объекта исследования. Как видим, **междисциплинарность** представляется существенным фактором в обновлении изучения языка и обладает большим эпистемологическим полем для перспективного манёвра всей системы современного языкознания.

3. Языковая регионализация.

В последние десятилетия «**регионализм**», «**регионализация**» и «**интеграция**» – интенсивно распространяющиеся термины в новейшей академической литературе не только по экономике и международным отношениям, а также в **филологии**. Их использование продолжает активно расти в других дисциплинах, таких как социология и география. Но научная литература вокруг данной тематики имеет большой недостаток: авторы почти никогда не утруждают себя определением этих понятий и в этом смысле нередки смысловые сдвиги в дефинициях терминов. Это создает концептуальную путаницу, которая ослабляет некоторые работы, эмпирическое качество которых, тем не менее, очевидно.

Отношения между тремя понятиями

Предлагается обозначить теоретические и эмпирические связи, хотя и не систематические, между тремя понятиями:

- между **регионализмом и регионализацией**: регионализм может иметь различные последствия, в том числе рост лингвистических контактов на региональном уровне, т.е. то, что можно назвать регионализацией языка. Но эта связь не однозначна и не постоянна. Закона по этому поводу нет, потому что языковой регионализм не обязательно ведет к регионализации диалекта.

- между **регионализмом и региональной интеграцией**: разрабатывая региональные коммуникативные стратегии и предпочтения, акторы, расположенные на сопредельных территориях, могут способствовать росту взаимодействия между своими территориями и, в конечном итоге, формированию гибридной региональной системы языка.

- между региональной интеграцией и регионализацией: рост взаимодействий внутри определенной группы проявляется в росте языковых обменов между соседними территориями. Следовательно, языковая регионализация пространства является «надводным камнем» более глубокого процесса.

Новые центры притяжения в лингвогеографии Франции.

Вышеприведённые размышления наталкивают на мысль о существовании определённых тенденций эволюции ряда диалектов и региональных языков, в частности в лингвогеографическом пространстве французского государства. По нашим наблюдениям и в рамках предположений можно говорить о **регионализации** как **центробежном феномене**, когда язык, находясь в относительно сильной количественно-качественной позиции, заявляет свои «претензии» на роль регионального языка. По нашему мнению это касается, в частности **бретонского** и **баскского** языков.

Иная тенденция наблюдается у языков в более слабой позиции по отношению к титульному французскому языку. Речь идёт, например о **савойском** и **эльзасском диалектах**, которые у некоторых авторов обозначаются термином «**говор**» или «**патуа**» (Begioni 2010). В силу относительно слабого (часто слабеющего) лингвосомиотического потенциала, данные диалекты подвержены **центростремительному** действию и как следствие прогрессивной интеграции в титульный язык.

Таким образом, термин «**регионализм**» (наряду с терминами «диалектизм», «диатопизм», «территориальный вариант» и пр.) выступает **оптимальной номинативной единицей** для передачи сущностных характеристик актуальной языковой картины мира, отражаемой в лексическом фонде региональных культур. Семиотические корреляции регионализмов, регионализации и интеграции могут трактоваться как основы диатопической вариативности. Диатопическая вариативность любого языка порождает множество регионально окрашенных культурно-маркированных номинаций. Главным образом мы относим сюда варианты французской лексики, обозначающие идентичный референт.

Итак, новейшие тенденции лингвистической науки выстраивают новые конструкции восприятия и моделирования лингвистической и экстралингвистической реальности. Дальнейшие эпистемологические перспективы научного сообщества зависят от степени пассионарности представителей тех или иных направлений и школ академической и креативной парадигм научного знания, в частности дискурсологии и лингвогеографии.

Литература

1. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, №1. 17-34.
2. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
3. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
4. Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Edition du Seuil, 2002.
5. Kerbrat-Orecchioni C. (2002), *L'énonciation*, Paris: Armand Colin.

References

1. Karasik V.I. *Diskursologija kak napravlenie kommunikativnoj lingvistiki* [Discourse studies as a direction of communicative linguistics] // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki*, 2016, №1. 17-34.
2. Sedykh A.P. (1998) *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU. 160.
3. Sedykh A.P. (2022) *Jazyk, kul'tura, kommunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Epicentr», 152.
4. Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Edition du Seuil, 2002.
5. Kerbrat-Orecchioni C. (2002), *L'énonciation*, Paris: Armand Colin.

УДК 811161.1`367(043/3)

СПЕЦИФИКА СЕГМЕНТАЦИИ СПОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Сергушкова Ольга Владимировна

доцент кафедры белорусской и русской филологии

МГПУ им. И.П. Шамякина, кандидат филологических наук, доцент

УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»

Мозырь, Республика Беларусь / sergushkova_olga@mail.ru

Аннотация

В данной статье к специфическим факторам сегментации ССП относится их неудобочитаемость в силу большого объёма (длины); более отчётливое выделение рем в

полученных предложениях; структурирование новой, текстовой, ремы; разные иллокуции в предикативных частях условного несегментированного трансформы и др. Доказывается также, что хотя предикативные части ССП не подчинены никакому господствующему над ними слову или конструкции, однако при сегментации смысловые отношения и сочинительные связи между «бывшими» ПЧ подвергаются транспонированию. Благодаря подчинённости «бывших» ПЧ сочинительным союзам, объединяющим их для выполнения той или иной коммуникативной задачи, структурируется СТ, состоящее из базового предложения-высказывания и сегментированной конструкции. Его отличительной чертой являются сочинительные союзы и смысловые отношения, тождественные по употреблению и значению таким же единицам в несегментированных текстах. Называются критерии разграничения данных построений.

Ключевые слова: сложносочиненное предложение, предикативная часть, сегментация, сегментированный текст, текстовая рема, транспонирование, союз.

SPECIFICITY OF SEGMENTATION OF COMPOUND SENTENCES IN RUSSIAN NEWSPAPER TEXTS

Sergushkova Olga

associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology
MGPU named after

I.P. Shamyakina, candidate of philological sciences, associate professor
Educational Establishment "Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin"
Mozyr, Republic of Belarus / *sergushkova_olga@mail.ru*

Abstract

In this article, the specific factors of BSC segmentation include their unreadability due to the large volume (length); more distinct selection of rem in the received sentences; structuring a new, textual, rheme; different illocutions in the predicative parts of the conditional non-segmented transform, etc. It is also proved that although the predicative parts of the SSP are not subordinate to any word or construction dominating them, however, during segmentation, the semantic relations and coordinative connections between the “former” NPs are transposed. Due to the subordination of the “former” HF to coordinating conjunctions that unite them to perform a particular communicative task, a ST is structured, consisting of a basic sentence-statement and a segmented construction. Its distinguishing feature is coordinating conjunctions and semantic relations, identical in use and meaning to the same units in non-segmented texts. The criteria for delimitation of these constructions are called.

Keywords: compound sentence, predicative part, segmentation, segmented text, text rheme, transposition, union.

В статье под сегментацией понимается такое расчленение высказывания (имеющего форму простого или сложного предложения), результатом которого выступает сегментированный текст (СТ). Он состоит из базового высказывания (БВ) и сегментированной конструкции (СК). В СК акцентуируется рема (ремы) БВ или структурируется вторая, новая, рема (ремы) СТ, в том числе текстовая рема. СК функционируют в СТ как относительно самостоятельные коммуникативные единицы, представляющие собой сегментированные синтаксемы или их комбинации, в том числе предикативные части (ПЧ) сложных предложений (СП), транспонированные из условно-исходных предложений в СТ и расположенные в нём слева или справа от БВ. В нашей работе рассматривается правосторонняя сегментация. Например: (1) *Если барином – всегда хочется именно побыть, то жертвой себя надо именно вообразить. **Не вставая с означенного кресла.*** (ЛГ. – 2017. – 1 марта). {Здесь и далее приняты следующие обозначения: 1) *курсив* – текст; 2) *полужирный курсив* – СК; 3) *подчёркивание* – рема; 4) ЛГ – «Литературная газета»; 5) О. С. – Ольга Сергушкова; 6) фигурные скобки – примечания, а также графический приём при сдвоенности круглых скобок. }

Цель данного исследования заключалась в выявлении специфики сегментации сложносочинённых предложений (ССП). **Методы исследования:** описательный, трансформационная методика.

Проведённый анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Сегментация относится к универсальным категориям, охватывающим разные синтаксические единицы. Свойственна она и ССП. Причинами сегментации этих предложений являются следующие факты:

1) большая длина условно-исходного несегментированного предложения-высказывания (несегментированного варианта СТ). Например: (2) (2а) *Для такой модели потребуется эгалитаристская идеология, тяготеющая к социализму и социал-демократии при наличии сильной вертикали власти.* (2б) **Но для обоснования этого «нового этатизма» потребуется новая система ценностей взамен старой, связанной с советской моделью социализма.** (2в) **И эта система должна будет строиться на началах традиции, чтобы противостоять набирающему силу тренду, который претендует на роль наследника либерализма** (ЛГ. – 2016. – 17 марта), где СК являются предложения (2б) и (2в), которые могут быть квалифицированы как «бывшие» ПЧ условно-исходного несегментированного ССП. Они конструктивно связаны между собой и с базовым предложением-высказыванием (2а) повторяющимися словами «потребуется», «модель», «социализм», «система», а также словами-отсылками к тем или другим лексемам БВ. Смысловая связь предложений (2а), (2б) и (2в) проявляется в том, что они в линейном ряду единиц, осуществляющих речевую коммуникацию, последовательно развивают одну тему, выделяя разные её аспекты.

Отношения между «бывшими» ПЧ, связанными сочинительными союзами «но» и «и» со значениями (соответственно) 'обманутого ожидания' и 'нормального развития повествования', переносятся на более высокий, текстовый, уровень значимости. Точки после (2а) и (2б) могут быть сняты без ущерба для содержания микротекста, однако в результате такой операции мы получаем неудобочитаемое предложение непривычно большого объёма – и по смыслу (в нём много новой информации), и по формальным признакам (оно очень длинное: 53 слова, на которые приходится 163 слога). В подтверждение вывода о неудобочитаемости такого ССП приведём некоторые цифры из разных источников. В [7] утверждается, что средняя длина предложения в русском языке составляет 10,38 слова. В газетных статьях она равна 22,4 слова, а максимальная – даже в научных и художественных текстах – редко превышает 50 слов, что «является предельно допустимой... длиной предложения. Большой объём уже существенно затрудняет восприятие содержания текста» [5]. В учебном пособии для вузов «Основы журналистской деятельности» (2019) приводится таблица из одного зарубежного учебника по журналистике, в которой предложения из 19–25 слов относятся к «понимаемым», а содержащие 30 слов квалифицируются как «весьма трудно понимаемые» [3]. Таким образом, длина рассматриваемого в нашей работе условно-исходного ССП намного превосходит приводимые здесь средние объёмы (длины) предложений в русском языке с точки зрения их восприятия и понимания (что особенно важно для газетного текста).

В пользу намеренного расчленения длинной речевой цепи (в том числе полипредикативного ССП) говорят и цифры, полученные в результате определения меры сложности восприятия читателем написанного текста с помощью индекса удобочитаемости, из многочисленных вариантов которого нами выбрана самая популярная формула, созданная Рудольфом Флешем для английского языка [1]. К русскоязычным текстам адаптирован такой её вариант: $FRE = 206,835 - 1,3 \times ASL - 60,1 \times ASW$, где ASL – средняя длина предложения (в словах), ASW – средняя длина слова (в слогах). При подстановке приведённых выше количественных данных ASL и ASW в несегментированном предложении получилась двухзначная итоговая цифра со знаком «минус», что является показателем очень высокой степени неудобочитаемости (правда,

это относится к одному конкретному предложению). Сегментация же намного улучшает восприятие написанного. И происходит это за счёт резкого уменьшения длины предложения: в СТ (2) она составляет 16, 17 и 20 слов, в среднем 17,66 слова в предложении. Хотя индекс Флеша показывает и в этом случае невысокий уровень читабельности текста – $\approx -0,8$, что, согласно таблице, приведённой в [3], подходит для людей с высшим образованием, однако такой результат обусловлен не длиной предложения, а слоговой структурой слова: почти все слова в СТ (2) многосложные, некоторые из них содержат по 5–7 слогов, а в среднем в данном микротексте длина слова в слогах – 3,075;

2) более отчётливое выделение рем в БВ и СК («бывших» ПЕ) по сравнению с их выделением в условно-исходном предложении, а также акцентуация смысловых отношений между БП и СК как рем текстового уровня. Например: (3) *Урсуляк и в «Жизни и судьбе» временами поднимался до поистине трагического накала. < ... > (3а) Правда, эпоса-саги из интеллигентских перипетий семьи Штрума не получилось. (3б) Но желание чувствовалось* (ЛГ. – 2015. – 10 дек.), где СТ иллюстрирует привычное для современных газетных текстов расчленение, которое успешно выполняет авторское намерение гиперсемантизировать выделенные лексемы: с помощью одной «лишней» точки усилить воздействие на реципиента негативно воспринимаемого результата в (3а) и компенсаторного положительного смысла в (3б). Всё это происходит почти без дополнительных языковых затрат, что является эффективным способом подачи материала. Данный пример, на наш взгляд, является весомым аргументом в пользу суждения о том, что СК могут выступать ключевыми компонентами текста, в которых выражаются главные смыслы авторских сообщений;

3) дистанция между СК и БВ, акцентуирующая их тесную связь. Например: (4) (4а) *...Это мир, хозяева которого... успешно превращают в товар всё.* (4б) *В том числе и то, что по своей природе (неограниченное, всеобщее благо) товаром быть не может.* (4в) *И в этом своём стремлении они аналогичны дворянству эпохи индустриальных революций...* (ЛГ. – 2008. – 13–19 февр.), где предложение (4в) может быть квалифицировано как «бывшая» ПЧ ССП, которая в позиции отчленения имеет все признаки грамматически независимого предложения-высказывания. Взаимосвязь (4а), (4б) и (4в) в СТ (4) обеспечивают такие же факторы, как в СТ (2) {одна и та же тема (в общеупотребительном значении) и идея (лейтмотив) микроконтекста, один субъект всех процессов многоэтапного события, повтор, слово-отсылка}, а также авторская квалификация реалий, в которой акцентуируются каузальные отношения между ними. Однако решающим фактором данного расчленения ССП, на наш взгляд, является СК (4б), в которой с помощью высказывания с кванторной конструкцией *в том числе* структурируется новая рема, обогащающая микротекст ещё одним смыслом – о свободе автора в выборе приоритетных реалий (из круга равных по значимости), позволяющей выразить личностное отношение к окружающему миру. Таким образом, СК выступает как приём акцентуации указанного значения, выделения данной реалии из некоего множества (в данном СТ это множество обозначается лексемой «всё», тоже квантором). Описанная функция в какой-то мере оправдывает необязательную сегментацию (4б). Но (4в) отчленена от (4а), а не от (4б), то есть СК (4в) следует считать результатом необходимой дистантной сегментации;

4) значение присоединения или его оттенка в СК. Например: (5) (5а) *...перед самой смертью он [Шалапин. – О. С.] велел принести ему шкатулку и, открыв её, заплакал: «Здесь земля с могилы моей матушки»...* (5б) *А мать его, между прочим, похоронена в Самаре* (ЛГ. – 2000. – 12–18 апр.), где многоточие после (5а) и словоформа «между прочим», употреблённая в (5б) в значении вводного слова «кстати», способствуют реализации семантики добавочной информации из другой области знаний, свидетельствующих об авторской осведомлённости и его видении ситуации, описанной в БП;

5) разные иллокуции в БП и СК, а также акцентуаторы ремы в СК: экспрессивные слова, слова с количественным значением, определительные местоимения, кванторы, усилительно-выделительные частицы, повторы и знаки препинания, то есть языковые единицы, способные интенсифицировать иллокутивную силу высказываний: (6) *В своё время Лескова, Достоевского и Чехова правоверные либералы клеймили... за дружбу не с теми редакторами. Но кому теперь интересно, что Достоевский печатался у Каткова, а Чехов – у Суворина?!* (ЛГ. – 2018. – 11 апр.); (7) *Спокойно и обдуманно... отстраняясь от политических страстей, они [Писатели. – О. С.] будут шариковыми ручками, на пишущих машинках, на компьютерах осмыслять биографию своей эпохи. И именно их строки, а не сегодняшние оперативные телекадры останутся в отечественной истории* (ЛГ. – 2006. – 8–14 февр.) и др. (Акцентуатор выделен двойным подчёркиванием.)

2. Сегментация ССП имеет специфические признаки, отличающие её от расчленения предложений других типов, что связано с тем, что ПЧ в ССП не подчинены никакому господствующему над ними члену предложения или какой-то другой ПЧ, так как являются грамматически равноправными единицами. Но похожая картина наблюдается и в предложениях с так называемыми однородными подлежащими или сказуемыми, которые являются главными, грамматически независимыми членами предложения. Это, однако, не мешает сегментации таких предложений и функционированию названных членов в БП и СК. Так, согласно данным нашей картотеки, среди всех сегментированных синтаксем имени существительного (в количестве более 2300 единиц) больше всего употреблений с сегментированным именительным падежом – предикцирующим и предикцируемым (552 единицы). 258 из них – предикцируемые компоненты, то есть подлежащие в предложениях, имеющих классическую подлежащно-сказуемостную структуру. Например: (8) (8а) *Мир познал и признал его* [Достоевского. – О. С.], *определив в своих скрижалях первым учителем и пророком.* (8б) *И затем благополучно забыл.* (8в) *Но самое удивительное, его благополучно забыла и Россия* (ЛГ. – 2016. – 4 февр.), где глагольная синтаксема «забыл» в (8б) вычленяется из ряда однородных сказуемых, связанных друг с другом союзом «и» в том же значении, что и в БВ (8а) – 'и развития повествования'; при сегментации также не меняется значение союза 'но ненормального следствия' [6, 24] как компонента, связывающего СК (8в) с (8б). То есть союзы здесь используются не только при объединении грамматически равноправных языковых единиц, но и при транспонировании разнообразных смысловых отношений между «бывшими» ПЧ «бывшего» ССП для акцентуации новых, текстовых, рем. Однако и сочинительные связи также подвергаются транспонированию.

Главенствующую роль в этом процессе, как убедительно доказывает Е.В. Падучева, играют союзы. В своих рассуждениях учёный опирается на А.М. Пешковского, считавшего, что «союз приводит в связь два представления между собой». Между ПЧ в ССП и между однородными членами предложения существует одинаковая связь и употребляются одни и те же сочинительные союзы, от которых, по Е.В. Падучевой, идут «сочиняющие» связи, соответствующие сильным валентностям данных слов. Многочисленные примеры в нашей картотеке подтверждают, что равноправные синтаксические единицы предложения, в том числе ПЧ, могут быть «подчинены сочиняющей связью одному и тому же сочинительному союзу» [4, 171]. И хотя это слабая связь между синтаксическими единицами, но при сегментации ССП его ПЧ, став коммуникативно самостоятельными высказываниями, также являются БВ и СК, и эти термины применяются для номинации данных единиц не по аналогии и не условно, а согласно их роли в акте коммуникации. «Бывшие» ПЧ по смыслу и грамматически одинаково подчиняются господствующему над ними союзу, выступающему чаще всего как семантический примитив, объединяющий БВ и СК в одну синтаксическую единицу (именно в этот СТ).

3. Специфика расчленения СП состоит и в том, что между микротекстами, состоящими из ПП, связанных друг с другом сочинительными союзами, и СТ, в которых БВ и СК, также являющиеся ПП, часто чёткой разграничительной линии нет. По мнению Р.О. Зелепукина, сегментированное ССП «является коммуникативным вариантом предложения непарцеллированного», поэтому не имеет функциональных различий со стандартным предложением. Р.О. Зелепукин утверждает, что **парцеллированными ССП** можно считать структуры со смысловой общностью частей, выраженных в **парцеллятах** лексемами, которые повторяют лексемы **базовых предложений-высказываний** (в любой грамматической форме) или отсылают к этим лексемам. **Непарцеллированными** будут считаться предложения, связь которых не опирается на «общие» словоформы. (Выделенные полужирным шрифтом термины используются в понимании Р.О. Зелепукина [2]). Однако наш материал лишь отчасти подтверждает данные выводы. В нём немало примеров, когда есть и смысловая общность частей, отграниченных друг от друга знаком конца предложения, и повтор лексемы, а сегментация отсутствует. И наоборот: в частях расчленённого ССП структурных средств связи нет, а сегментация налицо.

Видимо, указанных признаков недостаточно. На наш взгляд, ведущим фактором при разграничении данных синтаксических единиц является степень и способ их связанности с предшествующим предложением, а также с текстом. При этом связанность может и не зависеть от структурных средств, так как, признавая парцелляцию (как разновидность сегментации) текстовым явлением, мы принимаем и то, что здесь структурные средства, грамматические показатели оказываются не главными – более важными становятся содержательные, глубинные связи. Например: (9) (9а) *Уже очевидно*, (9б) *что нынешний мировой кризис не может быть разрешён в рамках прежней социально-экономической модели*. (9в) *А смена модели автоматически означает смену идеологии*. (9г) *Но вектор изменений также может быть направлен как вперёд, так и назад* (ЛГ. – 2016. – 17 марта), где по смыслу и конструктивно (9а) и (9б) скреплены друг с другом повтором слова «модель» (с одинаковым значением данной лексемы), а предложения (9в) и (9г) – контекстуальными синонимами «смена» в (9в) и «изменение» в (9г), что позволяет считать приведённый текст результатом сегментации. Но часть СПП *Уже очевидно...* в несегментированном трансформе данного СТ является главной для (9б) и вряд ли будет таковой для (9в), потому что «снятие» точки после (9б) приведёт к реализации несколько другого смысла, при котором «смена модели» входит в область само собой разумеющихся фактов.

На наш взгляд, у автора другая коммуникативная задача – акцентировать не столько очевидность процесса, сколько его сложность и многоэтапность. Эту коммуникативную задачу он решает разными способами, в том числе и с помощью пунктуации. Ещё одним доказательством правомерности такой интерпретации языковых фактов служит ситуация с высказыванием (9г), которое по смыслу отчётливее связано с предыдущими абзацами статьи, чем с (9б) и (9в), в частности с приведенными в них рассуждениями автора о феномене исторического реверса, и это позволяет говорить об отсутствии сегментации и о самостоятельности предложений (9в), (9г). Данное утверждение кажется нам более убедительным.

А в следующих текстах не содержащие ни повторной номинации объектов, ни отсылок к употреблённым в (10а) лексемам, СК (10б) является парцеллированной конструкцией, так как не только развивает тему данного микроконтекста и текста в целом, как в предыдущем примере, но грамматически и по смыслу тесно связана с (10а). Нелишним здесь будет и замечание о том, что условно-исходные непарцеллированные варианты данных СТ образуются легко и свободно (этот признак не является дифференциальным для явлений сегментации, но в подобных речевых ситуациях может быть использован как ещё один, дополнительный, аргумент): (10) (10а) *«Химия и чистый воздух?» – я смеялся*. (10б) *Но через два дня у меня начисто прошёл хронический московский бронхит* (ЛГ. – 2001. – 24–30 янв.). ← *«Химия и чистый воздух?» – я смеялся, но через два дня у меня начисто прошёл хронический московский бронхит*.

Весьма часты речевые ситуации, когда в тексте, в том числе в его небольших фрагментах, одинаковые сочинительные союзы в одном случае выступают для связи исходных предложений-высказываний, а в другом – связывают предложения-высказывания СТ. Например: (11) (11а) *И был один случай с собакой. Также вечером, почти уже в темноте, вышел я на кордон лесника. У него была псека и держал он возле неё тройку свирепых псов. Я вышел на их голоса, боясь заблудиться.* (11б) *И один пёс сорвался с цепи... Лесник, услышав неладное, выскочил из избы.... Укротил собак.* (11в) **И мы на бревнышке с ним посидели, размышляя о превратностях жизни** (КП в Белоруссии. – 2003. – 5 дек.). В данном микротексте три предложения начинаются союзом «и». В (11а) он выступает как текстообразующий элемент, связывающий два фрагмента текста, расположенных в линейной последовательности, но описывающих разные ситуации, прямо друг с другом не связанные.

Говорить здесь о сегментации не приходится. В (11б) предложение с «и» относится к вербально не выраженной информации – лакуне. (Пропущена информация следующего содержания: Собаки увидели меня, пытались броситься на чужака, но мешала цепь.) То есть выделенное предложение также ни от чего не отчленено, потому что непосредственно связано не с реальной речевой единицей, а с референциальным подтекстом, импликацией факта. Сегментированной предикативной единицей можно считать только (11в), так как данное высказывание тесно связано с предшествующим. После него возможно «снятие точки» без изменения структуры и смысловых отношений. Хотя для точного структурирования смысла и соответствия стиля данного микротекста свойственной автору манере описания событий более удачным является реализованный в тексте вариант с сегментацией, в котором события представляются равноправными, а оттенок следствия лишь слегка намечается в качестве альтернативного, но не акцентируется, как в возможном несегментированном варианте.

4. Таким образом, по отношению к феномену сегментации ССП выявляются три типа конструкций:

1) **сегментированные тексты** (как результат мотивированного указанными выше причинами и целями расчленения несегментированных ССП), в которых высказывания по смыслу и грамматически тесно связаны друг с другом. Их несегментированные варианты структурируются без конструктивных изменений и без ущерба для денотативного значения всех компонентов высказывания и их связей. Например: (12) (12а) *...всего лишь надо научиться тому, чтобы постоянно «изобретать себя», думать, прежде чем сказать, ещё подумать, прежде чем записать на бумаге, и ещё раз подумать, прежде чем издать это в книге или пустить в глобальную сеть.* (12б) **Но, как говорил один знаменитый языковед, «думать человеку затруднительно»** (ЛГ. – 2015. – 14 – 20 окт.);

2) **несегментированные тексты**, в которых предложения также по смыслу связаны друг с другом, но более важной для содержания является их отчётливо выявляемая смысловая и грамматическая связь со всем текстом статьи или его частями. Как правило, в этом случае при «снятии точки» изменяется либо искажается смысл высказываний, образуется стилистически сомнительная или даже аграмматическая структура. Например: (13) (13а) *Русское чудо: одна рука воюет с ворами, другая – сама ворует.* (13б) *Впрочем, так было всегда: крысы умнее капитанов, но почему-то им не доверяют корабль. ///* (13в) *Но это уже – другая история...* (ЛГ. – 2004. – 2–8 июня). В данном тексте высказывание (13в) вынесено в конечный абзац не даром: союз «но» в высказывании (13в) маркирует противительно-уступительные отношения между содержанием всего текста и последним абзацем. Формально возможное соединение (13б) и (13в) «заблокирует» этот глубинный смысл, не говоря уже о грубой стилистической ошибке в полученном предложении с двумя «но». Здесь данный союз выступает как типизированное средство организации текста [6, 117] и как маркер определённых смысловых отношений между текстовыми фрагментами;

3) **синкретичные тексты**, которые можно интерпретировать двояко: как изначально несегментированные или как их трансформы – СТ. Например: (14) ...*в детские годы рядом с Володей находились солдаты-фронтовики. И их глазами, в основном, мальчишка воспринимал весь окружающий мир, все императивные понятия о добре и зле* (ЛГ. – 2018. – 24 янв.) или (15) *Миша слушал и молчал. Долго. Потом улыбнулся: «Знаешь, Олежек, у каждого своя такая шкатулочка. И в ней у всех – всегда одно и то же – земля, тоска по матери, любви, тоска по Родине подлинной, по светлomu Китежу...* (ЛГ. – 2000. – 12–18 апр.).

Таким образом, сегментация ССП – это живое, реальное явление коммуникативно-контекстуального характера. При расчленении ССП темы и ремы в СТ выделяются более отчётливо. Отграниченные друг от друга знаком конца предложения «бывшие» ПЧ сохраняют между собой те же смысловые отношения, что и в несегментированном варианте, но они переносятся на уровень текста, иерархически более высокий. Отношения между частями расчленённого ССП – это текстовая рема, структурированная сегментацией и акцентуированная сегментированной конструкцией. Расчленение ССП специфично и потому, что его ПЧ в сегментированной позиции приобретают все признаки простых предложений как равноправных, грамматически независимых друг от друга единиц. СТ, полученные в результате расчленения ССП, следует отличать от микротекстов, содержащих изначально несегментированные предложения, связанные теми же союзами, что и части СТ. Фактором разграничения данных фрагментов выступает текст статьи.

Литература

1. Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.11.2019).
2. Зелепукин Р.О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.03. – М., 2007. – 26 с.
3. Колесниченко А.В. Основы журналистской деятельности: учеб. пособие для вузов / А.В. Колесниченко. – 2-е изд., перераб. и доп., 2019 URL: http://voxfree.narod.ru/journ/journ_051219.html (дата обращения: 19.11.2019).
4. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). – М.: Наука, 1974. – 292 с.
5. Пушкина Е.С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 2004 URL: <http://cheloveknauka.com/teoretiko-eksperimentalnoe-issledovanie-strukturno-semanticheskikh-parametrov-teksta#ixzz65lSWc7ze> (дата обращения: 19.11.2019).
6. Урысон Е.В. Семантика союза **НО**: данные языка о деятельности сознания // Вопр. языкознания. – 2006. – № 5. – С. 22–42.
7. Шаров С.А. Статистика слов в русском языке / С.А. Шаров. URL: http://www.lingvisto.org/artikoloj/ru_stat.html (дата обращения: 19.11.2019).

References

1. Wikipedia URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Accessed 21.11.2019).
2. Zelepukin R.O. *Parcellation in the fiction of V. Tokareva: structure, semantics, text-forming functions*: author. ... dis. cand. philol. sciences: 10.02.03 – М., 2007. – 26 с.
3. Kolesnichenko A.V. *Fundamentals of journalism: textbook for universities* URL: http://voxfree.narod.ru/journ/journ_051219.html (Accessed 19.11.2019).
4. Paducheva E.V. *On the Semantics of Syntax (Materials for the Transformational Grammar of the Russian Language)* М.: Nauka, 1974. 292 p.
5. Pushkina E.S. *Theoretical and experimental study of the structural and semantic parameters of the text*: author. dis. ... cand. philol. sciences: 10.02.19, 2004 URL: <http://cheloveknauka.com/teoretiko-eksperimentalnoe-issledovanie-strukturno-semanticheskikh-parametrov-teksta#ixzz65lSWc7ze> (Accessed 19.11.2019)

6. Ury`son E.V. *Semantics of the union BUT: language data on the activity of consciousness. Questions of linguistics.* № 5, 2006: P. 22–42.

7. Sharov S.A. *Word statistics in Russian* URL: http://www.lingvisto.org/artikoloj/ru_stat.html (Accessed 19.11.2019).

УДК 81.72

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Силецкая Светлана Сергеевна

к.филол.н., старший преподаватель
кафедра романо-германской филологии и лингводидактики
ЛГУ им. А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия / Svetlana.siletskaya@gmail.com

Аннотация

В статье описываются особенности новозеландского варианта английского языка на фонетическом, лексическом и грамматическом уровне. Кратко освещается история языка маори в Новой Зеландии, процесс становления и ревитализации языка и культуры маори. Рассматриваются языковые явления, появившиеся в новозеландском английском в результате взаимодействия английского и языка маори и широко представленные в средствах массовой коммуникации Новой Зеландии. В качестве источников используются исследования Д. Кристалла, современных отечественных исследователей, а также словарь и справочник современного языка и культуры Новой Зеландии, представленные на сайте правительства страны. В работе описываются как широко известные английские слова, ассоциирующиеся с Новой Зеландией, так и слова, обозначающие новые для английской культуры понятия, появившиеся под влиянием культуры маори. Рассматривается название страны на английском и языке маори и возможность возвращения стране оригинального названия.

Ключевые слова: новозеландский английский, языковая ситуация, маори, ревитализация, языковая политика, взаимодействие языков.

FEATURES OF MODERN NEW ZEALAND VARIATION OF ENGLISH LANGUAGE

Siletskaya Svetlana

Senior lecturer of the department of Roman-Germanic philology and didactics
Pushkin Leningrad State University
Saint Petersburg, Russia / Svetlana.siletskaya@gmail.com

Abstract

In the article phonetic and lexical features of Modern New Zealand variation of English are described. The article touches upon the problem of revitalization of Maori language and culture, its influence on English language, new words that didn't exist in English language and appeared in it under influence of Maori. The essay is based on classical research (D. Crystal) and on modern resources such as the official sites of New Zealand government.

Keywords: New Zealand English, language situation, Maori, revitalization, language policy, language influence.

Отличия новозеландской разновидности английского языка от британского английского в большей степени заметны на фонетическом уровне и на лексическом, в меньшей степени на уровне грамматики. Так, например, артикуляция краткого [e] приближается к [ɪ] [3, с. 354]. Слово *yes* произносится как [jis], слово *bed* звучит как [bid]. Существует тенденция произносить долгие гласные [i:], [u:] как дифтонги: прилагательное *mean* произносится как [mein] [3, с. 354]. Долгий гласный [ɔ:] заменяется кратким гласным переднего ряда [ɔ].

На фонографическом уровне в английском языке изменяется норма правописания слов с долгим гласным, пришедших из языка маори: чтобы показать долготу, гласный удваивается: *maaoi* [3, с. 355].

На лексическом уровне выделяется ряд слов, которые ассоциируются с культурой Новой Зеландии: *Auckland* (житель крупнейшего города Новой Зеландии Окленда; *fizz boat* (*speed boat* – скоростная моторная лодка), *lamburger* (*burger made from minced lamb*) Существительное *bach* используется в Новой Зеландии для обозначения загородного дома, дачи [3, с.354]. В примере из текста рекламы подчеркивается локальная природа слова: «Live like a local on your New Zealand holiday by renting a bach» [7]. Данная лексическая единица также встречается в словосочетаниях, функционируя как определение: *top bach sports* [7].

В английских текстах можно встретить слово *kiwi* (название птицы, живущей в Новой Зеландии), которое используется для названия населения Новой Зеландии: «The word *bach* is deeply embedded in the *Kiwi* psyche - unless you're from the south of the South Island» [7]. В начале двадцатого века в газетных карикатурах Новую Зеландию изображали в образе птицы киви, затем, в первую мировую войну так называли солдат из этой страны. Позже слово стало использоваться в общем для обозначения жителей Новой Зеландии.

На уровне грамматики можно отметить отсутствие окончания множественного числа в некоторых случаях, особенно в словах пришедших из языков народов Полинезии. Само слово *maoi* (не *maois*) иллюстрирует это явление.

Во многом особенности новозеландского варианта английского, также как и в целом, языковая ситуация в стране определяется взаимодействием двух языков: языка коренного населения маори и новозеландского варианта английского языка. Язык маори сложился приблизительно в 13-14 вв., однако до 19 века характеризовался отсутствием письменности и литературных традиций. Алфавит маори был создан английским миссионером Т. Кеннеди и лингвистом-востоковедом С. Ли в 1815-1820 годах и основан на латинском алфавите [2].

В 1987 язык маори признан полноправным официальным языком Новой Зеландии, используется в судопроизводстве, школьном образовании. Два государственных телеканала транслируют передачи на языке маори. Английский язык и маори официально принятые, но не равнозначные языки. В отличие от маори английский используется во всех сферах коммуникации, преобладает в образовании, науке, культуре, политике.

В последние десятилетия интерес к языку и культуре маори возрастает. Научный центр при университете Масси (г. Окленд), государственные организации ведут работу по возрождению языка и культурного наследия маори [1]. Государственные реформы Новой Зеландии направлены на повышение национального самосознания коренного населения, «культивацию культурной, образовательной и коммуникативной ценности языка и культуры маори» [1, с.34]. Проводится политика ревитализации языка и культуры коренного народа Новой Зеландии.

Распространенное двойное написание названия страны на маори и английском «*Aotearoa / New Zealand*» в английских книгах, энциклопедиях, на сайтах правительства Новой Зеландии [4] свидетельствует о признании языка маори; *Aotearoa* переводится с маори как «длинное белое облако». В сентябре 2021 года 70 тысяч жителей Новой Зеландии подписали петицию о возвращении стране оригинального названия «*Aotearoa*». Инициатива исходит от партии маори, законопроект рассматривается в парламенте [4].

Влияние языка маори прослеживается на всех языковых уровнях. Так, на фонетическом уровне заметно изменение правил произнесения некоторых буквосочетаний. Буквосочетание *wh* в словах, происходящих из языка маори, таких как *whanau*, произносится не [w], как привыкли носители английского языка, а как глухой [f]

Слово whanau появилось в новозеландском английском в результате взаимодействия языка маори и английского, и является примером появления новых слов, обозначающих понятия, прежде не существовавших в английской культуре.

Слово whanau переводится с маори как «семья», но отличается от западного, понимания семьи (nuclear family) т.к. включает два и более поколения», может обозначать группу людей, имеющих общего предка, т.е. «род». Принципиальные отличия между family и whanau в том, что последнее понятие предполагает духовность, общее генеалогическое древо, ответственность перед кланом [5].

В настоящее время слово может быть также применимо к группам людей, связанных не семейными отношениями, но интересами или общими социальными функциями, например, к людям, посещающим один церковный приход. [7].

Слово whanau распространено в текстах на английском языке в Новой Зеландии: например, на сайте правительства Новой Зеландии есть раздел Family and whanau, который содержит информацию о заключении брака, разводе, разные аспекты семейного права. В текстах объявлений, ограничивающих посещение общественных мест в связи с ковидом, преимущество отдается членам семьи и рода (family and whanau).

В Новозеландском варианте английского языка наряду с английским словом pacific, традиционно называвшее океан, существует прилагательное pasifika (pasefika) для обозначения коренных народов Новой Зеландии, Полинезии: “pasifika population”, “pasefika peoples”.

Язык маори, в свою очередь, обогащается за счет лексики европейских языков, в частности, английского. Так как в языке маори долгое время не было письменности, в нем отсутствовало слово «книга». Позднее оно было заимствовано из английского языка, однако в связи с фонетическими особенностями языка маори, звонкий (б) был заменен на (п): pukaruka [5].

В результате признания языка маори вторым официальным в Новой Зеландии, а также в результате политики ревитализации языка и культуры маори и тенденции к деколонизации, в новозеландском варианте английского языка происходят изменения на всех языковых уровнях. В английском появляются слова, обозначающие не существовавшие ранее понятия, меняются нормы произношения и написания. Географические названия на английском языке дублируются на языке маори. Рассматривается возможность возвращения стране названия на языке маори.

Литература

1. Бекеева А.Р. Особенности языковой ситуации и языковой политики в Новой Зеландии// Вестник РУДН, серия «Лингвистика», 2014, с. 31-37.
2. Большая Российская Энциклопедия, электронная версия URL: <http://www.bigenc.ru>.
3. Crystal David The Cambridge Encyclopedia of the English Language, Cambridge University Press, 2004, pp. 354-355.
4. Guy Jack, Maori campaigns to change New Zealand’s name to Aotearoa, URL: <http://www.cnn.com>.
5. Official site of the government of New Zealand URL: <http://www.Govt.nz>
6. URL: <https://maoridictionary.co.nz>
7. URL: <http://www.newzealand.com>
8. URL: <https://www.mywhanau.com.au>

References

1. Bekeeva A.R. The peculiarities of linguistic situation and language policy in New Zealand// Vestnik RUDN, “Linguistics” series, 2014, pp. 31-37.
2. Bolshaya Rossiyskaya Enciklopedia, URL: <http://www.bigenc.ru>.

3. Crystal David The Cambridge Encyclopedia of the English Language, Cambridge University Press, 2004, pp. 354-355.
4. Guy Jack, Maori campaigns to change New Zealand's name to Aotearoa, URL: <http://www.cnn.com>.
5. Официальный сайт правительства Новой Зеландии URL: <http://www.Govt.nz>
6. URL: <https://maoridictionary.co.nz>
7. URL: <http://www.newzealand.com>
8. URL: <https://www.mywhanau.com.au>

УДК 81'2

О СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ: КИТАЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Слободчиков Игорь Денисович

студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / slobodchikov2004@inbox.ru

Аннотация

В работе подробно описаны виды устного перевода, а также даны им характеристики. Цель работы заключается в исследовании специфики синхронного перевода с китайского языка. Объект исследования – синхронный перевод с китайского на русский язык. Предметом исследования являются методы и стратегии, используемые в ходе синхронного перевода. Перечислены разновидности синхронного перевода. Даны качественные отличия работы переводчика-синхрониста, от других видов перевода. Приведены практические примеры трудностей, с которыми сталкивается специалист синхронного перевода в своей работе при переводе с китайского языка. Проведён анализ научных трудов по теме исследования; приведена история синхронного перевода; освещены основные понятия синхронного перевода; описаны основные приёмы и стратегии синхронного перевода. Актуальность исследования обоснована глобализацией мировых отношений и возрастающим спросом на данный вид переводческих услуг.

Ключевые слова: синхронный перевод, китайский язык, русский язык, виды устного перевода, теория перевода, методика перевода.

ABOUT SIMULTANEOUS INTERPRETATION: CHINESE AND RUSSIAN

Slobodchikov Igor

student

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / slobodchikov2004@inbox.ru

Abstract

The paper describes in detail the types of interpretation, as well as their characteristics. The purpose of the work is to study the specifics of simultaneous translation from Chinese. The object of the research is simultaneous translation from Chinese into Russian. The subject is the study of methods and strategies used in the course of simultaneous translation. The types of simultaneous translation are listed. The advantages of simultaneous translation are voiced. The qualitative differences between the work of a simultaneous interpreter and other types of translation are given. Practical examples are given of what difficulties a simultaneous interpreter faces in his work when translating from Chinese. To achieve the stated goals, the following tasks were solved: an analysis of scientific papers on the research topic was carried out; the history of simultaneous translation is given; highlights the basic concepts of simultaneous translation; the main techniques and strategies of simultaneous translation are described. The relevance of the study lies in the globalization of world relations and the growing demand for this type of service.

Key words: simultaneous translation, Chinese language, Russian language, types of oral translation, translation theory, translation methodology.

С развитием экономических отношений между народами мира, которые говорят на разных языках, крайне важно, чтобы люди изучали языки и устраняли языковые барьеры между странами.

В своей работе мы подробно остановимся на исследовании синхронного перевода. Синхронный перевод считается самым сложным из типов перевода, требующий от переводчика наибольших физических и психологических усилий.

В синхронном переводе есть динамика, быстрота, энергетика, мгновенная отдача результата. Мозг должен принять тот факт, что специалисту приходится одновременно выполнять несколько действий; слушать, воспринимать, переводить на другой язык. Во время синхронного перевода упор делается на гибкость языка, жонглирование техникой перевода.

Актуальность данной работы определяется такими факторами как: большим спросом на данный вид услуг; глобализацией мировых отношений; развитием переводческих технологий.

Синхронный перевод с китайского языка, ставит достаточно сложные задачи перед переводчиком. Прежде всего, переводчику-синхронисту необходимо учитывать специфику и особенности китайского языка [1, с.50].

Синхронный перевод – является разновидностью устного перевода, характерная особенность которого заключается в параллельном выступлении спикера и перевода его речи переводчиком-синхронистом [5, с.98].

Существуют следующие виды устного перевода:

1. Последовательный перевод — переводчик переводит слова после окончания речи или какой-либо её части (по очерёдности с говорящим). От переводчика требуется запоминания значительного объёма информации ранее сказанного говорящим и воспроизведения во время паузы для перевода. Обычно последовательный перевод используют на деловых встречах, симпозиумов, телефонных разговоров.

2. Перевод с шепталом (шушутаж от французского «chouchoutage» – «шёпот») – переводчик находится в непосредственной близости с участником деловой встречи и негромко «нашёптывает» перевод. В ходе данного вида перевода могут использоваться специальные технические средства. Очень часто можно наблюдать этот вид перевода на встречах глав государств. Шушутаж, некоторые специалисты переводчики относят к синхронному виду переводов.

3. Синхронный перевод – считается наиболее сложным видом перевода, перевод осуществляется в режиме реального времени. Специалисту необходимо одновременно и слушать, и переводить. Синхронный перевод используется на конференциях, семинарах и т.д. При синхронном переводе специалисты могут находиться в специально оборудованных помещениях с использованием наушников и микрофонов.

Считается, что официальная дата рождения синхронного перевода Нюрнбергский процесс (1945–1946) [6].

Однако, согласно патенту, использование синхронного перевода осуществлялось с 1926 года. Так, сотрудником ИВМ А.Финлеем, был разработано и спроектировано совместно с Э.Филеном соответствующее оборудование для синхронного перевода. Специальное оборудование для синхронного перевода может включать в себя: кабину, где размещается переводчик, гарнитуру (наушник, микрофон). Особое требование уделяется помещению, оно должно быть максимально звукоизолировано.

Выделяют следующие разновидности синхронного перевода [10, с.3]:

1. Синхронный перевод «на слух», синхронные переводчики воспринимают речь спикера на слух и переводят информацию блок за блоком.

2. Синхронный «перевод с листа», переводчик заблаговременно получает текст, изредка могут вноситься корректировки по ходу развития событий.

3. Синхронное зачитывание заранее подготовленного текста.

К преимуществам синхронного перевода можно отнести следующие критерии:

1. Речь выступающего можно воспринимать без перерыва, сохраняется определённая атмосфера.

2. Экономия времени по сравнению с последовательным переводом.

3. Возможность перевода на несколько языков одновременно.

Профессиональный переводчик — синхронист, имеет следующие качественные отличия от специалистов последовательного перевода:

1. Может предсказать развитие речи;

2. Осуществляет перевод целых фраз и предложений;

3. Работает автоматически;

4. Переводит текст, используя не только логические знания, но и элементы нейролингвистического программирования.

Особое внимание мы хотим уделить синхронному переводу с китайского языка. Опишем с какими трудностями может столкнуться переводчик-синхронист, какие задачи приходится решать специалисту в этой области.

Китаеведение в России берет своё начало с XVII в., её основа была заложена Российской духовной миссии в Пекине, представителем которой был архимандрит Русской православной церкви Иакинф (Н.Я.Бичурин), который служил в Китае с 1808 по 1820 г. [2, с.3].

Со времён СССР с особенной скрупулёзностью подходили к подготовке переводчиков-востоковедов. В связи с развитием военно-политических и экономических связей России и Китая, особое внимание уделялось синологам. Синология – это комплекс наук, которые изучают историю, экономики, политики, философии, языка, литературы, Китая от древности до наших дней [9, с.188].

Рассмотрим, с какими трудностями можем столкнуться в ходе работы по переводу текстов с китайского на русский.

Во-первых, структура китайского языка сильно отличается от русского, далее китайские иероглифы крайне сложны для восприятия европейцами, использующими алфавит, более того количество иероглифов доходит до десятков тысяч, против трёх десятков букв в алфавите у европейцев.

При переводе с китайского не просто достичь верного понимания текста, полученного в ходе преобразования. Жители Китая в общении зачастую используют художественно-образные определения, эти эпитеты не понятны европейцам. Для правильного перевода необходима многогранная обработка информации, полученный результат не должен выглядеть как 洋鬼子 [yángguǐzi] – заморский чёрт.

Особенную сложность испытывают переводчики с работой над технической документацией, специалист должен хорошо разбираться в производственных процессах и владеть специальной терминологией, в противном случае стороны могут столкнуться с непониманием друг друга, на преодоление которого понадобится дополнительное время.

Так же в Китае существуют диалектические группы, переводчику необходимо будет учитывать их особенности.

Согласно советскому и российскому синологу, профессору Московского государственного университета Тань Аошуан, китайский язык выделяет «иная степень открытости для наблюдения» [8, с.21].

"Китайский язык не только обладает богатым словарным составом, но отличается также многообразием словообразовательных способов", [7, с. 1].

Проведя анализ таких авторов как: В. М. Илюхин [4, с.199], И.В. Гурин [3, с.86] предлагаем следующую классификацию решения проблем перевода:

1) стратегии и методы разрешения проблем;

2) стратегии и методы адаптация материала;

3) стратегии и методы выхода их неблагоприятных ситуаций.

Так, в первой группе основной проблемой является – понимание оригинала текста. Причины этому могут быть как субъективные, так и объективные. Проблемой могут стать: отсутствие достаточного уровня компетенции, плохая работа оборудования, дикция говорящего. Решение перечисленных проблем заключается в систематической подготовке переводчиков, обязательном предварительном изучении тематики предстоящего перевода, наладке и контроле за работой оборудования.

К стратегии адаптации материала переводчики прибегают в следующих ситуациях: экономии времени, для подбора подходящего эквивалента, для уменьшения нагрузки на память и т.д.

В ходе перевода могут возникать ситуации, когда переводчику не удаётся подобрать верный перевод. В данном случае, есть возможность воспользоваться методом проб и ошибок, упущением части текста. Данную стратегию допустимо использовать только в крайних ситуациях с целью минимизировать негативные последствия.

Приведём пример перевода с китайского языка на русский язык.

Текст на китайском языке:

中国是一个文化底蕴深厚、农业历史悠久的国家，是农产品的主要生产国、消费国和贸易国。

中国政府高度重视农业、农村、农业的发展，把相关问题（三农问题）放在议程上，抓好处理。

10亿多人的粮食安全是公共管理的重点，为发展农业生产、改善农民生活、促进农村稳定和谐作出了不懈努力。

1949年中华人民共和国成立以来，特别是1970年代末实行改革开放政策后，中国加快了农业农村发展步伐，使国家发生了根本性变化，取得了历史性成就。

一.中国拥有多样化的农业生态系统

二.中国农业资源丰富，但人均占有率低

三.中国是主要的基本农产品生产国

四.中国农业科技取得长足进步

五.中国农业现代化取得重大进展

六.中国消除贫困取得重大进展

七.中国启动乡村振兴战略，解决三农问题

八. 中国制定了自己独特的一套战略

Вариант перевод на русский язык:

«Китай – страна с глубоким культурным наследием и долгой историей сельского хозяйства, крупный производитель, потребитель и продавец сельскохозяйственной продукции. Китайское Правительство успешно решает вопросы в области развития сельского хозяйства. Приоритет в государственном управлении придаётся продовольственной безопасности для более чем 1 миллиарда человек. Предпринимаются необходимые меры по созданию условий для развития сельскохозяйственного производства, улучшению условий работы фермерских хозяйств, повышения качества жизни в сельской местности. С момента образования Китайской Народной Республики в 1949 году, особенно после проведения реформ и открытости в конце 1970-х годов, Китай ускорил темпы развития сельского хозяйства и сельских территорий, что привело к фундаментальным изменениям в стране.

В результате Китайская Народная Республика достигла следующих результатов:

1. Получила развитие сельскохозяйственная экосистема;

2. Китай обладает богатыми сельскохозяйственными ресурсами;

3. Китай является ведущим производителем основных сельскохозяйственных продуктов;

4. Китай достиг больших успехов в области сельскохозяйственной науки и техники;

5. Китай провёл значительную модернизацию сельского хозяйства;
6. Китай добился значительного прогресса в деле снижения бедности;
7. Китай приступил к реализации стратегии оживления сельских районов для решения проблем;
8. Китай разработал собственный уникальный набор стратегий в области сельского хозяйства.

Итак, рассмотрены некоторые элементы проблематики синхронного перевода с китайского языка на русский язык. Синхронный перевод с китайского языка имеет ряд особенностей, которые включают в себя целый ряд специфических стратегий и тактик, отражающих не только универсальные переводческие трансформации, но ряд особенностей, связанных с рассматриваемыми дистантными языками.

Литература

1. Васина Е.А. Синхронный перевод с китайского языка на русский: особенности логических преобразований синтаксической структуры текста сообщения. Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 3. – С. 50.
2. Виноградов А.В., Ларин А.Г., Ломанов А.В., Мамаева Н.Л., Островский А.В., Портяков В.Я., Смирнов Д.А., Титаренко М.Л., Торопцев С.А., Турчак Т.М. Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв. ред. Н.Л. Мамаева: Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Памятники исторической мысли, 2014. – 3 с.
3. Гурин И.В. Проблема речевой компрессии в синхронном переводе. Подходы и методы исследования. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. №1. Ч.1 – С. 86.
4. Илюхин В.М. Стратегии синхронного перевода (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода. – Москва, 2001. – 199 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). –М.: Высш. шк., 1990. – 98 с.
6. Поржужки Н. "Как Нюрнбергский процесс навсегда изменил интерпретацию" [Электронный ресурс]. – <http://www.pri.org>.
7. Слободчиков И.Д. Лингвистический аспект русско-китайского словообразования сельскохозяйственный терминов // Студенческий: электрон. научн. журн. 2022. № 28(198). URL: <https://sibac.info/journal/student/198/262782> (дата обращения: 20.10.2022).
8. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Аошуан Тань. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 21.
9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. Т. 4. С-Ящурный. — 188 с.
10. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. — М.: Воениздат, 1979.— 3 с.

References

1. Vasina E.A. Simultaneous translation from Chinese into Russian: features of logical transformations of the syntactic structure of the message text. Bulletin of Moscow University. Ser. 22. Theory of translation. 2015. No. 3. - P. 50.
2. Vinogradov A.V., Larin A.G., Lomanov A.V., Mamaeva N.L., Ostrovsky A.V., Portyakov V.Ya., Smirnov D.A., Titarenko M.L., Toroptsev S.A., Turchak T.M. The main directions and problems of Russian Sinology / Ed. ed. N.L. Mamaeva: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. M.: Monuments of historical thought, 2014. - 3 p.
3. Gurin I.V. The problem of speech compression in simultaneous translation. Research approaches and methods.
4. Plyukhin V.M. Simultaneous translation strategies (on the material of English-Russian and Russian-English combinations of translation. - Moscow, 2001. - 199 p.

5. Komissarov V.N. Translation theory (linguistic aspects). –M.: Higher. school, 1990. - 98 p.
6. Porzhutsky N. "How the Nuremberg trials forever changed the interpretation" [Electronic resource]. – <http://www.pri.org>.
7. Slobodchikov I.D. Linguistic aspect of Russian-Chinese word formation of agricultural terms // Student: electron. scientific magazine 2022. No. 28(198). URL: <https://sibac.info/journal/student/198/262782> (accessed 20.10.2022).
8. Tan Aoshuang. Problems of hidden grammar: Syntax, semantics and pragmatics of the language of the isolating system (on the example of the Chinese language) / Aoshuang Tan. M.: Languages of Slavic cultures, 2002. S. 21.
9. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes - M.: State. foreign publishing house and national words., 1940. T. 4. C - foot-and-mouth disease. — 188 p.
10. Shiryaev A.F. Simultaneous translation: The activity of a simultaneous interpreter and methods of teaching simultaneous translation. - M.: Military Publishing House, 1979. - 3 p.

Раздел 2. Когнитивистика и семиология коммуникации

УДК 81'42

ДОМИНАНТНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ АТТРАКТОР КАК ЭЛЕМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТА И ЧИТАТЕЛЯ

(на материале цикла рассказов Тима О'Брайена *The Things They Carried*)

Даниленко Илья Александрович

доцент кафедры иностранных языков
педагогического института НИУ БелГУ,
Белгород, Россия / *danilenko_ia@bsu.edu.ru*

Аннотация

В статье рассматривается явление текстовой аттракции. Разные исследователи по-разному определяют это явление: как элемент внутренней организации текста, так и как элемент взаимодействия текста с окружающей средой. Автор статьи рассматривает когнитивные текстовые аттракторы в рамках теории текстовых миров. Текстовый когнитивный аттрактор привлекает и удерживает внимание читателя к тексту. Среди множества текстовых когнитивных аттракторов выделяется один доминантный, который привлекает наибольшее количество читателей к художественному тексту.

Ключевые слова: художественный текст, когнитивно-герменевтическое моделирование, когнитивный текстовый аттрактор.

DOMINANT COGNITIVE TEXT ATTRACTOR AS AN ELEMENT OF INTERACTION BETWEEN A TEXT AND A READER

(based on Tim O'Brien's *The Things They Carried* series of short stories)

Danilenko Ilya

Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Pedagogical Institute of National Research University BelSU,
Belgorod, Russia / *danilenko_ia@bsu.edu.ru*

Abstract

The article deals with the phenomenon of text attraction. Different researchers define this phenomenon differently: as an element of the internal organization of the text and as an element of the interaction of the text with the environment. The author of the article considers cognitive text attractors within the framework of the theory of text worlds. A text cognitive attractor appeals and keeps the reader's attention to the text. Among the many text cognitive attractors one dominant attractor stands out. It attracts the largest number of readers to a literary text.

Keywords: literary text, cognitive-hermeneutical modeling, cognitive text attractor.

Художественный текст – ключевой элемент в процессе создания текстового мира. Являясь «носителем определённой мысли» [Лотман 2015; 4], художественный текст выступает посредником между автором (отправителем) и читателем (получателем) а когнитивный текстовый аттрактор один из основных элементов обеспечивающих построение текстового мира.

Понятие текстового аттрактора актуальное для когнитивной лингвистики и разрабатывается сразу несколькими учёными. Так Э. Т. Болдырева выделяла креативный аттрактор. Согласно ей, его объём нестабилен и обуславливается дискретностью текста. Он выполняет функции скорее не построения текстового мира, а функцию организации самого текста: «область креативного аттрактора выполняет в тексте функцию сильной позиции и концентрирует максимум творческих усилий автора, благодаря чему обеспечивается выдвижение его доминантных смыслов» [Болдырева 2007; 4].

Аттрактор, как элемент организации самого текста рассматривали и Л.А. Поелуева и А.А. Беляцкая. Согласно их взглядам существует «понятие, максимально приближенное

к пониманию некоторой силы, организующей сложную открытую систему – аттрактор» [Поелуева 2014; 300].

Г. Г. Москальчук немного расширяет понятие аттрактора, рассматривая его не только как внутренний элемент текста, но и как «аттрактор вне текста» [Москальчук 2014; 48], как возможный элемент среды, в которой существует текст.

Текстовый аттрактор как элемент взаимодействия текста и читателя рассматривает И. А. Герман. В этих исследованиях аттрактор выступает уже не как элемент внутренней организации самого текста, а, скорее, как инструмент создания текстового мира. Джоанна Гавинс определила основных субъектов в процессе построения текстового мира: автор (отправитель) и читатель (получатель), которые взаимодействуют при помощи посредника – текста [Gavins 2007]. Для построения текстового мира необходимо привлечь и удерживать внимание читателя. Эту задачу выполняют текстовые аттракторы. И. А. Герман определяет их как «креативные аттракторы».

Обеспечивая связь текста с читателем, креативный аттрактор «с одной стороны, задает “путь” восприятия текста, сужает его, с другой – позволяет привлекать к его интерпретации практически неограниченное количество смысловых элементов, как-либо связанных с доминантным смыслом» [Герман 1999; 107].

Процесс творения текстового мира – это процесс когнитивный: читатель интерпретирует смыслы, заложенные автором в художественный текст, а поскольку интерпретация текста не ограничивается “вычерпыванием” из него заложенных автором смыслов, а является активным процессом порождения собственных смыслов на основе воспринятого» [Сонин 2004; 88], то и аттрактор следует рассматривать с точки зрения когниции. Е. С. Кубрякова отмечала, что суть когнитивного подхода заключается в постоянном соотношении разных форм знания с их языковым выражением [Кубрякова 2009; 12].

Какой именно элемент текста привлечёт читателя – заранее не известно. Осмысливая текст читатель обнаруживает для себя привлекательные элементы. Какие именно из заложенных автором элементов текста, при построении очередного текстового мира, окажутся привлекательными (аттракторами), «решается неоднозначно и зависит от исследовательской позиции ... а степень их влияния на развертывание смысловой доминанты зависит от способности реципиента декодировать художественные конвенции» [Бабич 2016; 66].

Е. А. Огнева определила такие аттракторы как когнитивные: когнитивные текстовые аттракторы – это «доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к сюжету литературно-художественного произведения» [Огнева 2018; 87]. Они являются не только «отправной точкой при построении текстового мира, привлекая читателей, но и обеспечивают вариативность построения текстовых миров» [Даниленко 2022; 11]. Проведённые ранее исследования позволили выявить следующие типы когнитивных аттракторов:

1. текстовый проксемный когнитивный аттрактор,
2. текстовый темпоральный когнитивный аттрактор,
3. текстовый пейзажный когнитивный аттрактор,
4. текстовый эмотивный когнитивный аттрактор,
5. текстовый персонажный когнитивный аттрактор,
6. текстовый коллоративный когнитивный аттрактор,
7. текстовый световой когнитивный аттрактор,
8. текстовый сюжетный когнитивный аттрактор [Огнева 2018; 87].

Любой художественный текст может содержать неограниченное количество текстовых когнитивных аттракторов, однако, как правило, среди всех выделяется доминантный когнитивный текстовый аттрактор. Доминантный текстовый когнитивный аттрактор – смысловой маркер художественного текста, который реализован автором в наибольшей степени и привлекает наибольшее количество читателей.

Для иллюстрации нашей теории нами была выбрана книга американского писателя Тима О'Брайена «The things they carried». Это сборник рассказов о Вьетнамской войне, участником которых был автор. Каждый из рассказов это законченная история, часть из них рассказывает о периоде непосредственной службы во Вьетнаме, другая посвящена жизни до или после войны. Каждый отдельный рассказ может рассматриваться как законченное произведение и в каждом из рассказов свои когнитивные текстовые аттракторы.

Для выявления когнитивных аттракторов нами применялся метод когнитивно-герменевтического моделирования. Только после «осмысления и истолкования исследуемых лексических единиц» [Даниленко 2021; 28] мы можем сделать вывод об их принадлежности к когнитивному текстовому аттрактору.

Рассказ «On the Rainy river» о событиях до войны, когда автор получил повестку в армию. Автор рассказывает о своих сомнениях и желании уклониться от призыва. Называя себя трусом, автор бежит в Канаду, но останавливается в небольшом рыбацком отеле на границе, где и живёт неделю с единственным его обитателем – хозяином отеля. Автор уделяет много внимания описанию сезона, погоды и пейзажей. Заканчивается рассказ принятием автором решения явиться по повестке на пункт сбора. Описания военных действий в рассказе нет. Среди доминантных аттракторов можно отметить текстовый пейзажный, сюжетный и тематический (тема Вьетнамской войны) когнитивные аттракторы.

В рассказах «The thing they carried», «Night life», «The man I killed», «Ambush», «Friends», «Enemies», «The dentist» действие происходит непосредственно во время войны. В них нет описания военных действий. Автор рассказывает о трудностях фронтовой жизни. И сложностях жизни в мужском коллективе и о последствиях боевых действий. Все рассказы, кроме «Friends», «Enemies» могут быть прочитаны по отдельности и в любом порядке. Единственное, что их объединяет – место, время действия и главные герои. Проведя когнитивно-герменевтический анализ, мы выявили следующие когнитивные текстовые аттракторы: проксеменный (место действия Вьетнам), эмотивный (эмоции и поведение в замкнутом мужском коллективе), персонажный, сюжетный и тематический (тема Вьетнамской войны) когнитивные аттракторы.

Третья группа рассказов «Love», «Field trip», «Speaking of courage», «Notes» знакомит читателя с жизнью после возвращения автора с войны: о встречах сослуживцев, о том как им бывает трудно наладить мирную жизнь, о путешествии самого автора по местам боевых действий спустя много лет. Некоторые из них объединяют главные действующие лица. Нами были выявлены следующие когнитивные текстовые аттракторы: пейзажный (описание мирного Вьетнама в рассказе «Field trip»), эмотивный (описание переживаний бывших солдат), персонажный, сюжетный и тематический (тема Вьетнамской войны) когнитивные аттракторы.

Среди всех рассказов отдельно отметим «How to tell a true war story». Он написан в жанре эссе и представляе собой размышления том как следует правильно рассказывать армейскую байку, какими чертами она должна обладать и о том как люди не умеют правильно слушать такие истории. Этот рассказ почти не связан с остальными из рассматриваемого цикла, за исключением того, что автор приводит примеры армейских баек про войну во Вьетнаме. Нами выявлены следующие когнитивные текстовые аттракторы: эмотивный (описание эмоций рассказывающего армейскую байку и слушающего) и тематический (тема Вьетнамской войны) когнитивные аттракторы.

Таким образом, в каждом отдельно взятом рассказе присутствуют свои особенные когнитивные текстовые аттракторы. Каждый читатель найдёт для себя интересным определённый рассказ. Однако все читатели этого сборника должен привлекать один общий когнитивный текстовый аттрактор. В данном случае это текстовый тематический когнитивный аттрактор; тема войны во Вьетнаме. Это может быть и сама война и её участники и настроения американского общества во время этой войны и её наследие. Таким образом, текстовый тематический когнитивный аттрактор является в этом сборнике доминантным т. к. он один выявлен во всех без исключения рассказах и привлекает наибольшее количество читателей.

Литература

1. Бабич Е. В. Смыслопорождающий потенциал иконического аттрактора в структуре поликодового художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). С. 64-67.
2. Болдырева Э. Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинский государственный университет, 2007.
3. Герман И. А., Пищальникова В. А. Симметрия и асимметрия текста как синергетической системы // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4 (14). С. 101-107.
4. Даниленко И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка «Der Funke Leben») // Гуманитарные исследования. 2021. № 1. С. 26-32.
5. Даниленко И. А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. – № 1. – С. 6-13.
6. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 4. – С. 11-24.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука, 2015. 704 с.
8. Москальчук Г. Г. Актуальные вопросы формообразования текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 47-50.
9. Огнева Е. А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Вып. VI / отв. ред. Е. А. Огнева, И. Б. Акиншина. Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 87–92.
10. Поелуева Л. А., Беляцкая А. А. Методология текстовой лингвокультуры: акмеосинергетический аспект // Вестник университета. – 2014. № 11. С. 300-304.
11. Сонин А. Г., Махнин П. Н. Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов // Вопросы психолингвистики. М., 2004. № 2. С. 77-91.
12. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh University Press, 2007.

References

1. Babich E. V. The meaning-generating potential of the iconic attractor in the structure of a polycode literary text // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2016. № 7-3 (61). p. 64-67.
2. Boldy`reva E`. T. Creative attractor as a structural component of the text: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences.. Chelyabinskij gosudarstvenny`j universitet, 2007.
3. German I. A., Pishhal`nikova V. A. Symmetry and asymmetry of a text as a synergetic system // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 1999. № 4 (14). p. 101-107.
4. Danilenko I. A. Cognitive-germaneeutichoye modeling of anliterary concept (based on E M Remarque`s "Der funke leben") // Gumanitarny`e issledovaniya. 2021. № 1. p. 26-32.
5. Danilenko I. A. The role of text cognitive attractors in the construction of variable text worlds // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2022. № 1. p. 6-13.
6. Kubryakova E. S. In search of the essence of language: instead of an introduction // Kognitivny`e issledovaniya yazy`ka. 2009. № 4. p. 11-24.
7. Lotman Yu. M. The structure of a literary text. Analysis of the poetic text. M.: Azbuka, 2015. 704 p.
8. Moskal`chuk G. G. Current issues of text shaping // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7 (336). p. 47-50.

9. Ogneva E. A. The concept of text cognitive attraction // *Lingvisticheskie gorizonty` : mezhdunar. sb. nauch. tr. Vy`p. VI / otv. red. E. A. Ogneva, I. B. Akinshina. Belgorod: OOO «E`picentr», 2018. p. 87–92.*

10. Poelueva L. A., Belyaczkaya A. A. Methodology of textual linguoculture: acmeosynergetic aspect // *Vestnik universiteta. 2014. №. 11. p. 300-304.*

11. Sonin A. G., Maxnin P. N. Experimental study of the perception of visual-verbal advertising texts // *Voprosy` psixolingvistiki. M., 2004. № 2. p. 77-91.*

УДК 81`42

ТУРИСТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Карюченко Екатерина Олеговна

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / *ya.katya09121997@yandex.ru*

Аннотация

Лингвосемиотические параметры любого дискурса представляют собой неисчерпаемый материал для инновационных исследований, в частности в рамках гуманитарных дисциплин. Туристический дискурс является неотъемлемой частью национальной культуры, в частности – лингвокультуры. В статье рассматриваются некоторые аспекты туристической коммуникации и соответствующей картины мира с учетом лингвосемиотики высказывания. Намечаются перспективы исследования туристических дискурсов и соответствующей терминологии.

Ключевые слова: гуманитарные исследования, туристическая эстетика, лингвокультура, туристический дискурс, лингвосемиотическая картина мира.

TOURIST DISCOURSES AS AN OBJECT OF RESEARCH IN MODERN HUMANITARIAN STUDIES

Karyuchenko Ekaterina

Master student of the department of German and French languages

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / *ya.katya09121997@yandex.ru*

Abstract

Lingvosemiotic parameters of any discourse are inexhaustible material for innovative research, in particular within the humanities. Tourist discourse is an integral part of national culture, in particular, linguistic culture. The article discusses some aspects of tourism communication and the corresponding picture of the world, taking into account the linguistic semiotics of the statement. Prospects for the study of tourism discourses and related terminology are outlined.

Keywords: humanitarian research, tourism aesthetics, linguistic culture, tourism discourse, linguo-semiotic picture of the world.

Дискурсы туризма предстают как привилегированный объект для исследования среди большинства представителей современной гуманитаристики. Гуманитарные науки касаются проблематики, являющейся традиционной в данной области: категории субъективации/объективации, конструирования этоса, гендерных вопросов или изучения типов дискурса [1]. Мы будем говорить о дискурсе туризма во множественном числе, а не о дискурсе туризма: это действительно сфера с многочисленными действующими акторами, туристами, туроператорами, министерствами туризма и наследия, отраслями, основанными на туризме, из различных стран и фондов. Сюда же можно отнести экономику, культуру, объекты национального достояния, рекламу, коммуникацию, географию, которые подпадают под различные дискурсные режимы и практики [2].

Изучение дискурсов туризма означает, прежде всего, соблюдение парадигмы Мишеля Фуко, согласно которой понятие предметную область означает знать ее дискурсы. Вслед за учёным, мы исходим из того, что «туризм» – это «дискурсная формация» [7], следовательно, совокупность текстов с разными жанровыми горизонтами, которые инструктируют нас о ситуации, контексте и идентичностях акторов туристической индустрии – производителей, потребителей, авторов проектов и промоутеров.

Исходя из постулата о том, что дискурсы раскрывают область и ее правила или часть реальности [5], мы изучаем туристический объект в соответствии с его дискурсными проявлениями: текстами, взаимодействиями. Но дискурсы туризма также являются конструкцией исследователя, который исследует дискурсы о туризме, скорее всего, информирует нас о «туристическом предмете» прямым путем — через научный дискурс, изучающий социолингвистические феномены туризма, — а также опосредованно – через литературный дискурс, инсценирующий мир туризма, его дискурсы и их основания (ключевые доминанты).

Дискурсы гибричны; они варьируются от дискурса информации и продвижения до критических/аксиологических дискурсов, действующих в расширяющейся дистанции между воображаемым и посещаемым пространством. Главным героем дискурсов о туризме и о туризме является путешественник-турист, которого и восхваляют, и порицают. Часто рассматриваемый как «антигерой путешествия» [6; 8], он в то же время является продуктом и производителем дискурса, потребителем и потребляемым. Его тело участвует полностью в «опыте»; но чувственный и психологический опыт туриста-путешественника, хотя и изложенный в путеводителях и, в частности, редакторами (спичрайтерами), не всегда выражается в путеводителях, и необходимо «дождаться критического, научного или литературного дискурса, чтобы он был упомянут и проанализирован во всей полноте» [6].

Следует подчеркнуть, что дискурсы туризма действуют в зоне сказанного и невысказанного. Турист должен установить связь и активировать фрагментарную информацию гида – это то, что показывают исследования, изучающие речи гида и использование последнего. Более того, турист одновременно и читатель, и слушатель, и его опыт не всегда ограничивается самим путешествием и ориентацией в посещаемом пространстве. Это также включает в себя чтение путеводителя, прослушивание радио и воображаемое путешествие — вы можете путешествовать, не вставая с кресла. Таким образом, изучение дискурсов туризма означает анализ этих ситуаций высказывания и их своеобразной сценографии.

При этом туристический опыт не ограничивается индивидуальным или единичным поиском: за личными поисками стоит коллектив – мы путешествуем, мы играем в туриста, мы встречаем другого, мы открываем другую культуру, но мы также встречаем свою собственную культуру благодаря зеркалу, поддерживаемому другой культурой, которую вы посещаете. Однако эта встреча обусловлена клише, стереотипами и принятыми идеями, взаимным влиянием культуры посещения и посещаемой культуры [3]. Эти стереотипы также играют положительную роль в возможности осмысления посещаемого мира и культурной вселенной. Кроме того, в процессе посещения мы подчиняемся тому, что делать и видеть, предписаниям гласности и популяризации чужого наследия. Турист также сталкивается с культурными представлениями и целями, которые связаны с его собственными потребностями.

Так, например, для паломника путешествие в Землю обетованную благоприятствует его собственной социальной мобильности: завершение путешествия является признаком социального успеха. Но посещение другой культуры также может быть воспринято как насильственное вмешательство, колонизация другого пространства, что действительно показывают последние тенденции в исследованиях туризма [8]. В этом смысле, изучение туристического дискурса означает изучение развертывания и действия полученных идей и стереотипов в словах туристов и для туристов.

Если акторы туризма – это «другие», с которыми мы встречаемся и с которыми мы должны взаимодействовать и общаться, они также являются географическими пространствами, такими как города и страны. Они являются объектом маркетинга, их наследие превращается в товар, их образ формируется и видоизменяется воображаемыми, которые выходят за рамки национальных воображаемых пространств. С точки зрения этих акторов изучение туризма означает изучение дискурсов главных героев – вербальных взаимодействий туриста со своими собеседниками в посещаемой стране, а также маркетинговых дискурсов посещаемых мест [Ibid.].

Обзор исследований, сочетающих анализ дискурса и корпусную лингвистику с семиотическими исследованиями за последние два десятилетия, показывает их актуальность для изучения туризма. Используя различные корпуса, такие как телевизионные программы, онлайн-сообщения, открытки, брошюры и рекламные объявления, ученые описывают, и анализируют туристическую практику и взаимодействие между принимающей стороной и туристами в различных туристических сообществах: организованных, бэкпэкеров, самозанятых, а также различных типов туризма (экотуризм, агротуризм, этнотуризм и пр.) [6].

Многие специалисты в различных дисциплинах (включая социологию, лингвистику, медиа и исполнительское искусство, коммуникативные исследования), воспринимают дискурс в трех смыслах. Сначала как речевое общение, затем как использование языка в коммуникативной ситуации и в данном культурно-социальном контексте, наконец, как идеологическую деятельность, формирующую социальную реальность, идентичности и отношения с другими, даже порождающая паттерны власти, доминирования и контроля [9]. Именно два последних аспекта дискурса часто рассматриваются в рамках иного взгляда, когда предлагается новая точка зрения на роль «устного, письменного и визуального дискурсов» [4] в репрезентации и производстве туризма как глобальной культурной индустрии.

Чтобы изучить взаимодействие между символическим и экономическим порядками глобальной мобильности, их анализ основан на эмпирических исследованиях ключевых жанров туризма, таких как телевизионные шоу о путешествиях, журналы путешествий, глоссарии путеводителей, праздничные открытки с картами и бортовые журналы. Сочетая корпусную лингвистику и анализ жанра дискурса, они исследуют, как дискурсы туризма динамически отражают новые социальные тенденции, такие как глобальная мобильность, и ее вклад в развитие индустрии туризма. В дискурсе туризма: языки и «банальная глобализация» [9] они стремятся дать социолингвистический или дискурсный анализ в области изучения туризма: их работа сосредоточена на роли языка и коммуникации в этой области. Так же, как туризм оказался важной темой исследований для антропологов и социологов, он является ключевым объектом для изучения процессов человеческого общения, особенно в отношении человеческих контактов и межкультурных обменов, но и с точки зрения циркуляции языкового «материала» (например, жанров, дискурсов и стилей) [4].

Итак, обзор элементов дискурс-анализа туризма, показывает взаимный интерес к туризму аналитиков дискурса и работу, которая исследует дискурсные механизмы для исследователей во всех областях туризма – география туризма, исследования национального достояния, экономика туризма, этнография, социология, история и др. Для аналитиков дискурса это объект мечтаний, поскольку в нем сталкиваются дискурсные феномены, связывающие дискурс с социальным измерением: образ туриста, туроператоров, рутинный и аукториальный дискурсные жанры, родовая гибридность, сценография высказывания, единичный этос и коллектив и пр.

Для исследователей, изучающих туризм, дискурсный анализ выявляет и систематизирует явления, которые остаются незамеченными в исследованиях, пренебрегающих микроанализом и не использующих его вклад. Важным моментом современности является неотерминология, когда к известным терминам (известным до глобальной пандемии), таким как «экологический туризм», «устойчивый туризм» или

даже «туризм как колониализм», добавляются другие, такие как «сверхтуризм», или воздействие массового туризма на чрезмерно эксплуатируемые «доковидные» места. Выявление этих новых терминов и изучение дискурсов, в которых они появляются, может пролить дополнительный свет на современные тенденции в туризме и его практике.

Литература

1. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, №1. 17-34.
2. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
3. Седых А.П., Багана Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30). 31-37.
4. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
5. Amossy, R. (2010a) *L'argumentation dans le discours*. Paris: A. Colin.
6. Barth I., Muller R. (2008) La coolitude comme nouvelle attitude de consommation: être sans être là. Réflexion prospective // *Management & Avenir* 2008/5 (n° 19), pp.18-36
7. Foucault M. (1969) *L'archéologie du savoir*. Paris: Gallimard.
8. Rodolphe, Ch. (2017) *Manuel de l'anti-tourisme*. Paris: Écosociété.
9. Thurlow, C. & Jaworski A. (2011) *Tourism discourse: Languages and banal globalization* // *Applied Linguistics Review* 2, 285- 312.

References

1. Karasik V.I. *Diskursologija kak napravlenie komunikativnoj lingvistiki* [Discourse studies as a direction of communicative linguistics] // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2016, №1. 17-34.
2. Sedykh A.P. *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU, 1998. 160.
3. Sedykh A.P., Bagana Zh. *Lingvisticheskie osnovy idiojetnicheskoy interpretacii jazykovoj lichnosti* [Linguistic foundations of the idioethnic interpretation of a linguistic personality] // *Questions of Philology*. 2008. No. 3 (30). 31-37.
4. Sedykh A.P. (2022) *Jazyk, kul'tura, kommunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Epicentr», 152.
5. Amossy, R. (2010a) *L'argumentation dans le discours*. Paris: A. Colin.
6. Barth I., Muller R. (2008) La coolitude comme nouvelle attitude de consommation: être sans être là. Réflexion prospective // *Management & Avenir* 2008/5 (n° 19), pp.18-36
7. Foucault M. (1969) *L'archéologie du savoir*. Paris: Gallimard.
8. Rodolphe, Ch. (2017) *Manuel de l'anti-tourisme*. Paris: Écosociété.
9. Thurlow, C. & Jaworski A. (2011) *Tourism discourse: Languages and banal globalization* // *Applied Linguistics Review* 2, 285- 312.

УМК 81'22

ЛИНГВИСТИКА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Латыпов Глеб Маратович

студент факультета иностранных языков/
Московский Международный Университет
Москва, Россия / gleb.latykov.2001@mail.ru

Аннотация

Процесс глобализации в настоящее время приобретает еще большее значение, чем когда-либо. Данный процесс относится к осознанию всего мира в целом, и влияет на мировые языки, которые рассматриваются как важнейшее средство развития способности к общению между культурами. Благодаря глобализации люди могут пользоваться материальным и нематериальным благами других стран и иметь неограниченные

возможности абсолютно во всех аспектах жизни. Однако у любого процесса есть и свои «побочные эффекты». В данном случае мы имеем объединение культур, наций, что способствует единообразию народов, но с другой стороны, ставится под угрозу существующее многоязычие и мультикультурализм. В данной статье рассматривается процесс глобализации в симбиозе с лингвистикой и их ощутимое влияние на все области жизни. Используется методология концептуального анализа высказывания. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что глобализация и лингвокультура обладают взаимной связью, способной повлиять как положительно, так и отрицательно на быт, традиции и жизнь в целом. Намечаются перспективы дальнейшего изучения лингвистического дискурса.

Ключевые слова: глобализация, лингвистика, лингвокультура, общество, отношения, мультикультурализм, многоязычие.

LINGUISTICS AND GLOBALIZATION

Latypov Gleb

Student of the Faculty of Foreign Languages/
Moscow International University
Moscow, Russia / *gleb.latypov.2001@mail.ru*

Abstract

The process of globalization has always had a great impact, but now it is becoming even more important than ever. This process relates to the awareness of the whole world as a whole, and affects world languages, which are considered as the most important means of developing the ability to communicate between cultures. Thanks to globalization, people can enjoy the tangible and intangible benefits of other countries and have unlimited opportunities in absolutely all aspects of life. However, any process has its own "side effects". In this case, we have an association of cultures, nations, which contributes to the uniformity of peoples, but on the other hand, the existing multilingualism and multiculturalism are threatened. This article examines the process of globalization in symbiosis with linguistics and their tangible impact on all areas of life. The methodology of conceptual analysis of the utterance is used. A working hypothesis (basic theoretical position) is put forward that globalization and linguoculture have a mutual connection that can influence both positively and negatively on everyday life, traditions and life in general. Prospects for further study of linguistic discourse are outlined.

Keywords: globalization, linguistics, linguoculture, society, relations, multiculturalism, multilingualism.

Термин «глобализация» впервые был использован в публикации под названием «Harvard Business Review» профессором маркетинга Гарвардского университета Теодором Левиттом в 1983 году для обозначения экономических процессов [Левитт 1983,112]. С момента своего появления данная концепция породила множество конкурирующих определений и интерпретаций. Однако, несмотря на столь позднее появление терминологии, данный процесс осуществлялся на протяжении многих столетий. Например, в эпоху античности, когда Римская империя взяла под контроль Средиземноморье, что впоследствии привело к смешению различных культур, языков, традиций. Или испанская колонизация Америки, в конце XV века, в итоге обернулась «заражением» своей культурой всей территории.

Торговые отношения, которые на протяжении многих веков происходили между разными странами, континентами также развивали процесс глобализации.

Процесс глобализации является основной темой, которая связывает лингвокультуру и общество в этом исследовании. Хотя существует множество точек зрения на то, как следует определять глобализацию, в данном исследовании она определяется как растущая взаимосвязь между нациями, создающая неравномерное распределение благ, культур и других аспектов жизни [Стегер 2013, 234]. В результате этой взаимосвязи культура, включающая идеологию и язык, передается между странами и

континентами быстрее, чем когда-либо прежде. Что касается данного исследования, то разные страны и континенты сильно отличаются с точки зрения доступа к ресурсам, культуры или языка в принципе. Если во Франции имелся доступ ко всем благам во времена колонизаций, то в африканских колониях этот доступ был крайне ограниченным, но несмотря на это происходило смешение как языковых, так и культурных особенностей. Жители французских колоний стали говорить на французском языке.

Чтобы лучше понять, что представляет язык следует определить его точное значение. Язык - это структурированная система коммуникации, и использование этой системы для общения требует набора социально разделяемых правил и культурных норм, включая, но, не ограничиваясь, способностью создавать новые слова, знания того, какие словосочетания лучше всего работают в конкретной ситуации [Хомский 2022, 43].

Важно понимать, что следующее понятие - лингвокультура - отличается от языка. Лингвокультуру можно определить как идеи, ценности, убеждения и любые другие культурные параметры, которые люди приносят в свое восприятие и использование языка из своей культуры. Это определение описывает лингвокультуру как лежащие в основе мысли, чувства и ценности о культуре, которые проецируются на язык. Другими словами, язык – это система, в которой люди рождаются, но лингвистическая культура включает в себя факторы, которые являются внешними по отношению к языковой системе и основываются на убеждениях, опыте и предположениях индивида о языке.

В 70-е годы 20 века, когда индустриальное общество «трансформировалось» в постиндустриальное, термин «глобализация» стал широко использоваться экономистами, лингвистами и другими науками. Процесс данной трансформации, был направлен на увеличение материальных и нематериальных богатств посредством международного распределения, что способствовало повышению эффективности во многих аспектах жизни, а также увеличению конкуренции на рынках. В основном это ассоциировалось с термином «экономическая глобализация» – интеграция национальной экономики в международную экономику посредством торговли, прямых иностранных инвестиций, потоков капитала, миграции и распространения технологий.

Однако, помимо своего экономического значения, термин «глобализация» обсуждался в более популярном дискурсе, где он был приравнен к слову «интернационализация», имея в виду растущую взаимосвязь и взаимозависимость людей и институтов мира. В настоящее время «интернационализация» обычно рассматривается как менее теоретизированный термин, в то время как «глобализация» стала обозначать социальный процесс, который характеризуется существованием глобальных политических, экономических, лингвистических, культурных и экологических взаимосвязей и потоков. Поэтому данный термин трактуется как быстрое взаимное проникновение, а также быстрое усиление взаимозависимости национальных государств в экономической, идеологической и культурной областях. В более широком смысле «глобализация» относится к транснациональной циркуляции идей и языков посредством аккультурации - процесса взаимовлияния культур. Более того, исследователи часто упускают из виду своеобразную природу языка как экономических и культурных благ:

- Языки помогают развивать способность к общению между культурами.
- Знание иностранных языков позволяет мыслить глобально, развивая кругозор,

и видеть новые перспективные горизонты.

В нашем мире язык является неотъемлемой частью глобализации: «без языков не было бы глобализации, и, наоборот, без глобализации не было бы мировых языков». Владение мировыми языками определяет место человека в обществе. В настоящее время наиболее распространенным мировым языком, по числу стран, является - английский. Его используют в переговорах, на нем написано большинство технической и узконаправленной литературы и т.д. Китайский язык, в свою очередь, занимает лидирующее положение среди первого родного языка, на котором разговаривают люди, за ним следует испанский.

Стоит также отметить русский язык. Русский язык входит в число мировых (глобальных) языков. На русском языке происходит коммуникация между большим количеством людей по всему миру, особенно между народами СНГ. Русский язык является рабочим языком ряда международных организаций, в частности, ООН и ЮНЕСКО.

Статус английского языка подкрепляется широко распространенным термином «глобальный английский», который указывает на его доминирующее использование. Английский язык распространился по всему миру. Люди хотят говорить по-английски, потому что это язык рекламы, музыки, кино, документаций, а также жизненно важный инструмент для достижения «успеха». Кроме английского, никакие другие языки не доминируют в международном бизнесе, научных кругах, средствах массовой информации и интернете. Более того, люди разных национальностей изучают «доминирующий язык» для функционирования, общения в глобальном масштабе.

Однако, как и у любого явления, помимо положительных сторон имеются и отрицательные последствия. Ранее были упомянуты лишь плюсы глобализации, но в контексте современного мира нельзя говорить только о положительных сторонах. Главным минусом следует обозначить возникновение повышенного риска единообразия, ставящий под угрозу исчезновение некоторых мировых языков «в тени» доминирующего. Использование «лингва франка» (язык, который используется для общения между людьми, родными языками которых являются другие), на территории местных языков (в особенности в системе образования, СМИ) ставит под угрозу национальные языки. Также глобализация может увеличить уровень безработицы. Мир требует высококвалифицированных кадров по низкой цене. Но страны, где инфраструктура относительно слаба, не способны предоставить специалистов. В результате чего, в этих странах растет уровень безработицы. Еще стоит отметить экономический, а если быть точнее торговый дисбаланс. Известные на весь мир бренды пользуются, куда большим спросом, нежели местное производство. Не нужно быть экспертом, чтобы понимать в каком положении находятся менее распространённые языки. Обращаясь к истории, на протяжении всего времени прослеживается исчезновение целых лингвистических культур. В будущем эти цифры могут увеличиться вдвое, а то и втрое. Ученые обеспокоены такими последствиями. Исчезновение некоторых мировых языков может привести к исчезновению культур, поскольку язык является определяющим фактором культурной самобытности различных групп и отдельных лиц. В этом смысле частичным решением сохранения идиокультурной самобытности могут стать процессы интеграции территориальных вариантов национального языка [Седых 2022].

С помощью языка представители каждой нации строят, сохраняют и выражают свои эмоции, намерения и ценности, передают культурные выражения и опыт. Помимо возможного возникновения риска единообразия, глобальные процессы оказывают осязаемое влияние на использование знаний и сохранение языков. Их «оживлению» способствуют:

- Объединение учреждений по всему миру, работающих с языковыми сообществами, находящимися под угрозой исчезновения, в целях содействия возрождению, сохранению и дальнейшего использования;
- Предоставление доступа к информационным и коммуникационным ресурсам, которые могут быть использованы для оказания помощи сообществам в сохранении их языкового разнообразия;

Таким образом, процесс глобализации приобретает наибольшее значение в современном мире. Благодаря чему существующие границы между обществами стираются, и облегчаются культурные, политические, экономические и экологические взаимосвязи. Современная глобализация относится к осознанию мира в целом и влияет на мировые языки, которые рассматриваются как важнейшее средство развития способности к общению между культурами.

Литература

1. Левитт Т. «Гарвардский деловой обзор». – Шлюхтерн, 1983. 112.
2. Стегер М. «Глобализация - Краткое введение». 3 издание. – Маноа, 2013. 234.
3. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
4. Хомский Н. «Тайны слов». – Ист-Оук-Лейн, Филадельфия, 2022. 43.

References

1. Levitt T. «Harvard Business Review». – Schlüchtern, 1983. 112
2. Steger M. «Globalization A Very Short Introduction», 3rd edition. – Mānoa, 2013.234.
3. Sedykh A.P. [2022] *Jazyk, kul'tura, komunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Jepicentr», 152.
4. Chomsky N. «The Secrets of Words», – East Oak Lane, Philadelphia 2022. 43.

УДК 81

О ПОТЕНЦИАЛЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА В ДИАГНОСТИКЕ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АФАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Максимова Елена Николаевна

ассистент кафедры

Хакасский государственный университет

им. Н.Ф. Катанова

Абакан, Россия / *e.n.maximova@aoe.su*

Кутяева Ольга Михайловна

заведующий кафедрой, канд. филол. наук,

доцент

Хакасский государственный университет

им. Н.Ф. Катанова

Абакан, Россия / *kutyaeva@yandex.ru*

Аннотация

С целью выявления потенциала речевого жанра как диагностического средства речевых нарушений, была разработана жанровая модель дискурса мнения, описывающая его типовые характеристики и задействованные процессы в аспекте системно-функциональной лингвистики. Затем был проведен анализ модели на материале дискурса людей без речевых нарушений и людей с афазией. Построенная модель была верифицирована на языковом материале дискурса контрольной группы англоговорящих людей без речевых нарушений. Далее модель применялась для анализа высказываний людей, страдающих афазией, на предмет соответствия выбора жанровой модели цели продуцируемого дискурса. Полученные результаты позволяют утверждать, что модель речевого жанра, обладая определенным лингвистическим потенциалом, может найти применение в диагностике речевых нарушений.

Ключевые слова: речевой жанр, жанровая модель, афатический дискурс, дискурс мнения, системно-функциональный анализ

ON THE POTENTIAL OF SPEECH GENRES IN THE DIAGNOSIS OF SPEECH DISORDERS IN ENGLISH APHASIC OPINION DISCOURSE

Maximova Elena

teaching assistant

Katanov Khakass State University

Abakan, Russia /

e.n.maximova@aoe.su

Kutyaeva Olga

chairman of the department, candidate of

Philological sciences,

associate professor

Katanov Khakass State University

Abakan, Russia / *kutyaeva@yandex.ru*

Abstract

In order to identify the potential of the speech genre as a diagnostic tool for speech disorders, a genre model of opinion discourse was developed that describes its typical characteristics and the processes of system-functional linguistics. Then, the analysis of the model was carried out on the material of the discourse of people without speech disorders and people

with aphasia. The constructed model was verified on the language material of the discourse of the control group of English-speaking people without speech disorders. Next, the model was used to analyze the statements of people suffering from aphasia, for the compliance of the choice of the genre model with the goal of the produced discourse. The results obtained allow us to state that the speech genre model, having a certain linguistic potential, can be used in the diagnosis of speech disorders.

Keywords: speech genre, genre pattern, aphasic discourse, opinion discourse, systemic-functional analysis

В современной лингвистической науке исследование жанра всё чаще приобретает многоаспектный характер. Это в первую очередь связано с многообразием и многокомпонентностью референтных ситуаций, вокруг / в которых формируются устойчивые типы высказываний, или речевые жанры. В этом смысле референтная ситуация выступает определяющим признаком, относящим высказывание к тому или иному речевому жанру. К её параметрам относят намерение субъекта, цель коммуникации, завершённость, смену субъектов, сферу общения, тему, участников, время, место. Именно эти параметры выступают условием выбора тех или иных слов исходя из ассоциативных контактов значений слов участников речевого общения, что, несомненно, в процессе построения высказываний ведёт к образованию жанровой формы [Бахтин 1979, 267-315]. И, наоборот, референтная ситуация служит ориентиром субъектам коммуникативного взаимодействия в выборе определённой жанровой формы высказываний.

По сути, функционирование устойчивой жанровой формы позволяет говорить о модели речевого жанра. При этом выбор жанра исходит из уже готовых моделей речевых жанров в когнитивных структурах сознания коммуниканта, с опорой на которые происходит декодирование замысла текста и текстообразование. Модель жанра речи имеет информацию о контуре определённой речевой ситуации, на который впоследствии накладывается соответствующая информация [Покровская 2011, 7-21]. Существование готовых моделей речевых жанров говорит о типичности употребления высказываний в определённых ситуациях.

Исходя из того, что речевой жанр является вербальным оформлением типичной ситуации социального взаимодействия людей, можно согласиться с мнением, что собственно речевой жанр предстаёт как универсальная дискурсивная категория. Он (жанр) служит своего рода опорой для реализации дискурса. Благодаря своим характерными признакам (устойчивость, стандартность, прототипичность) жанр представляется как модель, реализуемая в конкретных текстах различного объёма, тематического и композиционного содержания, привязанного к конкретной коммуникативной ситуации [Пашук 2016, 67-70]. Соответственно, дискурс выступает первостепенным направлением для его участников при построении высказываний, типические формы которых воспроизводятся в данном дискурсе.

Цель данной статьи – проиллюстрировать потенциал речевого жанра как диагностического средства на примере англоязычного афатического дискурса мнения. В рамках данного исследования модель речевого жанра для дискурса мнения построена с применением системно-функционального анализа, заключающегося в анализе простых предложений (подлежащее + сказуемое), в которых глагол соотносится с одним из типов процессов: материальными (процессы «делания»), ментальными (процессы «чувствования»), вербальными (процессы говорения), поведенческими (процессы физиологического и психологического поведения), экзистенциальными (процессы существования, местонахождения) и аналогии отношений (процессы «бытия», «обладания») [Halliday 2004, 168-258].

Изначально, теоретическое описание дискурса мнения, представленное в ряде научных работ, включает следующие его типовые характеристики: оценочность,

субъективность, индивидуальность, полярность, предвзятость и ментальность [Wilson 2005, 54-56; Greenberg 2000, 520-529; Asher 2008, 7-10]. Это позволяет констатировать с позиции системно-функциональной лингвистики, что жанровая модель дискурса мнения включает процессы аналогии отношений и ментальные процессы, которые в английском языке реализуются, например, такими глаголами как *be* (*быть*) и *think* (*думать*) соответственно.

Верификация модели осуществлялась на материале дискурса людей без нарушения речи [MacWhinney 2000]. Так, например, приведенный ниже контекст показывает, что такие типичные черты дискурса мнения как оценочность, субъективность и ментальность проявляются в использовании процессов аналогии отношений и ментальных процессов.

Стимул: *“What lesson do you think you have learned from your frightening experience?”*

Реакция: *So, that was my lesson that was learned: I'm stronger than I think. I am. If this isn't the person you think you're sposta be with, don't settle, keep looking.*

Приведенный выше контекст отражает типичные характеристики дискурса мнения. Такие фразы как *I think, you think* отражают ментальность дискурса мнения. Оценочная природа данного типа дискурса проявляется в таких фразах как *I'm stronger, I am, you're sposta be*. В целом, весь представленный отрывок субъективен. Все эти характерные черты указывают на то, что говорящий выбирает такие слова и выражения, которые ведут к образованию жанровой формы дискурса мнения.

Проведенный в дальнейшем системно-функциональный анализ подтвердил соответствие полученной жанровой модели дискурса мнения (таблица 1).

Таблица 1. Пример системно-функционального анализа на материале дискурса людей без речевых нарушений

	Материал ные	Аналогии отношени й	Ментал ные	Вербаль ные	Поведен ческие	Экзисте нциаль ные
so (.) that was my lesson		+				
that was learned			+			
I'm stronger		+				
than I think			+			
I am		+				
if this isn't the person you think		+				
you're sposta with [/] with [//] be with ,		+				
don't settle					+	
keep looking	+					
ИТОГО: 10	1	5	3	0	1	0

Как видно из анализа, в дискурсе мнения используются практически все виды типов процессов. Однако преобладающими являются процессы аналогии отношений. Во-первых, это указывает на субъективность суждений говорящего. Во-вторых, это также отражает особенность английского языка, которая проявляется в том, что глагол «быть» используется для установления фактов. Выбор ментальных процессов отражают ментальность и оценочную природу дискурса мнения. Материальные и поведенческие процессы в проанализированном отрывке говорят о том, что говорящий строит текст в

соответствии с выбранной моделью дискурса мнения, дополняя его не клишированными деталями, что является типичным для большинства нормально говорящих людей.

Далее был проведен анализ англоязычной речи в рамках афатического дискурса мнения. При этом понимается, что целеполагание высказывания, которое неизбежно влияет на выбор речевой модели, должно оставаться в поле дискурса мнения. Характеристика дискурса как афатического ограничивается параметрами самого субъекта, продуцирующего высказывание. К таким параметрам, помимо прочего, относятся время с момента приступа не более года и умеренная степень афазии [MacWhinney 2000].

Стимул: *“What lesson do you think you have learned from your frightening experience?”*

Реакция: *now I don't look at lectured [?] things are alive. Before you [x2] look at em or somethin(g) like thatb hard work can take care <of yourse(lf)>, uh... of your crops. That's ...uh part of life, goes on. Remember what you say before you say anything.*

Контекст афазийной речи сложно отнести к дискурсу мнения. Нарушенная связность и логика построения текста, характерная для дискурса мнения, а также наличие грамматических, фонетических и лексических ошибок создают сложности для отнесения текста к какой-либо речевой модели. К тому же, отсутствуют клишированные фразы, характеризующие дискурс мнения.

Системно-функциональный анализ подтвердил несоответствие полученной модели жанровой модели дискурса мнения (таблица 2).

Таблица 2. Пример системно-функционального анализа на материале дискурса людей с афазией

	Материальные	Аналогии отношения	Ментальные	Вербальные	Поведенческие	Экзистенциальные
now I don't look at lectured [: make sure] [*] things			+			
are alive		+				
<before you> [x 2] look at em or somethin(g) like that					+	
har hard work can take care <of yourse(lf)> [/] your [/] &-um of your crops	+					
that's &-uh part of life		+				
goes on						+
remember			+			
what you say				+		
before you say anything				+		
ИТОГО: 9	1	2	2	2	1	1

Приведенный выше отрывок не относится к типичной жанровой модели дискурса мнения: можно наблюдать равномерное распределение всех типов процессов. Это говорит о том, что выбор жанровой модели в рамках анализируемого дискурса не соответствует принятой модели дискурса мнения, что констатирует определенные нарушения в построении связной речи.

Таким образом, модель речевого жанра может быть использована для диагностики речевых нарушений. При этом, выбор речевого жанра не ограничивается дискурсом мнения. Системно-функциональный анализ дает основания полагать, что построение жанровой модели возможно для любого текстового жанра, связанного с ситуациями общения. Не следование типичной жанровой модели дает основания полагать, что при афазии нарушается логика построения речи, разрушаются клише фразовой и текстовой речи.

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 485 с.
2. Пащук, О. В. Речевой жанр и дискурс / О. В. Пащук // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: Материалы I Международной научно-практической Интернет-конференции. – Орёл: ОГУ имени И.С.Тургенева, 2016. С. 67 -70.
3. Покровская, Е. А., Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. Речевые жанры в диалоге культур / Е. А. Покровская, Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. – Ростов н/Д: Foundation, 2011. 200 с.
4. Asher, N. Distilling opinion in discourse: A preliminary study / N. Asher, F. Benmara, Y.Y. Mathieu // Companion volume – Posters and Demonstrations. – Manchester: Coling, 2008. – P. 7-10.
5. Greenberg, J. Opinion discourse and Canadian newspapers: The case of the Chinese 'Boat people' / J. Greenberg. - Canadian Journal of Communication. – 2000. - № 25. – P. 517 - 537.
6. Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. - London: Edward Arnold, 2004. – 700 p.
7. Wilson, T. Annotating attributions and private states / T. Wilson, J. Wiebe // Proceedings of ACL Workshop on Frontiers in Corpus Annotation II: Pie in the Sky. – Michigan: Ann Arbor, 2005. – P. 53-60.
8. Greenberg, J. Opinion discourse and Canadian newspapers: The case of the Chinese 'Boat people' / J. Greenberg. - Canadian Journal of Communication. – 2000. - № 25. – P. 517 - 537.
9. MacWhinney, B. The CHILDES Project: tools for analysing talk (3rd ed.) / B. MacWhinney. - Muhwah, NJ: Lawrence, 2000. – 118 p.

References

1. Bahtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity / M. M. Bahtin – Moscow: Iskusstvo, 1979. – 485 s.
2. Pashchuk, O. V. Speech genre and discourse / O. V. Pashchuk // Problemy lingvistiki, metodiki obucheniya inostrannym yazykam i literaturovedeniya v svete mezhkul'turnoj kommunikacii: Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferencii. – Oryol: OGU imeni I.S.Turgeneva, 2016. – S. 67 -70.
3. Pokrovskaya, E. A., Dudkina N. V., Kudinova E. V. Speech genres in cultural dialogue / E. A. Pokrovskaya, Dudkina N. V., Kudinova E. V. – Rostov n/D: Foundation, 2011. – 200 s.
4. Asher, N. Distilling opinion in discourse: A preliminary study / N. Asher, F. Benmara, Y.Y. Mathieu // Companion volume – Posters and Demonstrations. – Manchester: Coling, 2008. – P. 7-10.
5. Greenberg, J. Opinion discourse and Canadian newspapers: The case of the Chinese 'Boat people' / J. Greenberg. - Canadian Journal of Communication. – 2000. - № 25. – P. 517 - 537.
6. Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. - London: Edward Arnold, 2004. – 700 p.
7. Wilson, T. Annotating attributions and private states / T. Wilson, J. Wiebe // Proceedings of ACL Workshop on Frontiers in Corpus Annotation II: Pie in the Sky. – Michigan: Ann Arbor, 2005. – P. 53-60.
8. Greenberg, J. Opinion discourse and Canadian newspapers: The case of the Chinese 'Boat people' / J. Greenberg. - Canadian Journal of Communication. – 2000. - № 25. – P. 517 - 537.

9. MacWhinney, B. The CHILDES Project: tools for analysing talk (3rd ed.) / B. MacWhinney. - Muhwah, NJ: Lawrence, 2000. – 118 p.

УДК 81'42

**ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВЫХ КОГНИТИВНЫХ АТТРАКТОРОВ
В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. РИДА
«TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»)**

Огнева Елена Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой иностранных языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия /*ogneva@bsu.edu.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются параметры архитектоники документальной прозы как особого текстового формата знания, как семиотической проекции мировидения автора текста. Тексты документальной прозы интерпретируются как идеологический формат миромоделирования, в котором выстраиваются текстовые когнитивные аттракторы. В работе впервые излагается типология текстовых когнитивных аттракторов, понимание которых разграничивается с пониманием когнитивных аттракторов. Выявляется превалирование текстового идеологического когнитивного аттрактора документальной прозы над другими четырьмя типами в произведении Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Определяется сопряжение темпорального текстового когнитивного аттрактора с названием рассматриваемого произведения и с названиями глав этого произведения. Устанавливается наличие синергии лингвокультурного текстового когнитивного аттрактора и проксемию текстового когнитивного аттрактора в архитектонике произведения Дж. Рида. Аттрактивная текстовая модель рассматриваемого произведения обозначается как идеологически маркированная вследствие превалирования в ней текстового идеологического когнитивного аттрактора документальной прозы.

Ключевые слова: документальная проза, моделирование, текстовый когнитивный аттрактор документальной прозы, типология.

**TIPOLOGY OF TEXT COGNITIVE ATTRACTORS IN NON-FICTION OF J. REED'S
«TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»**

Ogneva Elena

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of foreign languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia /*ogneva@bsu.edu.ru*

Abstract

The article deals with the parameters of non-fiction architectonics as a special textual format of knowledge, as a semiotic projection of the text worldview of the writer. Non-fiction texts are interpreted as an ideological format of world modeling, in which textual cognitive attractors are formed. The article presents for the first time a typology of textual cognitive attractors, the understanding of which is delimited from the understanding of cognitive attractors. The prevalence of the non-fiction textual ideological cognitive attractor over the other four types in J. Reid's "Ten Days That Shook the World" is revealed. The conjugation of the temporal textual cognitive attractor with the title of the work and with the titles of the chapters of this work is determined. The presence of a synergy of a linguocultural textual cognitive attractor and a proxemic textual cognitive attractor in the architectonics of J. Reed's work is established. The attractive textual model of the work is designated as ideologically marked due to the prevalence of the non-fiction textual ideological cognitive attractor in it.

Key words: non-fiction, modeling, non-fiction textual cognitive attractor, typology.

Введение

Всесторонняя интерпретация текста является одним из активно развивающихся направлений современного языкознания. Именно комплексный подход к интерпретации текста «places linguistic issues in the broader perspective» [Boldyrev 2020: 2] / «ставит лингвистические вопросы в более широкую перспективу», что позволяет выявить «важную роль текста в языковом сознании» [Попова, Лоскутова 2021: 85].

Рассмотрение текста показывает тот факт, что текст является «семиотической системой, с перманентно меняющимися содержательными параметрами» [Прюво, Седых, Бузинова 2018: 21], посредством которых осуществляется реализация «компрессии оценочного смысла» [Голованова 2017: 32]. Именно содержательные параметры «обеспечивают необходимую целостность тексту» [Жирова 2020: 88] на основе «разнообразия словника текста» [Харченко 2008: 7] и предопределяют «типы текстов» [Sedykh et al 2017: 811-815].

В результате исследований выявлено, что содержательные параметры текста и их динамика обусловлены изменениями в обществе, которым порождаются тексты и в котором эти тексты функционируют. Поскольку текст представляет собой коммуникативный формат накопления хранения и передачи информации, то очевидно, что «на коммуникативную ситуацию, оказывает воздействие социальная среда» [Кучинская 2021: 34] как сфера-источник текстовой «популяризации и актуализации» [Озерова 2021: 88].

Коммуникативная ситуация, в которую погружен текст как коммуникативный формат знания, оказывает непосредственное влияние на параметры функционирования текста, представляющего собой «определённый способ концептуализации действительности» [Богачев 2008: 70], вследствие чего текстовая концептуализация мира позволяет «зафиксировать в той или иной жанровой форме индивидуально-авторское видение мира» [Огнева 2022: http].

Рассмотрение текста с точки зрения концептуализации в нем действительности расширяет интерпретативные возможности исследователя, в результате чего создается многогранная интерпретативная модель текстовой информации, параметры которой отличаются от текстовых параметров, созданных на ранних этапах лингвистики текста, когда «существовало разделение на семантику текста, синтаксис текста, прагматику текста» [Галло, Алефиренко 2020: 25].

Современные интерпретативные подходы к тексту вскрывают «параметры текстового моделирования мира» [Киосе 2018: 292] и механизмы «миромоделирования, осуществляемого с опорой на идеологию как систему взглядов» [Кушнерук 2022: 22], где важна «форма использования языка в реальном времени» [Кушнерук 2013: 105].

Исследования показывают, что тексты документальной прозы представляют собой один из форматов идеологического миромоделирования, в котором «интенция автора является решающим фактором отбора языкового материала» [Даниленко 2022: 7].

Основная часть

Цель работы заключается в типологизации текстовых когнитивных аттракторов документальной прозы с последующей интерпретацией идеологического текстового когнитивного аттрактора.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужило произведение Дж. Рида “Ten Days that Shook the World” / «Десять дней, которые потрясли мир», которое было впервые опубликовано в 1919 году.

Текст документальной прозы значительно отличается от постулатов «когнитивной лингвопоэтики» [Alefirenko et al. 2015: 157-160], поэтому создаваемые в этом формате текстовые когнитивные аттракторы отличаются от текстовых когнитивных аттракторов, сформированных в художественном мире. Под текстовыми когнитивными аттракторами нами понимаются «доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя» [Огнева 2018: 87]. В настоящее время в науке

существует понимание когнитивного аттрактора как механизма, который, по мнению Г.В. Коваленко, проявляется в «планировке» текстового пространства стилистической конвергенции»; при формировании стилистической конвергенции «используются определенные когнитивные механизмы»; эти механизмы «отражают схемы работы человеческого сознания» [Коваленко 2018: 253]. Очевидно, что термины «когнитивный аттрактор» и «текстовый когнитивный аттрактор» обозначают различные подходы к интерпретации текстового пространства и не являются взаимозаменяемыми.

В теории текста обосновано существование следующей классификации текстовых когнитивных аттракторов, выявленных в художественном текстовом формате:

- «(1) текстовый проксемный когнитивный аттрактор,
- (2) текстовый темпоральный когнитивный аттрактор,
- (3) текстовый пейзажный когнитивный аттрактор,
- (4) текстовый эмотивный когнитивный аттрактор,
- (5) текстовый персонажный когнитивный аттрактор,
- (6) текстовый кинематический когнитивный аттрактор,
- (7) текстовый световой когнитивный аттрактор,
- (8) текстовый сюжетный когнитивный аттрактор» [Огнева 2018: 88].

Также выявлен текстовый тематический когнитивный аттрактор, который «включает в себя лексику, входящую в номинативное поле определённой жанровой тематики: военная, медицинская и др.» [Даниленко 2021: 50].

Однако, текстовые когнитивные аттракторы в документальной прозе ещё не рассматривались.

С нашей точки зрения, типология текстовых когнитивных аттракторов в документальной прозе представляет собой совокупность следующих когнитивных аттракторов:

- (1) текстовый тематический когнитивный аттрактор,
- (2) текстовый идеологический когнитивный аттрактор,
- (3) текстовый темпоральный когнитивный аттрактор,
- (4) текстовый проксемный когнитивный аттрактор,
- (5) текстовый лингвокультурный когнитивный аттрактор.

Нами предлагается следующее понимание пяти перечисленных типов текстовых когнитивных аттракторов. Под *тематическим когнитивным аттрактором* в документальной прозе понимается совокупность доминантных смысловых тематически обусловленных маркеров, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к концептосфере документальной прозы.

Под *идеологическим когнитивным аттрактором документальной прозы* понимается совокупность доминантных смысловых идеологически обусловленных маркеров, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к концептосфере документальной прозы.

Под *темпоральным когнитивным аттрактором документальной прозы* понимается совокупность доминантных темпоральных маркеров, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к концептосфере документальной прозы.

Под *проксемным когнитивным аттрактором документальной прозы* понимается совокупность доминантных проксемных маркеров, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к концептосфере документальной прозы.

Под *лингвокультурным когнитивным аттрактором* в документальной прозе понимается совокупность доминантных лингвокультурных маркеров, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к концептосфере документальной прозы.

Из перечисленных текстовых когнитивных аттракторов спорным может предстать *идеологический когнитивный аттрактор документальной прозы*, который

актуален в процессе «создания лингвистических основ защиты национальных интересов в информационной сфере» [Кушнерук 2020: 97].

Именно этот аттрактор будет рассмотрен в данной статье на материале произведения Дж. Рида “Ten Days that Shook the World”, о которой сам автор писал следующее: “This book is a slice of intensified history – history as I saw it. It does not pretend to be anything but a detailed account of the November Revolution, when the Bolsheviki, at the head of the workers and soldiers, seized the state power of Russia and placed it in the hands of the Soviets” [Reed 2019: 10] / «Эта книга – срез усиленной истории – истории, как я ее видел. Она не претендует ни на что, кроме подробного описания Ноябрьской революции, когда большевики во главе рабочих и солдат захватили государственную власть в России и передали ее в руки Советов».

Исследование текста произведения Дж. Рида показало следующий спектр проявлений *текстового идеологического когнитивного аттрактора документальной прозы*.

Во-первых, название произведения “Ten Days that Shook the World” / «Десять дней, которые потрясли мир» говорит о значительном влиянии описываемых событий на мировоззрение жителей планеты. Изменение мировоззрения происходит, как правило, под массивным идеологическим воздействием.

Во-вторых, события октябрьской революции, которая по европейскому стилю летоисчисления произошла в ноябре, были идеологически окрашены и нацелены на создание нового мира, в котором рабочие и крестьяне будут жить лучше.

В-третьих, текст книги разбит на 12 глав, что подчеркивает судьбоносность описываемых событий для мира, то есть структура оглавления тоже идеологически маркирована.

В-четвертых, стиль описываемых событий, очевидцем которых был Дж. Рид, идеологически маркирован, поскольку автор стремится в деталях показать рождение нового общества, общества неугнетенных рабочих и крестьян.

Что касается проявления четырёх других типов текстовых когнитивных аттракторов документальной прозы в рассматриваемом произведении, то необходимо отметить высокую частотность маркеров текстового тематического когнитивного аттрактора, номинирующих революционные события и те события, которые им предшествовали.

Третий тип аттрактора, текстовый темпоральный когнитивный аттрактор документальной прозы, представлен высокочастотными хронемами и лексическими таймерами. Это обусловлено тем, что «категория темпоральности формирует <...> текст как коммуникативно-смысловую единицу» [Бузина 2017: 115]. В названии произведения выявлена пролонгированная хронема “Ten Days” (десять дней). Темпоральная модель произведения представляет собой нелинейную многовекторную модель, под которой понимается «описание потенциально различных действий <...>, описание событий, обусловленных этими действиями, темпоральное маркирование которых репрезентирует свойство «скачкообразности» [Огнева 2013: 145].

Необходимо отметить, что названия большинства глав представляют собой лексические таймеры, под которыми понимаются «слова или словосочетания, семантика которых косвенно репрезентирует темпоральный аспект» [Бузина 2019: 177]. Например, 2 глава “The Coming Storm” (Грядущая буря), 3 глава “On the Eve” (Накануне), 4 глава “The Fall of the Provisional Government” (Падение временного правительства), 6 глава “The Committee for Salvation” (Комитет спасения), 7 глава “The Revolutionary Front” (Революционный фронт), 9 глава “Victory” (Победа), 11 глава “The Conquest of Power” (Завоевание власти), 12 глава “The Peasants’ Congress” (Крестьянский съезд). Очевидно, что каждое из перечисленных в оглавлении революционных событий имеет темпоральную маркированность на временной оси развития истории.

Четвертый тип аттрактора, текстовый проксемный когнитивный аттрактор документальной прозы, представлен высокочастотными проксемами, поскольку Дж. Рид не только описывает события, но и детально указывает на место свершившихся событий. Также в названиях двух глав применены проксеммы: 5 глава “Plunging Ahead” (Погружаясь вперед) 10 глава “Moscow.” (Москва).

Пятый тип аттрактора, текстовый лингвокультурный когнитивный аттрактор документальной прозы, представлен различными революционно маркированными лингвокультурами, чьи смыслы «могут передаваться как отдельными словами и словосочетаниями» [Кучинская 2018: 87]. Прежде всего отметим, что название 8 главы “Counter-Revolution” (Контрреволюция) представляет собой лингвокультуру. Детальное исследование текста выявило высокую частотность лингвокультурем, часть из которых повторяются. Например, лингвокультура “Red Guard(s)” (красногвардеец / красногвардейцы) в совокупности в единственном и множественном числе употреблена 98 раз. Лингвокультура “the Red Arch” (красная арка) употреблена 5 раз. Синергичный текстовый когнитивный аттрактор “Red Petrograd” (красный Петроград), как сопряжение лингвокультурного аттрактора и проксемного аттрактора, употреблен 3 раза. Следует подчеркнуть значительное количество словосочетаний с колоративом “red” (красный), относящихся к тематическому текстовому когнитивному аттрактору документальной прозы, проксемному текстовому когнитивному аттрактору документальной прозы и, в большей степени, к идеологическому текстовому когнитивному аттрактору документальной прозы, в свете чего очевидно, что для структуры аттрактора значима «семантика цвета» [Бояркина, Попова, Шведова 2021: 61]. Тем не менее, текстовый колоративный когнитивный аттрактор, характерный для художественного текстового формата, не проявляет статус аттрактора в архитектонике документальной прозы.

Заключение

Рассмотрение свойства аттрактивности документальной прозы позволяет предложить следующую типологию текстовых когнитивных аттракторов:

- (1) текстовый тематический когнитивный аттрактор,
- (2) текстовый идеологический когнитивный аттрактор,
- (3) текстовый темпоральный когнитивный аттрактор,
- (4) текстовый проксемный когнитивный аттрактор,
- (5) текстовый лингвокультурный когнитивный аттрактор.

Исследование архитектоники документальной прозы на примере произведения Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» показывает тот факт, что в совокупности пять текстовых когнитивных аттракторов создают аттрактивную текстовую модель, которая идеологически маркирована вследствие преобладания в ней текстового идеологического когнитивного аттрактора документальной прозы.

Перспективы исследования видятся в дальнейшем детальном рассмотрении репрезентативного уровня каждого из пяти текстовых когнитивных аттракторов в иных произведениях документальной прозы.

Литература

1. Богачев Р.Е. Фактор структуры языка в анализе языковой картины мира // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3 (55). С. 70-74.
2. Бояркина А.А., Попова Л.Г., Шведова И.В. Символика синего / голубого цвета в английских и немецких публицистических текстах // Litera. 2021. № 10. С. 61-72. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36202
3. Бузина Е.И. Частотность темпоральных маркеров в архитектонике концептосферы романа Ш. Бронте “Jane Eyre” // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 115-119.

4. Бузина Е.И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2019. № 44. С. 174-178.
5. Галло Я., Алефиренко Н.Ф. Лингвистика текста: традиции и перспективы // *Филологический класс*. 2020. Т. 25. № 3. С. 23-38.
6. Голованова Е.И. Когнитивные механизмы компрессии оценочного смысла в художественном тексте // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 3 (52). С. 31-36.
7. Даниленко И.А. Когнитивные текстовые аттракторы как инструмент создания текстового мира (на материале романа Т.М. Кенелли "The Daughters of Mars") // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2021. № 4 (43). С. 48-57.
8. Даниленко И.А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6-13.
9. Жирова И. Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2020. Т. 6. № 3. С. 85-98.
10. Киосе М.И. «Удачная интерпретация» текстовой образности в современных когнитивных концепциях // *Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. М. А. Тарасова*. М.: Культурная революция, 2018. С. 290-315.
11. Коваленко Г.Ф. Когнитивный аттрактор как фактор, обуславливающий смысловое развитие текстового пространства стилистической конфергенции // *Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции*. 2018. С. 252-256.
12. Кучинская Е.А. Концептуальная оппозиция «свой-чужой» в военных публицистических текстах // *Квантитативная лингвистика*. 2018. Т. 5. С. 86-97.
13. Кучинская Е.А. Антропоцентрический фактор как параметр коммуникативного текста англоязычного военно-политического дискурса // *Военно-филологический журнал*. 2021. № 2. С. 33-42.
14. Кушнерук С.Л. «Мир дискурса» в аспекте когнитивного моделирования // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1 (34). С. 105-114.
15. Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Информационно-психологическая война в зарубежной медиакоммуникативистике: взгляд дискурсолога // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 7 (441). С. 97-105.
16. Кушнерук С.Л. Идеологема «Soviet Union» как концептуальная основа миромоделирования в журналистском нарративе о Челябинске // *Политическая лингвистика*. 2022. № 4 (94). С. 21-30.
17. Огнева Е.А. Темпоральная архитектура концептосферы художественного текста // *Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: коллективная научная монография; [под ред. А.Г. Бердниковой]*. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. С. 138-155.
18. Огнева Е.А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // *Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Вып VI. / отв. ред. Е.А. Огнева, И.Б. Акиншина*. Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 87-92.
19. Огнева Е.А. Алгоритм интерпретации архитектуры текстового когнитивного сценария в документальной прозе // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2022. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru
20. Озерова Е.Г., Лю Я. Лингвостилистика экономической лексики в публицистическом тексте // *Гуманитарные исследования*. 2021. № 4 (80). С. 88-91.

21. Попова Т.Г., Лоскутова С.В. Текст как коммуникативная единица языка // Фонетическая рапсодия 2021. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 2021. С. 84-89.
22. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
23. Харченко В.К. Малоизвестные приемы и методики исследования языкового материала. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2008. 128 с.
24. Alefirenko N.F., Chumak-Zhun I.I., Ozerova E.G., Stebunova K.K. Text and discourse: between Scylla and charibdis of cognitive linguopoetics // Journal of Language and Literature. 2015. Т. 6. № 2. P. 157-160.
25. Boldyrev N.N. The Interpretive Dominant in The Cognitive Theory of Language // Philological Readings: European Proceedings of Social and Behavioral Sciences / Pavlova A. Vol. 83. Grozny, 2020. P. 1-8.
26. Reed J. Ten Days that Shook the World. Project Gutenberg Literary Archive Foundation PMB 113 1739 University Ave. Oxford, MS 38655-4109.
27. Sedykh A.P., Bezrukova E.I., Krivchikova N.L., Kudryavtseva N.B., Naydenova M.V., Skokova T.N., Moisseeva S.A. Text Definitions of Classifying Type. Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Т. 7. № 5. С. 811-815.

References

1. Bogachev, R.E. Faktor struktury jazyka v analize jazykovej kartiny mira [Factor of lingual structure in the analysis of lingual worldview]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza*. 2008. # 3 (55). S. 70-74.
2. Bojarkina, A.A., Popova, L.G., Shvedova, I.V. Simvolika sinego / golubogo cveta v anglijskih i nemeckih publicisticheskikh tekstah [Symbolism of blue in English and German journalistic texts]. *Litera*. 2021. # 10. S. 61-72. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36202
3. Buzina, E.I. Chastotnost' temporal'nyh markerov v arhitektonike konceptosfery romana Sh. Bronte "Jane Eyre" [The frequency of temporal markers in the conceptual domain's architectonics in S. Bronte's "Jane Eyre"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija*. 2017. # 4. S. 115-119.
4. Buzina, E.I. Determinacija leksicheskikh tajmerov v temporal'noj strukture hudozhestvennogo teksta [Determination of lexical timers in the temporal structure of a literary text]. *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. 2019. # 44. S. 174-178.
5. Gallo, Ja., Alefirenko, N.F. Lingvistika teksta: tradicii i perspektivy [Text linguistics: tradition]. *Filologicheskij klass*. 2020. Т. 25. # 3. S. 23-38.
6. Golovanova, E.I. Kognitivnye mehanizmy kompressii ocenochного smysla v hudozhestvennom tekste [Cognitive Mechanisms of Evaluative Meaning Compression in a Literary Text]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2017. # 3 (52). S. 31-36.
7. Danilenko, I.A. Kognitivnye tekstovye attraktory kak instrument sozdaniya tekstovogo mira (na materiale romana T. M. Kenelli "The Daughters of Mars") [Cognitive text attractors as a way for text world creating in T.M. Kenelli's "The Daughters of Mars")] // *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja komunikacija*. 2021. # 4 (43). S. 48-57.
8. Danilenko, I.A. Rol' tekstovyh kognitivnyh attraktorov pri postroenii variativnyh tekstovyh mirov [The Role of Text Cognitive Attractors in the Construction of Variable Text Worlds]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika*. 2022. # 1. S. 6-13.
9. Zhirona, I. G. Struktura vyskazyvaniya i sistema jazykovykh kommunikativnyh sredstv: na materiale sovremennyh hudozhestvennyh proizvedenij [The structure of the utterance and the system of linguistic communication means in contemporary literary text]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki*. 2020. Т. 6. # 3. S. 85-98.

10. Kiose, M.I. «Udachnaja interpretacija» tekstovoj obraznosti v sovremennyh kognitivnyh koncepcijah ["Successful Interpretation" of Text Imagery in Contemporary Cognitive Theories]. *Obrazy jazyka i zigzagi diskursa: sbornik nauchnyh statej k 70-letiju V. Z. Dem'jankova / otv. red. M. A. Tarasova. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2018. S. 290-315.*
11. Kovalenko, G.F. Kognitivnyj attraktor kak faktor, obuslovlivajushhij smyslovoe razvitie tekstovogo prostranstva stilisticheskoy konvergencii [Cognitive Attractor as a Semantic Development' Factor of the Text Space in Stylistic Convergence]. *Innovacionnye tehnologii i podhody v mezhkul'turnoj kommunikacii, lingvistike i lingvodidaktike. Sbornik nauchnyh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2018. S. 252-256.*
12. Kuchinskaja, E.A. Konceptual'naja oppozicija «svoj-chuzhoj» v voennyh publicisticheskikh tekstah [Conceptual opposition "friend or foe" in military journalistic texts]. *Kvantitativnaja lingvistika. 2018. T. 5. S. 86-97.*
13. Kuchinskaja, E.A. Antropocentricheskij faktor kak parametr komunikativnogo teksta anglojazychnogo voenno-politicheskogo diskursa [Anthropocentric factor as a parameter of the communicative text of the English-language military-political discourse]. *Voennofilologicheskij zhurnal. 2021. # 2. S. 33-42.*
14. Kushneruk, S.L. «Mir diskursa» v aspekte kognitivnogo modelirovanija ["The Discourse World" in the Aspect of Cognitive Modeling]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2013. # 1 (34). S. 105-114.*
15. Kushneruk, S.L., Kurochkina M.A. Informacionno-psihologicheskaja vojna v zarubezhnoj mediakommunikativistike: vzgljad diskursologa [Information-Psychological War in Foreign Media Communication Studies: a Discursologist's View]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. # 7 (441). S. 97-105.*
16. Kushneruk, S.L. Ideologema «Soviet Union» kak konceptual'naja osnova miromodelirovanija v zhurnalistskom narrative o Cheljabinske [Ideologeme "Soviet Union" as a conceptual basis for world modeling in a journalistic narrative about Chelyabinsk]. *Politicheskaja lingvistika. 2022. # 4 (94). S. 21-30.*
17. Ogneva, E.A. Temporal'naja arhitektonika konceptosfery hudozhestvennogo teksta [Temporal architectonics of the conceptual domain in a literary text] *Prioritetnye napravlenija lingvisticheskikh issledovanij: obshheteoreticheskie, kognitivnye, komunikativno-pragmaticheskie i funkcional'no-grammaticheskie aspekty jazyka: kollektivnaja nauchnaja monografija; [pod red. A.G. Berdnikovej]. Novosibirsk: Izd. «SibAK», 2013. S. 138-155.*
18. Ogneva, E.A. koncepcija tekstovoj kognitivnoj atrakcii [The Theory of Textual Cognitive Attraction]. *Lingvisticheskie gorizonty: mezhdunar. sb. nauch. tr. Vyp VI. / otv. red. E.A. Ogneva, I.B. Akinshina. Belgorod: OOO «Jepicentr», 2018. S. 87-92.*
19. Ogneva, E.A. Algoritm interpretacii arhitektoniki tekstovogo kognitivnogo scenarija v dokumental'noj proze [Interpreting algorithm for the architectonics of a textual cognitive script in non-fiction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). 2022. # 3. URL: www.evestnik-mgou.ru*
20. Ozerova, E.G., Lju, Ja. Lingvostilistika jekonomicheskoy leksiki v publicisticheskom tekste [Linguistics of economic vocabulary in publicistic text]. *Gumanitarnye issledovanija. 2021. № 4 (80). S. 88-91.*
21. Popova, T.G., Loskutova, S.V. Tekst kak komunikativnaja edinica jazyka [The Text as a Communicate Lingual Unit]. *Foneticheskaja rapsodija 2021. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Ivanovo, 2021. S. 84-89.*
22. Prjuvo, Zh., Sedyh, A.P., Buzinova, L.M. Tekst, kontekst, intertekst: sintez smysloporozhdenija [Text, Context, Intertext: synthesis of meaning]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2018. T. 4. # 3. S. 21-35.*
23. Harchenko, V.K. *Maloizvestnye priemy i metodiki issledovanija jazykovogo materiala* [Little-known techniques and methods for language material's studying]. M.: Izdatel'stvo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, 2008. 128s.

24. Alefirenko, N.F., Chumak-Zhun, I.I., Ozerov, a E.G., Stebunova, K.K. Text and discourse: between Scylla and charibdis of cognitive linguopoetics. *Journal of Language and Literature*. 2015. T. 6. # 2. P. 157-160.

25. Boldyrev, N.N. The Interpretive Dominant in The Cognitive Theory of Language. *Philological Readings: European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. Vol. 83. Grozny, 2020. P. 1-8.

26. Reed, J. *Ten Days that Shook the World*. Project Gutenberg Literary Archive Foundation PMB 113 1739 University Ave. Oxford, MS 38655-4109.

27. Sedykh, A.P., Bezrukova, E.I., Krivchikova, N.L., Kudryavtseva, N.B., Naydenova, M.V., Skokova, T.N., Moisseeva, S.A. Text Definitions of Classifying Type. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2019. T. 7. # 5. C. 811-815.

УДК 82

**АЛЕХО КАРПЕНТЬЕР: ОТ ПОИСКОВ АМЕРИКАНСКОЙ
«ЧУДЕСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ» К ВСЕМИРНОМУ «КОНЦЕРТУ БАРОККО»**

Пешков Дмитрий Игоревич

старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

Московский Международный Университет

Москва, Россия / *Demetrioalso1982@gmail.com*

Аннотация

Кубинский писатель Алеко Карпентьер вошел в историю латиноамериканской литературы XX века не только как крупнейший писатель, но и как литературовед, создавший две значимые культурологические концепции, направленные на осмысление латиноамериканской этнокультурной сущности в контексте мировой межкультурной коммуникации. Всестороннее изучение Латинской Америки во всем ее многообразии, а также долгое пребывание в Европе и осознание глубокого духовного кризиса европейской цивилизации, способствовали появлению теории «чудесной реальности», которая рассматривала мир Латинской Америки, как мир принципиально иной по сравнению с западной цивилизацией и несущий в себе невероятные для восприятия человека западного мира феномены. Вторая теория – «теория барочности» во многом дополняла первую. Апеллируя к барочной эстетике и трактуя ее весьма широко Карпентьер создал культурологическую основу для осмысления латиноамериканской этнокультурной сущности и пытался встроить ее в парадигму мировой культуры. Теоретические концепции Карпентьера нашли свое отражение в его художественных произведениях и сыграли важную роль литературоведение и культурологии Латинской Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка, чудесная реальность, барочность, теория, концепция, межкультурная коммуникация.

**ALEJO CARPENTIER: FROM THE SEARCH FOR THE AMERICAN
«MARVELLOUS REALITY» TO THE WORLD «BAROQUE CONCERT»**

Peshkov Dmitry

Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Intercultural Communication

Moscow International University

Moscow, Russia / *Demetrioalso1982@gmail.com*

Abstract

Cuban writer Alejo Carpentier entered the history of Latin American literature of the twentieth century not only as a major writer, but also as a literary critic who created two significant cultural concepts aimed at understanding the Latin American ethno-cultural essence in the context of world intercultural communication. A comprehensive study of Latin America in all its diversity, as well as a long stay in Europe and awareness of the deep spiritual crisis of European civilization, contributed to the emergence of the theory of "marvellous reality", which

considered the world of Latin America as a world fundamentally different from Western civilization and carrying incredible phenomena for human perception of the Western world. The second theory, the "baroque theory", complemented the first one in many ways. Appealing to Baroque aesthetics and interpreting it very broadly, Carpentier created a culturological basis for understanding the Latin American ethno-cultural essence and tried to integrate it into the paradigm of world culture. Carpentier's theoretical concepts were reflected in his artistic works and played an important role in literary studies and cultural studies of Latin America.

Keywords: Latin America, marvellous reality, baroque, theory, concept, intercultural communication.

Латиноамериканская литература, будучи в XIX веке, в общем и целом, маловыразительной и подражательной по отношению к литературе европейской, в веке двадцатом превратилась в культурный феномен мирового масштаба. Мигель Анхель Астуриас, Мигель Отеро Сильва, Пабло Неруда, Николас Гилен, Сиро Алегрия, Хорхе Луис Борхес, Алехо Карпентьер, Карлос Фуэнтес, Октавио Пас, Габриэль Гарсиа Маркес, Марио Варгас Льюса и многие другие писатели стали настоящими властителями дум нескольких поколений читателей разных стран и континентов. При этом, такого понятия как литературная критика или литературоведение в Латинской Америке практически не существовало и поэтому столь яркое и мощное явление не было в полной мере осмыслено теоретически. Латиноамериканским писателям зачастую самим приходилось выступать в качестве литературоведов или культурологов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что автором первых систематизированных культурологических концепций Латинской Америки был писатель Алехо Карпентьер. Он поставил себе задачу теоретически обосновать специфичность и особое место в мире молодой и малоизученной латиноамериканской цивилизации. То есть ему предстояло найти, а где-то и создать корневую систему, базу на которой выросла литература Латинской Америки и ответить на вопрос, в чем уникальность и своеобразие этого мира.

Кубинский писатель Алехо Карпентьер, по праву, относится к наиболее значительным представителям того направления латиноамериканской литературы XX века, которое в советском литературоведении принято обозначать, как «новый латиноамериканский роман», а в западном – с помощью термина «бум» ("boom"). Особая роль Карпентьера в истории кубинской и латиноамериканской литературы периода ее невиданного подъема, была обусловлена его стремлением найти и осмыслить исторические и культурологические основы мира Латинской Америки, чье культурное пространство на тот момент было почти не изучено и не систематизировано.

Можно сказать, что практически все зрелое творчество Карпентьера было проникнуто стремлением найти ключи к познанию этнокультурной сущности латиноамериканского мира и его уникальной роли в мировой цивилизации. Творческий путь кубинского писателя был вполне типичными для латиноамериканского интеллектуала его поколения и был связан, как с Латинской Америкой, так и с Европой. В случае Карпентьера, говоря о его культурологических концепциях, нельзя не коснуться его биографии, поскольку в ней можно обнаружить истоки его идей и умозаключений. Родившись в 1904 году на Кубе в семье француза и русской, он, несмотря на желание отца видеть его архитектором, с молодых лет увлекся литературой и погрузился в литературный процесс островного государства. Этот период еще нельзя назвать базовым этапом становления Карпентьера-писателя и теоретика, но определенные события юности сыграли несомненную роль в формировании его системы представлений о Латинской Америке, как об особом культурном феномене, нуждающимся в систематизации, изучении и осмыслении с самых разных ракурсов. Даже увлечение французским символизмом и декадентской эстетикой стало для него возможностью позднее четко для себя отделить истинно значимые культурные концепты от наносной и модной мишуры. В автобиографии, говоря о периоде своей юности Карпентьер пишет: «Мы жили в

окружении увядающего эстетства, страстно желали быть похожими на «проклятых поэтов», с которыми познакомились через плохо прочитанную французскую литературу конца века, мечтали подражать Верлену и, чтобы пришло вдохновение, пили полынную настойку, ибо интеллигентам той поры полагалось пить эту настойку, «зеленую фею», волшебный напиток» [Карпентьер 1994, 20].

Тем не менее, несмотря на юношеское преклонение перед европейской культурой и нескрываемое желание уехать с Кубы в Париж или Мадрид, именно тогда Карпентьер знакомится с такими важными как для латиноамериканской эстетики, так и для формирования его будущего мировоззрения фигурами, такими, как крупнейший исследователь афро-кубинской культуры Фернандо Ортис, ученый-культуролог Хуан Маринельо, революционер-интеллектуал Хулио Антонио Мелья, а также с мексиканскими художниками-новаторами Диего Риверой и Хосе Клементе Ороско. Поэтому, несмотря на увлечение европейским авангардом, Карпентьер, к моменту своего отъезда с Кубы, уже приобрел определенный багаж представлений об этнических и эстетических особенностях Латинской Америки и в первую очередь самой Кубы. Именно впечатления того периода жизни нашли свое отражение в романе «Экуэ Ямба О!». Этот роман о жизни афрокубинцев был написан в жанре костюмбризма и, по мнению самого Карпентьера «грешил всеми недостатками натурализма того времени» [Карпентьер 1994, 27]. В творчестве автора он большого значения не сыграл, однако, несомненно, указывал на интерес молодого писателя к одному из базовых аспектов кубинской этнокультурной сущности. Много позже, уже будучи известным писателем Карпентьер в своем эссе «Проблематика современного латиноамериканского романа» назовет поверхностным и неглубоким тот нативистский метод, на котором базировался его первый роман. «Но я утверждаю, что натуралистический, нативистский метод, отражающий типичные местные особенности, которыми вот уже более тридцати лет пользуются латиноамериканские романисты, дал нам красочную региональную литературу, которая лишь в редких случаях сумела проникнуть глубоко, поистине в потаенные глубины воображаемого» [Писатели Латинской Америки о литературе, 1982, 31].

С 1928 по 1939 гг. Карпентьер жил в Париже, где, сблизившись с группой сюрреалистов, лидером которой был Андре Бретон, и занимался в основном эссеистикой. Его эссе, как правило, затрагивали актуальные проблемы литературы и культуры в целом, но самое интересное, заключалось в том, что пребывание в Париже сформировало у Карпентьера осознанный интерес к культуре Латинской Америки. То есть, в эмиграции с молодым кубинским писателем произошел интересный, но весьма типичный для латиноамериканского автора первой половины XX века парадокс: он стремился уехать из Америки в Европу, в потом именно там, в Европе смог ощутить себя в полной мере латиноамериканцем. Проникнув в Париже эстетикой сюрреализма и близко познакомившись с Бретоном, Луи Арагоном, Полем Элюаром, Карпентьер довольно быстро ощутил его искусственность и надуманность. И противовес ему он увидел в еще почти непознанном в культурном отношении мире Латинской Америки. «В то время мне было легко писать в манере сюрреалистов. Но странное дело – я вдруг заколебался, я спросил себя: «Что я могу добавить к сюрреализму, если лучшее в нем уже создано? Подражать, работать в русле сюрреализма, когда он уже созрел?» И внезапно, словно озарение, у меня родилась мысль об Америке. О той Америке, которую мне не удалось узнать в школьные годы, о которой я так мало читал, и я понял, что без нее не смогу выполнить задуманное. <...>. Я сказал себе: «Есть предмет, который я должен изучить, - полно и досконально изучить Америку», - писал на склоне лет кубинский писатель в автобиографии [Карпентьер 1994, 27].

Увлечение сюрреализмом, эстетикой, которая строилась на создании некоего чуда в результате совмещения сна и реальности, сыграло важную роль в становлении Карпентьера, как писателя и культуролога. Он явственно осознал, в каком глубоком кризисе находится западная культура и, что мастера сюрреализма в своих поисках

сверхъестественного, искали из него выход. Именно погрузившись в мир кризисного сознания Европы между двумя мировыми войнами, Карпентьер ощутил себя по-настоящему американцем, то есть человеком, не только погруженным в культурный мир божественного Парижа, но и имеющего иную цивилизационную основу для творчества – американскую. В то же самое время кубинский автор, получивший образование европейского типа и находящийся в мире европейского искусства естественно не переставал быть частью и европейской культурной традиции. Таким образом, его интерес к Америке, в первую очередь происходил из принадлежности к европейской культуре и осознания ее глубокого кризиса. Жизнь в Европе парадоксальным образом дала Карпентьеру ключи к лучшему пониманию этнокультурных основ Америки. Именно в Париже он познакомился с целым рядом крупнейших представителей латиноамериканской культуры, в частности с крупным бразильским композитором Эйтором Вила-Лобосом, и получил доступ к материалам библиотек и музеев, посвященным истории и культуре Нового Света. Можно с уверенностью сказать, что его культурологическая концепция, связанная с чудесной реальностью Латинской Америки, зародилась у Карпентьера именно во время его жизни в Европе. Позже, во время своих путешествий по Гаити, Мексике и Венесуэле он нашел практическое подкрепление своим идеям. Размышления 30-х и 40-х годов вылились в появление концепции «чудесной реальности», пожалуй, первой структурированной культурологической концепции Латинской Америки.

Основной тезисы данной концепции были сформулированы в прологе к первому крупному роману Карпентьера – «Царство Земное», который увидел свет в 1949 году. Тот факт, что автор основные постулаты своей теории в виде культурологического эссе поместил в предисловие к художественному произведению вовсе не случаен, поскольку для Карпентьера художественные произведения всегда являлись иллюстрацией его теоретических исканий и поэтому, наследие кубинского писателя лишь весьма условно делится на художественную и теоретическую составляющие. Можно сказать, что, вообще, все творчество Карпентьера – это, в первую очередь, попытка осмыслить феномен Латинской Америки с точки зрения ее этнического, культурного и исторического своеобразия и вписать этот феномен в контекст мировой цивилизации. Оксюморон, явно ощущаемый в названии концепции «чудесная реальность» (по-испански “lo real maravilloso”) неслучаен, поскольку призван передать противоречивость как одну из важнейших характеристик латиноамериканского мира.

Само понятие «чудесный» используется Карпентьером как синоним к словам фантастический, сверхъестественный, невероятный, но вовсе не в значении «прекрасный», поскольку латиноамериканская реальность для человека западной цивилизации поразительна, но, далеко не всегда это эффект имеет позитивный характер. То есть, что-то сверхъестественное может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Главное же качество этой реальности является ее поразительный, невероятный характер, не укладывающийся в картезианские европейские представления о мире и цивилизации. Ни в последнюю очередь название «чудесная реальность» имело полемический характер. Карпентьер намеренно противопоставлял естественное и настоящее чудо Латинской Америки надуманному «чуду» сюрреализма. Известный латиноамериканист В. В. Земсков писал по этому поводу: «Выдуманному «чуду» сюрреализма, как и европейскому «магическому реализму», связанному своим происхождением с немецкой пост-экспрессионистской живописью, Карпентьер противопоставляет «чудесную реальность» Латинской Америки, где, как он это видел у себя на Кубе, и на Гаити, и в Венесуэле, «чудо» порождается на каждом шагу мифологизированном сознанием народа. Можно сказать, что Карпентьер обобщил и обосновал уже давно наметившуюся в искусстве Латинской Америки тенденцию «прорыва» мифологически-фантастической стихии в сферу профессионального искусства» [История Литератур Латинской Америки. Очерки творчества писателей XX века 2005, 205].

Карпентьер стремился обнаружить «чудесную реальность» в самых разных аспектах латиноамериканской действительности. В истории континента, замешенной на невиданных нигде более метисации, синкретизме и цивилизационном синтезе, в природе,

которая мощью, непокорностью, даже некоторой избыточностью словно противопоставлена умеренной и окультуренной человеком природе Европы, в ином представлении о времени, что нашло отражение в его втором крупном романе «Потерянные следы» (1953), где главный герой, совершая путешествие по вымышленной латиноамериканской стране, погружается в разные эпохи мировой истории, которые в Европе просто не могли бы существовать одновременно.

Еще одной важнейшей характеристикой мира Америки по Карпентьеру – является его неопознанность, что связано с одной стороны с его относительной молодостью (оппозиция Новый Свет – Старый Свет всегда была чрезвычайно значимой для кубинского писателя), а с другой – с отсутствием систематизированного подхода к его истории и культуре. Как было сказано выше, до Карпентьера в Латинской Америке не было культурологических концепций континентального масштаба. Поэтому и сам автор, автор-латиноамериканец, как себя в первую очередь позиционировал Карпентьер, неизбежно сталкивался с задачей дать определения и даже названия феноменам и явлениям латиноамериканской реальности, «...то есть осуществить труд, подобный труду Адама, давшего названия вещам» [Писатели Латинской Америки о литературе 1982, 37], – писал Карпентьер в статье «Проблематика современного латиноамериканского романа». Такая специфическая роль именно латиноамериканского писателя, как первооткрывателя собственного мира была зафиксирована известным отечественным литературоведом А.Ф.Кофманом, как «адамизм», феномен, по мнению, исследователя являвшийся константой латиноамериканского сознания, которой проникнуто творчество практически всех крупных латиноамериканских авторов периода расцвета нового латиноамериканского романа.

Идеи относительно латиноамериканской чудесной реальности Карпентьер развивал всю оставшуюся жизнь, и они нашли свое отражения, как в теоретических работах (особенно важны с концептуальной точки зрения сборники эссе «Сближения и различия» (1966) и «Смысл существования» (1974) так и в художественных произведениях (в первую очередь в трех первых романах «Царство Земное» (1949), «Потерянные следы» (1953) и «Век Просвещения» (1966), в которых автор осмыслял разные этнокультурные особенности мира Латинской Америки).

Вторая значительная культурологическая концепция Карпентьера – «теория барочности» была неразрывно связана с первой и даже стала, по сути, ее развитием, поскольку Алехо Карпентьер задался целью вписать «чудесную реальность» Латинской Америки в общемировой культурный контекст. Карпентьер не был первым автором, который стремился найти наиболее подходящую эстетико-стилистическую модель с помощью, которой можно было бы объяснить суть этнокультурной специфики Нового Света. Крупный доминиканский культуролог Педро Энрикес Уренья в 40-е годы XX века, будучи уже признанным авторитетом в области гуманитарных наук, в своих трудах «Литературные течения в Испанской Америке» и «История культуры Испанской Америки» размышляя об истории латиноамериканской культуры, обратил внимание на ту особую роль, что сыграла в ней эстетика барокко. Однако, первым автором, сумевшим посмотреть на исторические, художественные и этнокультурные особенности Америки через призму эстетики барокко был соотечественник Карпентьера поэт, писатель и эссеист Хосе Лесама Лима. В своем эссе «Барокко, воплощенное любопытство» (это не самый точный перевод испанского названия “La expresión americana”) (1957) он рассмотрел эстетику барокко, как способ латиноамериканского самопознания, как возможность построения принципиально иной мировоззренческой парадигмы по сравнению с европейской культурной традицией. Лесама Лима также вывел на культурную авансцену символический образ – «Сеньора эпохи барокко», ставший воплощением латиноамериканской жизненной философии.

Наверное, во всей латиноамериканской литературе XX века трудно найти менее похожих друг на друга писателей, чем Лесама Лима и Карпентьер. Первый – человек

экспромта, яркого образа, стилистически усложненных текстов, второй - гуманитарий академического склада, ученый-энциклопедист, склонный к анализу и систематизации. Тем не менее, их обоих помимо одной страны объединяет особый взгляд на барокко, как на фундаментальную для Латинской Америки эстетику. Интерес латиноамериканских авторов именно к эстетике барокко имеет целый ряд объяснений, первое из которых лежит на поверхности: хотя завоевание Америки пришлось на XVI век, культурное освоение Нового Света Испанией шло в веке XVII, то уже в эпоху господства эстетики барокко. Барокко стало культурно-эстетической основой жизни испанских колоний в Америке, и приобрело там совершенно не свойственные этой эстетике функции, в частности и те, что в Европе выполняли классицизм и просвещение. Однако, роль барокко, как исторического художественного стиля, для концепции Карпентьера все же не так важна. Сам автор в своей лекции «Барочность и чудесная реальность», прочитанной в Каракасе в 1975 году, объяснял, что использовал понятие даже не «барокко», а «барочное» или «барочность» (“lo barroco”), не как название художественного стиля, а как эстетическую константу, перманентно противопоставленную константе академизма (в этом подходе к барокко он следовал идеям каталонского философа и культуролога Эухенио Д’Орса). Именно при широкой интерпретации понятия барочности в нем обнаруживаются эстетические и этнокультурные феномены релевантные для понимания мира Латинской Америки. «Так в плане теоретическом понятие барочности становится плодотворной формулой историко-культурного своеобразия Латинской Америки, а в плане творческом – стилевым модусом художественного воссоздания, предполагающим особую насыщенность, густоту и напряженность изобразительности, словесную и образную избыточность, в которой сливаются и взаимодействуют многочисленные и неожиданные элементы и формы» [История Литератур Латинской Америки. Очерки творчества писателей XX века 2005, 210], - объясняет В.В.Земсков причины, по которым Карпентьер в поисках теоретической культурологической базы для систематизации своих взглядов на Америку, обратился именно к барокко или, точнее сказать к барочности. Иными словами, базовые характеристики эстетики барокко (контрастность, напряженность, динамичность образов, совмещение реальности с иллюзией) подошли к феноменам латиноамериканской реальности лучше, чем характеристики любого другого эстетического направления.

Это дает основание некоторым исследователям, в частности Ю.Н. Гирину, считать, что «концепция барочности» Карпентьера названа так исключительно в силу некоторого внешнего сходства между феноменами Америки, формирующими «чудесную реальность» и не слишком конкретными характеристиками стиля барокко. Такая точка зрения выглядит вполне аргументированной и ключевую роль для понимания того, что имел в виду Карпентьер под понятием «барочность» играет трактовка самого понятия, которой он пользовался. И в этом плане кубинский писатель весьма конкретен: «...это дух, а не исторический стиль» [Alejo Carpentier “Razón de ser” 2007, 54]. Приводя целый ряд примеров из разных аспектов латиноамериканской реальности и истории (архитектура и литература колониального периода, культуры доколумбовой эпохи, хроники конкисты и культурные явления уже XX века) Карпентьер приходит к выводу, что в отличие от остального мира, в котором барочная константа проявлялась время от времени, Латинская Америка была барочной всегда. «Всё, что относится к американской космогонии, все, что есть Америка – находится в рамках барочности» [Alejo Carpentier “Razón de ser” 2007,54].

Но наиболее ярко «теория барочности» Карпентьера нашла свое отражение даже не в теоретических статьях, эссе, лекциях, выступлениях на телевидение, а в художественном произведении – повести «Концерт барокко» (1974). В ней, используя образы с предельной символической нагрузкой, богатый метафорами и метонимиями язык, автор создает эффект барочной фантазмагии, наполненной глубоким культурологическим смыслом. Представители американской «чудесной реальности» Хозяин (образ которого символизирует Мексику) и его слуга афрокубинец Филомено (символизирует Кубу) отправляются в путешествие в Европу и в Венеции, они принимают участие в карнавале и знакомятся с тремя

композиторами эпохи барокко (Скарлатти, Вивальди и Гендель). Повесть завершается символическим всемирным концертом (тема музыки у Карпентьера, видного музыковеда, всегда несла большую смысловую нагрузку), в котором принимает участие и играющий на трубе Филомено, образ которого в это момент начинает напоминать Луи Армстронга. Таким образом, в одной точке сходятся все теоретические концепции кубинского писателя. Америка демонстрирует свою особенность и «инаковость», но при этом под знаком эстетики барокко ярко и удачно вписывается в мировой концерт, который является грандиозным символом межкультурной коммуникации.

Итак, культурологические концепции Алехо Карпентьера сыграли важную роль в развитии гуманитарной науки Латинской Америке XX века. Они создали теоретическую парадигму для латиноамериканской литературы, которая несмотря на наличие выдающихся авторов, по сути, не имела собственной литературоведческой школы. Также велико их значение для культурологии и искусствоведения. Теория «Чудесной реальности» Карпентьера стала осмыслением и обоснованием того важнейшего феномена в латиноамериканской литературе, которые в обиходе не вполне корректно называют «магический реализм». «Концепция барочности» же стала одной из отправных точек будущих многочисленных работ латиноамериканских авторов, размышлявших о метаморфозах барокко и необарокко в Новом Свете. Без концепции Карпентьера вряд ли было бы возможно появление таких фигур, как Северо Сардуй и Боливар Эчеверрия.

Литература

1. Карпентьер А. Собрание сочинений в четырех томах. Том первый. М.: Художественная литература 1994.
2. Писатели Латинской Америки о литературе. М.: Радуга 1982.
3. История литератур Латинской Америки. М.: ИМЛИ РАН 2004.
4. История литератур Латинской Америки. Очерки творчества писателей. М.: ИМЛИ РАН 2005.
5. Iberica Americans. Тип творческой личности в латиноамериканской культуре. М.: Наследие 1997.
6. Iberica Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX- начала XXI веков. М.: ИМЛИ имени А.М.Горького 2009.
7. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие 1997.
8. Alejo Carpentier. Razón de ser. La Habana.: Editorial Letras Cubanas 2007.
9. Alejo Carpentier. La cultura en Cuba y en el mundo.: Editorial Letras Cubanas 2003.

References

1. Carpentier A. Sobranie sochineniy v chetyreh tomah. Tom perviy. M.: Khudozhestvennaya literatura 1994.
2. Pisateli Latinskoy Ameriki o literature. M.: Raduga 1982.
3. Istoria literatura Latinskoy Ameriki. M.: IMLI RAN 2004.
4. Istoria literatura Latinskoy Ameriki. Ocherki tvorchestva pisateley. M.: IMLI RAN 2005.
5. Iberica Americans. Tip tvorcheskoy lichnosti v latinoamerikanskoy kulture. M.: Nasledie 1997.
6. Iberica Americans. Latinoamerikanskaya kultura v diskussiyah konza XX – nachala XXI vekov. M.: IMLI imeni A.M.Gorkogo. 2009.
7. Kofman A.F. Latinoamerikanskiy hudozhestvenniy obraz mira. M.: Nasledie 1997.
8. Alejo Carpentier. Razón de ser. La Habana.: Editorial Letras Cubanas 2007.
9. Alejo Carpentier. La cultura en Cuba y en el mundo.: Editorial Letras Cubanas 2003.

УДК 821.133.1

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ МАРСЕЛЯ ПРУСТА**Седых Аркадий Петрович**

доктор филологических наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Московский международный университет

Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова

Белгород, Россия / *sedykh@bsu.edu.ru***Аннотация**

Статья посвящена краткому обзору жизни и творчества великого француза – Марселя Пруста. Представлены точки зрения различных писателей на роль и значение романа «В поисках утраченного времени». Описываются элементы словотворческого потенциала авторских высказываний и философии Марселя Пруста, востребованной на этапе новейшей истории французского языка и культуры. Предлагаются пути формирования гармонично развитой личности через текстовое пространство прустовских произведений.

Ключевые слова: французский литературный дискурс, семиотика языкового возрождения, лингвокультурная активность, когнитивно-коммуникативный пейзаж романа.

ON THE CENTENNIARY OF THE DEATH OF MARCEL PROUST**Arkadiy SEDYKH**

Doctor of philological sciences, professor

Belgorod State National Research University

Moscow International University

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

Belgorod, Russia / *sedykh@bsu.edu.ru***Abstract**

The article is devoted to a brief review of the life and work of the great Frenchman - Marcel Proust. The points of view of various writers on the role and meaning of the novel "In Search of Lost Time" are presented. The elements of the word-creative potential of the author's statements and the philosophy of Marcel Proust, which are in demand at the stage of the modern history of the French language and culture, are described. Ways of forming a harmoniously developed personality through the textual space of Proust's works are proposed.

Keywords: French literary discourse, semiotics of language revival, linguocultural activity, cognitive and communicative landscape of the novel.

Валантен Жорж Эжен Марсель Пруст (Bernard d'Algovvres) ушёл из жизни 18 ноября 1922 года в Париже.

Выходец из богатой и культурной семьи, еврей по матери, католик по отцу (профессор медицины в Париже), Марсель Пруст – ребенок со слабым здоровьем, всю жизнь страдающий от серьезных респираторных заболеваний, вызванных астмой. Очень молодым он часто посещал аристократические салоны, где встречался с художниками и писателями, что принесло ему репутацию светского дилетанта. Воспользовавшись своим состоянием, он остался без работы и в 1895 году начал роман, который остался в виде фрагментов (опубликован в 1952 году, посмертно, под названием «Жан Сантей»). В 1900 году он отказался от своего проекта и отправился в Венецию и Падую, чтобы открыть для себя произведения искусства, следуя по стопам Джона Раскина, о котором он опубликовал статьи и чьи две книги он перевел: «Амьенская Библия» и «Сезам и лилии».

Именно в 1907 году Марсель Пруст начал писать свой великий труд «В поисках утраченного времени», семь томов которого были опубликованы между 1913 (*Du Côté de chez Swann*) и 1927 годом, то есть частично после его смерти; второй том, «*A l'ombre des*

jeunes filles en fleurs», получил Гонкуровскую премию в 1919 году. Марсель Пруст умер истощенным в 1922 году от плохо вылеченного бронхита: он похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже в сопровождении толпы почитателей, приветствовавшей выдающегося писателя, которого последующие поколения поставили на высший уровень, сделав его «литературным мифом» [2].

Жан-Ив Тадье, почетный профессор Сорбонны (Париж IV), директор коллекций Gallimard editions и вице-президент Общества друзей Марселя Пруста.

Учёный – автор многочисленных справочных текстов о жизни и творчестве Марселя Пруста. Его биография Пруста была переиздана в фолио (Gallimard), а его книга «Пруст, досье» только что опубликована в исправленной и обновленной версии в Pocket. Жан-Ив Тадье подписывает предисловие к новому появлению в l'Herne долгое время неизвестного произведения «Друзья Марселя Пруста» Жоржа Каттауи.

Вот несколько слов, вытекающих из портрета писателя, составленного Жаном-Ивом Тадье: «Для меня это две совершенно разные вещи, к тому же он очень трогательный человек, в некотором роде героический и создатель блестящего произведения, которое в некотором смысле совсем на него не похоже. Трогательный человек, потому что у него были всевозможные недостатки, самым большим из которых была болезнь, астма, которая вовсе не психологическая болезнь, а органическое заболевание» [6].

Астму в то время не лечили и лечили очень плохо, часто средствами, оказывавшими противоположный эффект и способствовавшими сокращению жизни больных. Итак, Пруст прожил всего 51 год, как и Бальзак. Общее между двумя писателями: чрезмерное потребление кофе: «Прусту случилось сказать, что он выпивал пятнадцать чашек кофе в течение дня, так как у него были часы сна и бодрствования, которые были противоположны человечеству в целом. Он писал в ночь, а днем спал, поэтому для поддержания этого ритма принимал стимуляторы и наркотики, одинаково вредные в обоих случаях» [4].

Писатель Филипп Соллерс.

В 1913 году был опубликован *Du côté de chez Swann*, первый том книги «В поисках утраченного времени». В 1963 году RTF отметила пятидесятилетнюю годовщину этой публикации, опросив авторов об уроках, которые они извлекли из творчества Пруста. В этом восьмом и последнем эпизоде этой серии писателю Филиппу Соллерсу был задан вопрос об уроке, который следует извлечь из Пруста.

«Внутренний опыт», важнейший урок Пруста

Урок Пруста, по словам Филиппа Соллерса, представляет собой «чрезвычайно обширную область». Столкнувшись с этой «грандиозной работой», мы должны ограничиться несколькими сильными сторонами. Чтобы извлечь фундаментальный урок, он оставляет в стороне романтический аспект и придерживается более секретных рамок, для которых он ссылается на Жоржа Батая и его концепцию «внутреннего опыта». Именно через это творчество Пруста смотрит в будущее и открывает будущее всей литературы.

Пруст, писатель как «переводчик» мира

Урок, который можно извлечь сегодня из этой тотальной литературной приверженности Пруста, — это «теория книги, позиция по отношению к языку и миру», которая является «абсолютно современной». У Пруста писатель должен поставить себя в состояние чтения по отношению к миру, в положение «расшифровки» и «перевода». Наконец, согласно Соллерсу со времен Пруста и его исследований, современные писатели пишут в настоящем как бы в ответ на заново открытое Прустом время [5].

На обыденном уровне Марселя Пруста часто воспринимают через знаменитый «Опросник Пруста». Опросник Пруста – это личностный тест, прославившийся ответами, которые дал на него сам Марсель Пруст. Впервые он отвечал на него, проходя добровольную военную службу в Орлеане. Приведём его ответы на знаменитую анкету:

Ответы Марселя Пруста на знаменитую анкету [4]:

1. Потребность быть любимым, а точнее, потребность в ласке и баловстве гораздо больше, чем потребность в восхищении другими.

2. Женские прелести.

3. Человеческие добродетели и открытость в духе товарищества.

4. Быть нежным по отношению ко мне, если их личность достаточно утончена, чтобы дать большую цену их нежности.

Моя главный недостаток вина. – Не зная, не умея «захотеть».

Мое любимое занятие. – Нравится.

Моя мечта о счастье. – Боюсь, это недостаточно высоко, я не смею это сказать, я боюсь разрушить это, сказав это.

Что было бы моим величайшим несчастьем. – Не знать ни мамы, ни бабушки.

Кем я хочу быть. – Быть востребованным людьми, которыми я восхищаюсь.

Страна, в которой я хотел бы жить. – Там, где некоторые вещи, которые мне важны, сбывались бы как по волшебству и где всегда была бы разделена нежность.

Цвет, который я предпочитаю. – Красота не в цветах, а в их гармонии

Цветок, который я люблю. – Её цветок, впрочем – все цветы.

Моя любимая птица. – Ласточка.

Мои любимые прозаики. – Сегодня Анатоль Франс и Пьер Лоти.

Мои любимые поэты. – Бодлер и Альфред де Виньи.

Мои герои в художественной литературе. – Гамлет.

Мои любимые героини в фантастике. – Беренис.

Мои любимые композиторы. – Бетховен, Вагнер, Шуман.

Мои любимые художники. – Леонардо Да Винчи, Рембрандт.

Мои герои в реальной жизни. – Мистер Дарлу, мистер Бутру.

Мои героини в истории. – Клеопатра.

Мои любимые имена. – Только одно здесь и сейчас.

Что я ненавижу больше всего. – Мою болезнь.

Исторические персонажи, которых я презираю больше всего. – Я недостаточно образован.

Военный факт, которым я восхищаюсь больше всего. – Мое волонтерство!

Реформа, которую я ценю больше всего. – ...

Дар природы, который я хотел бы иметь. – Воля и способность к обольщению.

Как бы я хотел умереть. – Лучшим, и любимым.

Текущее состояние моего ума. – Скука думать, что я должен ответить на все эти вопросы.

Недостатки, которые внушают мне наибольшее снисхождение. – Те, которые я понимаю.

Мой девиз. – Боюсь озвучить то, что принесет мне несчастье

Вышеприведённые ответы отражают тонкую и трепетную натуру писателя.

Напомним, что ровно 100 лет назад, 18 ноября 1922 года, Марсель Пруст скончался от бронхита в своей парижской квартире в возрасте 51 года. Привыкший к светским салонам писатель оставил сложное произведение, которое не обязательно легко обсуждать в обществе. Для современного спешащего читателя в ироничном ключе представим пять «анекдотов», которые нужно знать, даже не читая его произведений [3]:

1. *«Du côté de chez Swann»* (В сторону Свана) Издательство Галлимар отказалось печатать это произведение.

В 1909 году Пруст приступил к делу всей своей жизни — роману, в котором герой через свои воспоминания открыл жизненно важное значение искусства. С одного тома в 1909 году роман разросся до двух в 1912 году, до трех в 1913 году... «В поисках утраченного времени» в конечном итоге было семь. Последние три были опубликованы уже после его смерти 18 ноября 1922 года в возрасте 51 года (сейчас он похоронен на

кладбище Пер-Лашез). Получив три отказа от издателей, Пруст был вынужден публиковаться самостоятельно в Грассе в 1913 году. Андре Жид, фигура в NRF (Новое французское обозрение, будущий Галлимар), был одним из тех, кто ему отказал. «Отказ от этой книги останется самой серьезной ошибкой СРФ и (...) одним из самых жгучих сожалений, угрызений совести в моей жизни», — писал он Прусту. Жид умножит попытки отвоевать его. Гастон Галлимар добился этого в 1916 году и опубликовал «В тени молодых девушек в цвету» в 1918 году [4].

2. «А?»: такой была реакция писателя, когда он узнал, что ему присуждена Гонкуровская премия.

10 декабря 1919 года Гонкуровское жюри присудило свою премию Прусту, победа которого была вырвана шестью голосами из десяти. Писателя разбудили посреди дремоты. — А? — ровно так отвечает он. Это самая короткая фраза его существования! Писатель, который, однако, боролся за это, не хочет никого видеть. Это различие вызвало оживленную полемику: все левые выстроились в очередь за своим неудачливым конкурентом Роланом Доржелесом и его военным рассказом «Круа-де-буа». Она освистывает «маленькие колики у ребенка» «Марселя Пруста», произведение, которое считают слишком традиционным, вознаграждение слишком богатым (5000 франков цены были бы полезнее для другого) и слишком пошлым романом [3].

3. Не менее 30 слов в предложении.

«Долгое время я рано ложился спать...» — инципит — начало рассказа — самого известного во французской литературе произведения обескуражило не одного читателя. Своими бесконечными предложениями — в среднем 30 слов в предложении, в два раза больше, чем у других писателей, — своим обилием тире и скобок Пруст изобрел новую литературную музыку. «Взрывоопасный» текст пронизан диалогами, как если бы он был создан для чтения вслух. Пусть успокоится читатель: если предложение Пруста сложное, его лексикон прост. Своеобразие его стиля также заключается в его метафорах, свидетельствующих о тонкости его внутреннего мира [1].

4. «Сухарик» Пруста.

Записные книжки Пруста показывают, что сначала он представил знаменитую сцену Мадлен с ломтиком тоста, а затем с сухариком. Он появляется в самом начале «Поисков»: Марсель, угрюмый рассказчик, выпивает ложку чая, в которой он оставил «кусочек Мадлен для размягчения». «В тот самый момент, когда глоток, смешанный с крошками торта, коснулся моего неба, я вздрогнул (...) Откуда могла взяться эта могучая радость?» Марсель переживает счастливое детское воспоминание: «Это был вкус маленького кусочка Мадлен, который воскресным утром в Комбре (...) моя тетья Леония предлагала мне, вымачивая его в настое чая или липы». Это один из ключей к роману Пруста: прошлое можно восстановить с помощью «письма» (*écriture*), вечного источника блаженства.

5. Отец Марселя Пруста, врач-эпидемиолог, теоретик изоляции, как одного из средств борьбы с эпидемиями.

Адриен Пруст, невролог и гигиенист, является одним из великих сторонников социального дистанцирования и изоляции. Член Медицинской академии, он также выступал за частое мытье рук и лица. Довольно строгий отец, Адриен Пруст «давит» на своего болезненного сына. Он появляется в «Un amour de Swann» как доктор Коттар. С 1906 года Пруст, светский лев по вечерам, днем жил отшельником дома, «подвешенный между кофеином, аспирином, астмой, стенокардией и всего шесть дней из семи между жизнью и смертью». «Он использует методы своей матери (...), в то время как отец сказал ему заниматься спортом, выходить на улицу, открывать окно», — отмечает прустовед Жан-Ив Тадье [6].

Итак, несомненно, надо читать Пруста, чтобы его знать, и через его произведения попытаться познать самого себя. Этот блестящий автор создал целую вселенную мыслей и образов, психолингвистически отразивших всю нашу жизнь. На первый взгляд его

персонажи далеки от современной реальности, но это лишь на первый взгляд. Тонкий психолог, Марсель Пруст, раскрывает сложности и глубины внутреннего мира человека, а современный житель земли, слишком подверженный растлевающему воздействию тотального всемирного «гаджета», может спастись от агрессивной действительности при помощи произведения великого французского писателя. Надо лишь взять книжку Пруста в руки, и начать читать, «отдавшись» очарованию непревзойдённого текста великой французской литературы).

Литература

1. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
2. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
3. Marcel Proust: cinq choses à savoir sur l'écrivain pour le 100e anniversaire de sa mort (2022). URL: <https://www.geo.fr/histoire/marcel-proust-cinq-choses-a-savoir-sur-lecrivain-pour-le-100e-anniversaire-de-sa-mort-212613> (Date d'accès: 19.11.2022)
4. Revue d'études proustiennes 2022 – 2, n° 16 *Centenaire de Marcel Proust (1922-2022). II. Proust et les écrivains contemporains*. Paris, Classiques Garnier. 151 p.
5. Sollers Philippe «Sur Proust», *Eloge de l'infini*. URL: <https://pileface.com/sollers/spip.php?article599> (Date d'accès: 19.11.2022).
6. Tadié Jean-Yves <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/l-heure-bleue/l-heure-bleue-du-lundi-14-novembre-2022-1443815> (Date d'accès: 19.11.2022).

References

1. Sedykh A.P. (1998) *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU. 160.
2. Sedykh A.P. (2022) *Jazyk, kul'tura, komunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Jepicentr», 152.
3. Marcel Proust: cinq choses à savoir sur l'écrivain pour le 100e anniversaire de sa mort (2022). URL: <https://www.geo.fr/histoire/marcel-proust-cinq-choses-a-savoir-sur-lecrivain-pour-le-100e-anniversaire-de-sa-mort-212613> (Date d'accès: 19.11.2022)
4. Revue d'études proustiennes 2022 – 2, n° 16 *Centenaire de Marcel Proust (1922-2022). II. Proust et les écrivains contemporains*. Paris, Classiques Garnier. 151 p.
5. Sollers Philippe «Sur Proust», *Eloge de l'infini*. URL: <https://pileface.com/sollers/spip.php?article599> (Date d'accès: 19.11.2022).
6. Tadié Jean-Yves <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/l-heure-bleue/l-heure-bleue-du-lundi-14-novembre-2022-1443815> (Date d'accès: 19.11.2022).

УДК 81'42

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭЛИЗАБЕТ ЧЕДВИК «ЛОРДЫ БЕЛОГО ЗАМКА»)

Суслова Вера Глебовна

ассистент кафедры «Иностранные языки»

Институт общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

Севастополь, Россия / vgsuslova@sevsu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается концептосфера художественного текста, представленная в виде ядерно-периферийной структуры культурных элементов, являющихся концептами. Исследуется архитектоника концепта «Средневековая Англия», интерпретируемого в художественном произведении Элизабет Чедвик «Лорды белого замка». Интерпретативный формат реализуется посредством моделирования

номинативного поля, представляющего собой совокупность нескольких субконцептов. Выявляются особенности каждого из субконцептов. Определяется высокая частотность лингвокультурем как отличительная характеристика идиостиля автора.

Ключевые слова: концептосфера, текст, номинативное поле, архитектоника, концепт, субконцепт, интерпретативный формат, идиостиль автора

MODELING AND INTERPRETING OF THE LITERARY CONCEPT «MEDIEVAL ENGLAND» IN ELIZABETH CHADWICK'S «LORDS OF THE WHITE CASTLE»

Suslova Vera

Assistant of the Department of Foreign Languages
Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Sevastopol, Russia / vgsuslova@sevsu.ru

Abstract

This article examines the conceptual sphere of a literary text, presented in the form of a nuclear-peripheral structure of cultural elements that are concepts. The architectonics of the concept "Medieval England" interpreted in Elizabeth Chadwick's novel "The Lords of the White Castle" is investigated. The interpretive format is implemented by modeling a nominative field, which is a collection of several sub-concepts. The features of each of the sub-concepts are revealed. The high frequency of linguocultures is determined as a distinctive characteristic of the author's style.

Keywords: conceptosphere, text, nominative field, architectonics, concept, subconcept, interpretive format, author's style

Одним из стремительно развивающихся направлений в области современной когнитивной лингвистики является изучение концептосферы речи и языка. Концептосферу наиболее подробно позволяют рассмотреть различные художественные тексты, каждый из которых представляет собой единый конструкт культурно-маркированных элементов, подчеркивающих индивидуальный стиль автора и позволяющих судить о его собственной языковой картине мира, поскольку моделирование картины мира писателя строится на «принципах моделирования концептосферы текста» [Огнева 2020: 285], основанных на определённом способе «концептуализации действительности» [Богачев 2008: 70], в котором значимым фактором является «интенция автора» [Даниленко 2022: 7], определяющая «типы текстов» [Sedykh et al 2017: 811-815].

Концептосфера художественного текста, представляемая нами как ядерно-периферийная структура, состоящая из концептов и их субконцептов, имеет большой потенциал в качестве предмета исследований интерпретативных форматов тех или иных моделей-реконструкций. Важность подобных исследований подчеркивает Н.Г. Юзефович, указывая на то, что «реконструкция концептуального субстрата на стадии мыслительного процесса способствует адекватной актуализации культурной специфики концепта описываемой культуры» [Юзефович 2013], репрезентируемой в художественных произведениях автора, привлекающих читателя посредством когнитивных аттракторов, под которыми понимаются «доминантные смысловые маркеры <...> художественного произведения» [Огнева 2018: 87], которое представляет собой систему, с «перманентно меняющимися содержательными параметрами» [Прюво, Седых, Бузинова 2018: 21]

Д.С. Лихачев считает концептосферу «совокупностью основных элементов культуры данного этноса, отраженной в его языке» [Лихачев 1993]. А исследование текста в качестве коммуникативно-смысловой единицы» [Бузина 2017: 115], по мнению Н.И. Панасенко, «делает возможным членение текста на составляющие его фразовые единства и их сочетания» [Панасенко 2006]. Таким образом, культурно-маркированные элементы текста подлежат тщательному анализу путем разделения их на группы и подгруппы, являющимися концептами и субконцептами, что в последствие позволит воссоздать

номинативное поле текстовой концептосферы, или же, в нашем случае, отдельно взятого художественного концепта «Средневековая Англия», входящего в состав концептосферы художественного произведения с учетом параметров «текстового моделирования мира» [Киосе 2018: 292]., осуществляемого в рамках «теории текста, теории гипертекста» [Белоусов, Подтихова 2014: 62].

Проведенное нами исследование показало, что архитектоника номинативного поля художественного концепта «Средневековая Англия», интерпретируемого в романе Элизабет Чедвик «Лорды белого замка», представляет собой сочетание субконцептов (1) дворцовая кухня, (2) рыцари, (3) праздничное одеяние.

Рассмотрим подробнее архитектонику художественного концепта «Средневековая Англия» на примере нескольких контекстов:

Субконцепт «дворцовая кухня»

«To Fulk the kitchens resembled how he imagined a hall in the court of hell would look. Fires blazed beneath cauldrons, fireboxes full of charcoal gave off a simmering heat over which sauces were being stirred and pie fillings prepared. A mountain of dead chickens, ducks and partridges obscured Fulke`s view of the oven where yet another batch of bread was being baked for the banquet. Several maids sat plucking the fowl and filling sacks with feathers. To one side, a huge wild boar awaited a butcher`s attention / Фулк огляделся. Дворцовая кухня, на его взгляд, сильно смахивала сейчас на преисподнюю. Под котлами вовсю пылал огонь, от наполненных углем топков волнами исходил дрожащий пар. Повара размешивали подливу и готовили начинку для пирогов. За горой тушек кур, уток и куропаток не видно было печь, в которой пекли хлеб для предстоящего пира. Несколько служанок ощипывали дичь и набивали перьями мешки. В углу ждала мясника туша огромного кабана.»

Исходя из данного контекста, мы можем подчеркнуть разнообразие номинантов, входящих в номинативное поле данного субконцепта. Например, употребив для характеристики дворцовой кухни выражение *a hall in the court of hell/преисподняя*, автор исчерпывающе передает царившую там атмосферу. Сразу возникают ассоциации с хаосом, многочисленностью, высокой температурой, а также это дает нам понять месторасположение кухни в Средневековом дворце – на цокольном этаже.

С помощью следующего номинанта *blazed beneath cauldrons/пылал под котлами* автор продолжает поддерживать «адский» образ, употребляя соответствующие лексемы.

Номинанты *mountain of dead chickens, ducks and partridges/гора тушек куриц, уток и куропаток* и *a huge wild boar/туша огромного кабана* указывают читателям на рацион первых лиц в Средневековье. В их рационе преобладало мясо (что свидетельствует о Средневековом мужском досуге – об охоте), а рыба отсутствовала вовсе.

Таким образом, благодаря различным лингвокультуремам мы в состоянии воссоздать то или иное культурное явление и сформировать подробное представление о нем.

Субконцепт «рыцари»

«What the knights possessed in weight and power, they lacked in speed and maneuverability. By the time the fallen man`s companion had turned to deal with William, it was too late. A single clash of blade on shield was all he managed before he was jabbed in the ribs by the blunt spear of another knight sporting a close-cropped auburn beard. ‘Your life is mine’, declared Philipp cheerfully before ducking under the blow of an incoming mace and galloping out of reach. When Philipp`s victim chose to ignore the rules of combat and continue to fight, Philipp repeated the move. And this time he did not have to duck and retreat because Fulke had neatly unhorsed the third man and confiscated the mace. / У рыцарей было два бесспорных преимущества: вес и мощь. Однако при этом они сильно проигрывали в скорости и маневренности. Когда упавший воин повернулся, чтобы разобраться с Уильямом, было уже поздно. Фламандец только-только успел стукнуть мечом по щиту, как ему уткнулось под ребра тупое копьё другого рыцаря, щеголявшего коротко подстриженной каштановой бородой. «Твоя жизнь в моих руках», - возбуждённо заявил Филипп и едва успел нырнуть и отъехать на безопасное расстояние, уклоняясь от удара палицы.»

Поскольку жертва его решила пренебречь правилами боя и продолжить, Филип вынужден был повторить свой маневр. Однако больше пригибаться и отступить ему не пришлось, так как Фульк аккуратно выбил третьего противника из седла и забрал его палицу.»

Номинанты *weight and power/вес и мощь*, а также *the lacked in speed and maneuverability/отсутствие скорости и ловкости* прямо характеризуют физические особенности рыцарей Средневековой Англии.

Следующий номинант весьма примечателен: *clash of blade on shield/лязг меча о щит*. Автор употребил лексему *clash/лязг*, позволив читателю полагать, что в Средневековые времена воины использовали холодное оружие, издающее при ударе о такой же железный предмет характерный звук.

Номинант *close-roped auburn beard/ коротко подстриженная каштановая борода* дает сведения о типичной внешности рыцаря Средневековой Англии. Важно отметить, что несмотря на наличие ядра, выраженного именем существительным *beard/борода*, ключевым в данном номинанте является приядерный компонент *close-roped/коротко подстриженная*. Именно он свидетельствует о положении рыцарей в обществе и их причастности к привилегированному классу общества, где люди имеют возможность за собой ухаживать и иметь соответствующий положению вид.

Номинант *blow of an incoming mace/удар палицы* является ярко-выраженной лингвокультуремой. По данным Википедии, «Палица – это холодное оружие ударно-раздробляющего действия, происходящее от обычной деревянной палки» [Палица].

Номинант *had unhorsed the man/скинув его с седла* имплицитно указывает на то, что передвигались рыцари Средневековья исключительно верхом.

Так, номинативное поле субконцепта «рыцари» позволяет изучить специфику одного из образов, составляющих Средневековую английскую картину мира, в мельчайших подробностях.

Субконцепт «праздничное одеяние»

The gold silk of Fulke`s surcoat was as nothing compared to the garments in which the great magnates and bishops were decked for the coronation. Vibrant hues of scarlet and blue, encrusted with jewels and embroidery, made the abbey floor glow like a living stained-glass window. So great was the quantity of seed pearls frosting Archbishop Bldwin`s cope that it was a wonder he would walk. Prince John was resplendent in a robe of blue wool the colour of a midnight sky. Small gemstones decorated throat and cuff and an enormous circular brooch of exquisitely worked gold fastened his sable-lined cloak. He looked every inch a prince, but all eyes were on Richard. Even clad in a tunic of plain russet wool, no one could mistake him for anything other than a king. The lack of adornment only emphasized his athletic build and severe beauty of his bone structure. / Золотой шелк сюрко, красовавшегося на Фульке, не шел ни в какое сравнение с одеяниями, в которые облачились для коронации епископы и видные вельможи. От ярких оттенков алой и синей материи, отделанной драгоценными камнями и вышивкой, пол аббатства сиял, как оживший витраж. Мантию епископа Болдуина усеивало такое количество мелких жемчужин, что удивительно было, как он мог идти. Принц Иоанн был царственно великолепен в одежде из шерсти цвета полуночного неба. Небольшие драгоценные камни украшали вырез и рукава платья, а отороченный соболиным мехом плащ был застегнут огромной изящной фибулой, выкованной из золота. Однако. Как ни хорош был Иоанн, все взгляды были устремлены на Ричарда. Хоть тот и был облачен в котту из грубой шерсти, все безошибочно понимали, что именно он король, и никто иной. Отсутствие украшений лишь подчеркивало его атлетическое телосложение и суровую, мужественную красоту.»

В данном контексте мы можем выделить множество ярких лингвокультурем, характерных для эпохи Средневековья:

The gold silk of surcoat/золотой шелк сюрко. По данным Википедии, «Сюрко – начиная с XII века длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо

и часто украшавшийся гербом владельца. Обычно сюрко был длиной чуть ниже колена, имел разрезы в передней и задней части, без рукавов. Этот плащ рыцари носили для защиты кольчуги от нагрева солнцем (что характерно, во время крестовых походов у рыцарей появилась мода для защиты от солнца носить поверх шлема арабскую куфию, которая в рыцарском варианте называлась намёт и была гербовых цветов)» [Сюрко].

Номинанты *Vibrant hues of scarlet and blue, encrusted with jewels and embroidery/алая и синяя материя, отделанная драгоценными камнями и вышивкой* и *great quantity of seed pearls/несметное количество мелких жемчужин*, указывают на степень важности мероприятия и уровень благосостояния тех, кто носил подобные одеяния в Средневековой Англии.

Robe of blue wool the color of a midnight sky/ одежда из шерсти цвета полуночного неба. Приядерный компонент вышеупомянутого номинанта характеризует цвет и материал номинативного ядра и лишний раз подчеркивает исключительность события, в честь которого было использовано именно такое сочетание, а также высокопоставленное положение в обществе обладателя данной одежды (принца Иоанна).

A tunic of plain russet wool/котта из грубой шерсти. По данным Википедии, «Котта – европейская средневековая туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами. Поверх котты можно было носить сюрко» [Котта]. Приядерный компонент номинанта характеризует материал ткани и способ его обработки.

Номинант *lack of adornment/отсутствие украшений*, относящийся к внешнему виду короля Ричарда, сигнализирует читателю о том, что в Средневековой Англии первое лицо государства мог пренебрегать общепринятыми правилами дресс-кода и отличался от окружающей его свиты лаконичностью и подчеркнутой серьезностью одновременно.

Проанализировав несколько контекстов, сконструировав номинативные поля каждого из субконцепта и собрав их воедино, нам удалось смоделировать и интерпретировать художественный концепт «Средневековая Англия», репрезентируемый в произведении Элизабет Чедвик «Лорды Белого замка». Выявленная высокая частотность лингвокультурем в каждом из номинативных полей трех субконцептов подчеркивает идиостиль автора и свидетельствует о том, что автор сумел отобразить картину мира Средневековой Англии в полной мере.

Литература

1. Белоусов К.И. Некоторые наблюдения над концептуальной композицией текста / К.И. Белоусов, Е.А. Подтихова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1. С. 62-74.
2. Богачев Р.Е. Фактор структуры языка в анализе языковой картины мира // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3 (55). С. 70-74.
3. Бузина Е.И. Частотность темпоральных маркеров в архитектонике концептосферы романа Ш. Бронте “Jane Eyre” // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 115-119.
4. Даниленко И.А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6-13.
5. Киосе М.И. «Удачная интерпретация» текстовой образности в современных когнитивных концепциях // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. М. А. Тарасова. М.: Культурная революция, 2018. С. 290-315.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 52. 1993. № 1.
7. Огнева Е.А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты: международный сборник научных трудов. Отв. ред.: Е.А. Огнева, И.Б. Акиншина. Белгород, 2018. С. 87-92.
8. Огнева Е.А. Интерпретативный потенциал текстового когнитивного моделирования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 285-289.

9. Панасенко Н.И. Семантическое пространство художественного текста // Семантика мови і тексту. Матеріали ІХ міжнародної науково-практичної конференції. 26-28 вересня 2006 р. Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ, 2006. С. 394-396.

10. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.

11. Юзефович Н.Г. Актуализация субстрата инокультуры: от внутреннего кодового переключения и внутреннего перевода к вербализации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4. С. 129-134.

12. Chadwick E. *Lords of the White Castle*. New York, St. Martin`s Press, 2002. 632 p

13. Sedykh A.P., Bezrukova E.I., Krivchikova N.L., Kudryavtseva N.B., Naydenova M.V., Skokova T.N., Moisseeva S.A. Text Definitions of Classifying Type. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2019. Т. 7. № 5. С. 811-815.

Данные энциклопедии:

14. Сюрко. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сюрко> (дата обращения: 07.11.2022)

15. Палица. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Палица> (дата обращения: 07.11.2022)

16. Котга. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Котга_\(одежда\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Котга_(одежда)) (дата обращения: 07.11.2022)

References

1. Belousov, K.I., Podtichova, K.I. Nekotorye nabljudeniya nad konceptual'noj kompoziciej teksta [Some ideas about conceptual structure of text]. *Voprosi kognitivnoi lingvistiki*. 2014. № 1. P. 62-74.

2. Bogachev, R.E. Faktor struktury jazyka v analize jazykovoju kartiny mira [Factor of lingual structure in the analysis of lingual worldview]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza*. 2008. # 3 (55). S. 70-74.

3. Buzina, E.I. Chastotnost' temporal'nyh markerov v arhitektonike konceptosfery romana Sh. Bronte "Jane Eyre" [The frequency of temporal markers in the conceptual domain's architectonics in S. Bronte's "Jane Eyre"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija*. 2017. # 4. S. 115-119.

4. Danilenko, I.A. Rol' tekstovyh kognitivnyh attraktorov pri postroenii variativnyh tekstovyh mirov [The Role of Text Cognitive Attractors in the Construction of Variable Text Worlds]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika*. 2022. # 1. S. 6-13.

5. Kiose, M.I. «Udachnaja interpretacija» tekstovoj obraznosti v sovremennyh kognitivnyh koncepcijah ["Successful Interpretation" of Text Imagery in Contemporary Cognitive Theories]. *Obrazy jazyka i zigzagi diskursa: sbornik nauchnyh statej k 70-letiju V. Z. Dem'jankova / otv. red. M. A. Tarasova*. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2018. S. 290-315.

6. Lihachev, D.S. Konceptosfera russkogo jazyka [Conceptosphere of Russian language]. *Izv. AN. Ser. lit. i yaz.*, 1993. № 1.

7. Ogneva, E.A. Konceptija tekstovoj kognitivnoj atrakcii [The Theory of Textual Cognitive Attraction]. *Lingvisticheskie gorizonty: mezhdunar. sb. nauch. tr. Vyp VI. / otv. red. E.A. Ogneva, I.B. Akinshina*. Belgorod: OOO «Jepicentr», 2018. S. 87-92.

8. Ogneva, E.A. Interpretativnyj potencial tekstovogo kognitivnogo modelirovanija [Interpretative potencial of text cognitive modeling]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. 2020. # 2 (41). S. 285-289.

9. Panasenko, N.I. Semanticheskoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta [Semantisc space of literary text]. *Semantika movi I textu*. Ivano-Frankivsk, 2006. P. 394-396.

10. Prjuvo, Zh., Sedyh, A.P., Buzinova, L.M. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения [Text, Context, Intertext: synthesis of meaning]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. 2018. Т. 4. # 3. S. 21-35.

11. Uzefovich, N.G. Aktualizacija substrata inokul'tury: ot vnutrennego kodovogo perekljuchenija i vnutrennego perevoda k verbalizacii [Actualization of substrut of inoculture: from inside code of changeover and inside translation to verbalization]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2013. № 4. P. 129-134.

12. Chadwick, E. *Lords of the White Castle*. New York, St. Martin`s Press, 2002. 632 p.

13. Sedykh, A.P., Bezrukova, E.I., Krivchikova, N.L., Kudryavtseva, N.B., Naydenova, M.V., Skokova, T.N., Moisseeva, S.A. Text Definitions of Classifying Type. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2019. T. 7. # 5. C. 811-815.

Encyclopedia data:

14. Sjurko. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Sjurko> (data obrashhenija: 07.11.2022)

15. Palica. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Palica> (data obrashhenija: 07.11.2022)

16. Kotta. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Kotta_\(odezhda\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Kotta_(odezhda)) (data obrashhenija: 07.11.2022)

УДК 81'1

ОТ ЭВФЕМИЗМА К «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ»

Трещёва Наталья Васильевна

доцент кафедры немецкого и французского языков
кандидат филол. наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / trescheva@bsu.edu.ru

Пашинская Софья Антоновна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет
Белгород, Россия / paschinskaya.s@yandex.ru

Аннотация

Объектом исследования является исторический аспект появления понятия "политкорректность". Анализ охватывает такие аспекты темы, как общая характеристика политкорректности и эвфемизма, их связь и взаимообусловленность понятий. Особое внимание уделяется толкованию, поиску "точек соприкосновения" понятий. Основными выводами проведённого исследования являются: подтверждение не тождественности понятий политкорректности и эвфемизма; определение явления политкорректности как стимула для создания и использования эвфемизмов.

Ключевые слова: эвфемизм, политкорректность, слово-табу, функция табу, функция политкорректности, функция эвфемизма

FROM EUPHEMISM TO «POLITICAL CORRECTNESS»

Trescheva Natalya

Candidate of philological sciences,
Associate Professor of German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / trescheva@bsu.edu.ru

Paschinskaya Sofia

Graduate student of the German and French languages departement
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / paschinskaya.s@yandex.ru

Abstract

The object of the study is the historical aspect of the emergence of the concept of "political correctness". The analysis covers such aspects of the topic as the general characteristics of political correctness and euphemism, their connection and interdependence of concepts. Particular attention is paid to the interpretation, the search for "points of contact" of concepts. The main conclusions of the study are: confirmation of the non-identity of the concepts of

political correctness and euphemism; definition of the phenomenon of political correctness as an incentive for the creation and use of euphemisms.

Key words: euphemism, political correctness, taboo word, taboo function, political correctness function, euphemism function

During the 20th century, we could see the appearance of a new type of euphemism, resulting from the linguistic propaganda characterizing the period of the Second World War. This euphemism presents itself as a very effective tool of persuasion and as one of the most recurrent processes that George Orwell, in 1948, would define *newspeak*, a manipulated language that influences the mind in its deepest state to prevent all reasoning ability. It is a language that aims to impose a single vision of the world in order to avoid the spread of subversive ideas and to guarantee the maintenance and strengthening of the established order:

Newspeak vocabulary was constructed in such a way that it could provide exact, and often highly nuanced, expression for the ideas that a Party member might rightly wish to communicate. But he ruled out all other ideas and even possibilities of getting there by indirect methods. The invention of new words, the elimination especially of undesirable words, the suppression in the remaining words of all secondary meaning, whatever it was, contributed to this result [...]. Newspeak was based on the language we know today, although many Newspeak phrases, even those containing no new words, would be barely intelligible in our day [1].

The Orwell's *newspeak* is only a mythical transposition of the *langue de bois*, which had its origin in Eastern Europe and was "exclusively associated with totalitarianism and to a fixed phraseology which reflected the ideological dogmatism of official propaganda" [1].

The concept of *langue de bois* is found in many works characterizing the period of the Second World War and the years that followed it. In 1947, the philologist Victor Klemperer, provides evidence of the *langue de bois* of Nazi Germany in his work *Lingua Tertii Imperii* (LTI):

Not only actions must go, but also Nazi beliefs and habits of thought, as well as the soil that nurtured them: the language of Nazism. [...]. Nazism insinuated itself into the flesh and blood of the great number through isolated expressions, turns of phrase, syntactical forms which imposed themselves on millions of copies and which were adopted mechanically and unconsciously. The LTI strives by all means to make the individual lose his individual essence, to anesthetize his personality, to transform him into a head of cattle, without thought or will, into a herd led in a certain direction and hunted down, to make him an atom in a rolling block of stone. [2]

The author, in his work, emphasizes the importance of euphemism in the LTI and notes the appearance of expressions such as "mettre en sureté", meaning "forbid the Jews", "venir chercher", meaning "take discreetly to prison or barracks", as well as the use of adjectives such as "combatif", which, writes Klemperer, is a "new and rare adjective, reserved for neo-romantic aesthetes, one of his favorite words "guerrier" was too narrow; it only evoked matters of war and it was also too frank adjective which betrayed the quarrelsome mood and the thirst for conquests"[2].

Another testimony of *langue de bois* was left to us by Armand Robin in his essay *La Fausse Parole*, where he shows the influence of this language on the deep thought of man to the point of contaminating it. About the formatting power of thought, specific to this metamorphosed language, he writes:

Le fait que des millions d'hommes sont tués dans les conditions les plus sottes et les plus ironiques, que des millions encore plus nombreux sont tués d'une mort qu'ils ne connaissent même pas, d'une mort qui les laisse apparemment vivants, automates de la personne spontanée qu'ils furent, décapités et désensibilisés, le fait qu'on ne dit pas aux hommes que la mort en pleine vie à eux destinée en ces temps est une mort qui ne paraîtra pas la mort, mais qui plus mortellement les cadavérise, ce fait est le seul fait [...]. Le pouvoir d'expression vient d'être ôté de la surface du globe; aucun mot pour nommer la situation réelle où nous sommes tous. L'homme continue à remuer les lèvres, mais tout usage de sa parole vient de lui être enlevé [...]. Et l'homme ne veut toujours pas reconnaître que tous ces mots sont morts ; alors on lui tue cent fois ces morts ; il ne veut toujours pas

reconnaître que ces morts tués sont bien morts ; alors on les lui met de travers au bord de la bouche, cadavres absurdes, signes à l'envers, parodie ; et on lui dit "Répète ! Répète ! Répète ! Tu n'es plus que répétition permanente de tous tes mots tués!" [3].

The author explains the reasons for the enormous power of this totalitarian "non-language" as follows:

Le processus qui mène au langage obsessionnel, c'est-à-dire en fin de compte à la suppression du sens des mots, a quelque chose de fascinant, d'ensorcelant : dans ce surgissement d'un non-langage, il y a comme la promesse d'une nouvelle façon d'être, laquelle, tel le vide, attire et fait chuter; si affreux que cela puisse paraître, nous irions jusqu'à dire qu'à des millions et des millions d'hommes, cette biblique extermination du langage peut apparaître comme un repos inespéré, comme la Terre Promise; le silence totalitaire, parfaitement réalisé sous forme de fausse parole imposée à toutes les lèvres, a ses chances de réussir à hypnotiser une humanité harassée [...][3] .

From the same year, the testimony given by the Polish intellectual Czesław Miłosz who tells us of his "impression of participating in a show of collective hypnosis" [4]. A few years later, Eugène Ionesco, forced by the outbreak of the war to leave France and return to Romania, remarked on the frightening impact that the language of fascist propaganda had on the way of being, thinking and living of his compatriots; and he underlines, in his diary, how this metamorphosed language has metamorphosed individuals:

Imaginez-vous un beau matin où vous vous apercevez que les rhinocéros ont pris le pouvoir. Ils ont une morale de rhinocéros, une philosophie de rhinocéros, un univers rhinocérique. Le nouveau maître de la ville est un rhinocéros qui emploie les mêmes mots et cependant ce n'est pas la même langue [5].

The concept of *langue de bois* is, as we have just seen, very present during this period. The expression, on the other hand, appeared much later; indeed, it is found in 1961, when the sociologist Edgar Morin makes use of it in an article he wrote for the journal *Arguments*, perhaps in turn influenced by Miłosz's *The Captive Thought*. The expression *langue de bois* appeared in the French press (notably in *Libération*) following the movement initiated by the Solidarnost trade union between 1978 and 1981 and made its official appearance in the *Larousse encyclopédique* in 1981. However, in France and Western Europe in general, the term is no longer associated solely with totalitarianism, but also with democratic systems. This "langue de bois démocratique", which had already been analyzed in 1790 in the *Dictionnaire national et anecdotique* of the grammarian Pierre-Nicolas Chantreau, is considered by Orwell, in his essay *La politique et la langue anglaise*, as the language of the "defense of the indefensible". Orwell writes:

Political speeches and writings today are essentially a defense of the indefensible. Facts such as the maintenance of British rule in India, the dropping of atomic bombs on Japan can no doubt be defended, but only with the help of arguments of a brutality unbearable to most people, and which do not fit with the stated goals of the political parties. Political language must therefore consist mainly of euphemisms, begging questions and nebulous imprecision. Defenseless villages are bombarded from the air, their inhabitants are driven out into the countryside, their cattle are machine-gunned, their huts are destroyed by incendiary bombs: this is called "pacification". Millions of peasants are expelled from their farms and thrown onto the roads with no more than what they can carry: this is called a "population transfer" or a "rectification of the border". People are imprisoned without trial for years, or shot in the back of the neck: this is called the "elimination of suspicious elements". This phraseology is necessary if one wants to name things without evoking the corresponding mental images [6].

From the 1990s, the frequency of the term *langue de bois* decreased in favor of the very new expression from the United States: *le politiquement correct (P.C.)*. This expression, modeled on the English political correctness, appeared for the first time in the United States and was then found, during the 1970s, in the language of feminists and militants of the Black Power movement who associate with the need and the will of an egalitarian language, deprived of any denigrating word. The P.C., in the following decade, began to be used sarcastically to

criticize the excessive "honesty" of this language and definitively acquired this connotation, very different from original, during the 90s. *Le politiquement correct* reached Europe, charged with this meaning and deprived of the sense that had originally characterized it. In the years that followed, this language took on an increasingly vast dimension and affected all areas of communication. In this regard, Viktor Valkoff writes:

Il ne semble pas que le monde ait jamais connu un politiquement correct aussi omniprésent, aussi insidieux, aussi triomphant que le nôtre. Ce n'est pas que les modes et les totalitarismes datent d'aujourd'hui, loin de là [...]. D'innombrables Églises, sectes, gouvernements, partis politiques, dictatures, oligarchies, démocraties, sociétés secrètes ou non, papo-césarismes et césaro-papismes divers, ont cherché à imposer, au cours des siècles, non seulement l'obéissance mais une adhésion totale à une doctrine présentée comme une vérité absolue [...]. Notre politiquement correct est une autre, une toute autre affaire. Loin de prétendre qu'il existe une vérité unique, qu'il est seul à la détenir et qu'il se propose de l'inculquer ou de l'imposer à tous en vue de leur salut, il débîne toutes les vérités quelles qu'elles soient et n'en met pas d'autres à la place. Nihiliste par nature et pas vocation, le politiquement correct ne se fonde pas sur une révélation, mais sur l'impossibilité de toute révélation [7].

The same notion of *politiquement correct* is found under other designations. Indeed, the academician Robert Beauvais already spoke, in 1973, of *langage hexagonal* and in *L'hexagonal tel qu'on le parle*, he wrote with irony:

L'alphabétisation est impérative, exonérée et désacralisante...

Qu'est-ce que cela veut dire?

Cela signifie que l'Instruction publique est obligatoire, gratuite et laïque.

En quelle langue?

En hexagonal.

Qu'est-ce que c'est l'hexagonal?

C'est la langue qu'on parle dans l'Hexagone.

Qu'est-ce que l'Hexagone?

C'est la France.

Mais le mot "France", entaché d'une affectivité suspecte, petite-bourgeoise, tend à basculer vers le folklore; le langage contemporain lui préfère celui d'Hexagone qui, dans sa pureté fonctionnelle, semble mieux adapté à la définition d'une grande nation moderne [...]. Pendant des siècles, la France a été la France : aujourd'hui la France est encore la France, mais on l'appelle l'Hexagone. Et j'appelle "hexagonal" le nouveau langage qui est en train de s'élaborer à l'intérieur de l'Hexagone, et cela à une telle cadence que le français ne sera bientôt plus qu'une langue morte enseignée dans les établissements secondaires, jusqu'au jour où la loi dispensera les jeunes Hexagonaux de son étude [8].

The place of euphemism in this language is major because this process makes it possible to get around "taboo" subjects by ordinary words and expressions, emptied of their meaning and used to trivialize problems and mask reality in order to make it appear less ominous. Beauvais emphasizes the role of euphemism in this language as follows:

Là nous nous trouvons en présence de la démarche euphémique, autre aspect de l'hexagonal, dont certaines créations semblent avoir une fonction essentiellement exorcisante : l'hexagonal conjure le mot brutal ou tabou : c'est en vertu de cette démarche que les peuples sous-développés deviennent les "nations en voie de développement" [8].

More recently, we find this same conception of language and the same critical spirit – previously expressed by Beauvais – in *La langue de Coton (LDC)* by Huyghe, in *De la Nouvelle Langue Française (NLF)* by Arouet le Jeune and in *La propagande du quotidien* of Éric Hazan's. He highlights the importance of euphemism in the LQR, "*Lingua Quintae Republicae*":

La LQR vise au consensus et non au scandale, à l'anesthésie et non au choc du cynisme provocateur. C'est pourquoi l'un de ses principaux tours est l'euphémisme [...]. Le grand mouvement euphémistique qui a fait disparaître au cours des trente dernières années les

surveillants généraux des lycées, les grèves, les infirmes, les chômeurs - remplacés par des conseillers principaux d'éducation, des mouvements sociaux, des handicapés, des demandeurs d'emploi – a enfin permis la réalisation du vieux rêve de Louis-Napoléon Bonaparte, l'extinction du paupérisme. Il n'y a plus de pauvres mais des gens modestes, des conditions modestes, des familles modestes [9].

Politiquement correct, hexagonal, LDC, LQR ou Nouvelle Langue Française are therefore different expressions used to designate a single notion, language which aims at linguistic vigilance and the avoidance of conflicts, a language “mystérieuse et impalpable” which has « le triple mérite de penser pour vous, de paralyser toute contradiction et de garantir un pouvoir insoupçonné sur le lecteur et l'auditeur [...]. Ses mots sont séduisants, obscurs et répétitifs ; elle s'orne d'ébouriffantes parures. Elle ne trahit jamais. Qu'elle opte pour l'obscurité ou la platitude, le flou ou la redondance, elle sacrifie chaque fois l'information. [...] Elle a réponse à tout parce qu'elle n'énonce presque rien. Ou trop, ce qui revient au même. C'est surtout la langue sans réplique. Elle émet des propositions qui laissent une telle place à l'interprétation que chacun est libre d'entendre ce qu'il espère. C'est une langue de pouvoir. Pouvoir de celui qui la possède sur celui qui l'ignore. Pouvoir de le séduire, parfois, de l'épater, souvent, de le faire taire [...]. C'est la langue consensuelle par excellence» [10].

Political correctness in the linguistic aspect is speech etiquette. It can be considered exclusively as a positive phenomenon of enriching the language by creating new lexical units, expanding synonymic series and leveling vocabulary by gender. However, these funds can be used for any political purposes, progressive and humanitarian, as well as conservative or demagogic. Similarly, slogans about freedom, equality and social justice have been used for any political purposes at different a time, which does not negate the values of freedom, equality and social justice.

Литература

1. Orwell G. 1984. Paris: Gallimard, 2009.
2. V. Klemperer V. LTI. Paris: Pocket, 2010.
3. Robin A. La Fausse Parole. Bazas: Le Temps qu'il fait, 1979.
4. Milosz C. La Pensée Captive. Paris : Gallimard, 2007.
5. Ionesco E. Présent passé, passé présent. Paris: Idées Gallimard, 1976.
- Pierron S. Ce beau français un peu individuel: Proust et la langue. P.: Presses universitaires de Vincennes, 2005.
6. Orwell G. Tels, tels étaient nos plaisir et autres essais. Éditions Ivrea, Paris, 2005.
7. Valkoff V. Manuel du politiquement correct. Monaco: Éditions du Rocher, 2001.
8. Beauvais R. L'Hexagonal tel qu'on le parle. Paris: Hachette, 1970.
9. Hazan É. LQR. La propagande du quotidien. Paris: Raison d'Agir, 2006.
10. Huyghe F.-B. La Langue de coton. Paris: Robert Laffont, 1991.

References

1. Orwell G. (2009) 1984. Paris: Gallimard.
2. V. Klemperer V. (2010) LTI. Paris: Pocket.
3. Robin A. (1979) La Fausse Parole. Bazas: Le Temps qu'il fait.
4. Milosz C. (2007) La Pensée Captive. Paris : Gallimard.
5. Ionesco E. (1976) Présent passé, passé présent. Paris: Idées Gallimard.
- Pierron S. (2005) Ce beau français un peu individuel: Proust et la langue. P.: Presses universitaires de Vincennes.
6. Orwell G. (2005) Tels, tels étaient nos plaisir et autres essais. Éditions Ivrea, Paris.
7. Valkoff V. (2001) Manuel du politiquement correct. Monaco: Éditions du Rocher.
8. Beauvais R. (1970) L'Hexagonal tel qu'on le parle. Paris: Hachette.
9. Hazan É. (2006) LQR. La propagande du quotidien. Paris: Raison d'Agir.
10. Huyghe F.-B. (1991) La Langue de coton. Paris: Robert Laffont.

Раздел 3. Лингводидактика и лингвокультура

УДК 81.114

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Жердев Владимир Анатольевич
старший преподаватель
Московский международный университет
Москва, Россия / 1962zvan@gmail.com

Макарова Анна Григорьевна
доцент, канд. филол. наук
Московский международный университет
Москва, Россия / anyakon@mail.ru

Аннотация

С самого начала истории человечества применялась индивидуальная система обучения (ИСО), сохранившаяся и сейчас в виде репетиторства. Далее человечество перешло на групповую систему обучения (ГСО). Эта система сейчас царит во всех государствах. Новая коллективная система обучения (КСО) предполагает, что преподаватель организует работу малых групп учеников, а в идеале парную работу, в которой ученик обучает ученика. В статье рассматривается возникновение, становление и перспективы применения высокоэффективной коллективной системы обучения иностранным языкам. Приведены примеры её применения, демонстрирующие существенное повышение продуктивности учебного процесса, усвоения учащимися материала, повышает качество межличностных отношений учащихся, а также помогает сформировать у учеников жизнеутверждающее созидательное отношение к действительности. В качестве перспективы исследования предполагается, что при правильной организации образования из школы в возрасте 17–18 лет человек может выходить со знанием пяти – шести и более иностранных языков, одного – двух языков компьютерного программирования, высокой степенью владения прочими предметами программы, а также высокой конкурентоспособностью в плане самореализации в современном мире.

Ключевые слова: коллективная система обучения, личностно-ориентированное обучение, пары смешанного состава, мини-группы, эффективность обучения.

PROSPECTS FOR THE USE OF COLLECTIVE LEARNING SYSTEM IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Zherdev Vladimir
Senior lecturer
Moscow International University
Moscow, Russia / 1962zvan@gmail.com

Makarova Anna
Associate Professor, Candidate of Philology
Moscow International University
Moscow, Russia / anyakon@mail.ru

Abstract

From the very beginning of the history of mankind, an individual training system (ITS) has been used, which has been preserved till now in the form of tutoring. Then humanity switched to a group learning system (GLS). This system now reigns in all states. The new collective learning system (CLS) assumes that the teacher organizes the work of small groups of students, and ideally paired work in which each student teaches a student. The article discusses the emergence, formation and prospects of the highly effective collective system of teaching foreign languages. Examples of its use are given, which can significantly improve the efficiency of organizing educational process, assimilation of material by students, improves the quality of interpersonal relationships of students, and also helps to form a life-affirming creative attitude to reality among students. As a research perspective, it is assumed that with the correct organization of education, a child can leave school at the age of 17-18 with knowledge of five to six or more foreign languages, one or two computer programming languages, a high degree of proficiency in

other subjects of the program, as well as high competitiveness in terms of self-realization in the modern world.

Keywords: collective learning system, personality-oriented learning, mixed pairs, mini-groups, learning effectiveness.

Коллективная система обучения вызывает всё больший интерес, т.к. требования к эффективности обучения неуклонно возрастают. Преподавателям приходится пересматривать формы организации классно-урочной деятельности. Личностно-ориентированное обучение неизбежно ведёт к реорганизации структуры и формы урока. Переориентирование с фронтальной работы с классом на групповую и индивидуальную даёт преподавателю возможность организовать проблемную дискуссию, которая вовлекает учеников в созидательное творческое общение.

Целью данного исследования является рассмотрение коллективной системы обучения и её влияния на эффективность воспитания и обучения иностранным языкам.

Объектом данного исследования является процесс обучения иностранным языкам.

Предмет исследования – продуктивность использования коллективной системы обучения.

Задачи исследования:

1. Изучение педагогической и методической литературы.
2. Раскрытие сути коллективной системы обучения.
3. Установление специфики применения коллективной системы обучения в преподавании иностранных языков.
4. Выявление факторов влияния коллективной системы обучения на эффективность обучения и воспитания граждан России.

Для достижения цели и задач данного исследования в процессе фиксации накопленных данных задействованы гипотетико-дедуктивный метод, эмпирические методы включённого наблюдения и исследовательского эксперимента, а также теоретический метод анализа научной литературы.

Гипотеза исследования: использование коллективной системы обучения позволяет существенно повысить эффективность организации учебного процесса, усвоения учащимися материала, повышает качество межличностных отношений учащихся, а также помогает сформировать у учеников жизнеутверждающее созидательное отношение к действительности.

Коллективная система обучения предполагает такое сотрудничество, когда учащиеся взаимодействуют в парах сменного состава или в малых группах. В ходе занятия все учащиеся выступают в роли, как ученика, так и учителя. Эта форма организации занятия имеет своей структурной единицей коммуникацию в парах смешанного состава, меняющихся в ходе занятия. Доминирующим механизмом взаимодействия в рамках коллективной системы обучения является общение. Для всех участников процесса непосредственная задача - это научить партнёра по коммуникации всему, чем владеет сам. Работая с каждым из партнёров поочередно, обучающийся достигает всестороннего овладения предметом. В итоге каждый из учащихся несёт ответственность как за свои знания, так и за успех своих товарищей. Таким образом, КСО прочно соединяет интересы личные с коллективными.

Если исходить из того, что в большинстве школ английский язык преподают детям со второго класса по одиннадцатый класс в среднем два раза в неделю по 45 минут, а то и больше, то за год это примерно как раз 60 астрономических часов. Соответственно, за десять лет набирается около 600 астрономических часов обучения. Следуя заданной логике расчётов и опираясь на реальный опыт, который показывает, что при применении КСО на изучение одного языка требуется примерно 60 часов обучения, можно предположить, что за весь период обучения в школе ученик, в среднем, способен освоить примерно восемь иностранных языков и два языка компьютерного программирования. Отметим, что эти

расчёты не выходят за рамки часов, которые отведены только на изучение английского языка. Возвращаясь к нашей текущей действительности, заметим, что в реальной жизни из 11 класса выпускаются ученики, многие из которых не владеют даже английским языком на уровне умения быстро последовательно переводить с английского на русский и наоборот в рамках 2000 слов и выражений на основе всей грамматики.

Что касается других предметов, то, скорее всего, они изучаются также быстро при использовании эффективной методики и, самое главное, при правильной системе обучения. По опыту общения с пятнадцатилетним учеником школы М.П. Щетинина автор статьи лично свидетельствует о впечатляющих результатах. Когда он в возрасте 40 лет в сопровождении коллеги в возрасте 35 лет общался с пятнадцатилетним учеником этой школы, тот свободно поддерживал разговор на все темы, которые предлагал автор. При этом его тридцатипятилетний товарищ не обладал достаточными компетенциями, чтобы поддержать разговор. Тот же результат был получен, когда, в свою очередь, его тридцатипятилетний товарищ беседовал с этим учеником. Ученик мог уверенно поддержать беседу на любую предложенную тему, демонстрируя незаурядные знания и практический подход. На этот раз уже автор статьи не мог поддержать разговор, т.к. ничего не смыслил в предложенных областях. Из этой школы в возрасте 17–18 лет выходили ученики с двумя – тремя законченными высшими образованиями, десятком рабочих профессий, желанием со временем создать семью с более, чем двумя детьми и безграничной любовью к России. К сожалению, после смерти Михаила Петровича Щетинина, основателя экспериментальной общеобразовательной школы интернатного типа, эта школа была разрушена. Последний фильм о школе М.П. Щетинина «Школа будущего» вышел в 2019 году.

Способ обучения одного учеников друг другом применяется издавна. Примерами могут служить Белл-Ланкастерская система, изучение Талмуда в парах в еврейских ешивах, практика отца Жирара. Однако систему образования, при которой работа идёт в парах сменного состава, впервые изобрёл Александр Григорьевич Ривин. Этот русский просветитель и советский педагог с инженерным мышлением создал методику коллективного взаимообучения. Организация учебных занятий в его школе была основана на взаимодействии учащихся в динамических парах. Его ученики в средней школе изучали по этой методике все предметы. Открытие Александра Григорьевича было известно под названиями организационный диалог (оргдиалог), сочетательный диалог (содиалог), талант и гений (талгенизм). Широкая известность и популярность идей А.Г. Ривина в 20-30-х годах двадцатого века в дальнейшем сменилась забвением, подавленная консервативной системой управления образованием. Недавно была обнаружена статья ученицы Ривина А.Г. Вышнепольской, посвящённая талгенизму, которая подверглась критике Н.И. Бухарина (доклад «О работе среди молодежи») на XIII съезде РКП(б) в 1924 году. Выдвинуты обоснованные аргументы о предпосылках критики того времени в адрес нового метода обучения [Голубев 2022, 185–200]. Однако, в восьмидесятых годах двадцатого столетия, его идеи стали вновь обретать популярность. В 2021 году вышла книга о жизни и методе А.Г. Ривина [Галактионова, Голубев 2021]. В этот труд вошли материалы из труднодоступных источников: брошюр, журналов, газет и архивов 20-30-х годов двадцатого века.

Теорию коллективного способа обучения разработал советский и российский педагог дидактик профессор Виталий Кузьмич Дьяченко, внёсший большой вклад в его становление [Дьяченко 2001]. Он воспринял педагогическое изобретение А.Г. Ривина и заложил дидактические основы учения о коллективном обучении. Виталий Кузьмич описал формы его организации, исследовал этапы общественно-исторического развития КСО. С практической стороны, очень интересно его учебное пособие для работников образования [Дьяченко 2006]. В последнем фундаментальном исследовании Виталия Кузьмича собраны его ценнейшие теоретические изыскания [Дьяченко 2005].

Продолжателем дела Дьяченко считает себя М.А. Мкртчян. Он усматривает прямую зависимость коллективного характера обучения от степени индивидуализированности программы обучения [Мкртчян, 2007, 3-13].

При Красноярском институте повышения квалификации активно работает Центр становления коллективного способа обучения. Недавно здесь был разработан новый вид учебных занятий, так называемые фронтально-парные занятия [Лебединцев 2021, 77-86].

В самом начале истории человечества система обучения была ИСО (индивидуальная система обучения) или другими словами Мастер — Подмастерье. Она и сейчас сохранилась в виде репетиторства. Далее человечество перешло на ГСО (групповую систему обучения) или Учитель — Класс. Эта система сейчас царит во всех государствах. Новая система обучения КСО (коллективная система обучения) или Ученик — Ученик предполагает, что преподаватель организует работу малых групп учеников, а в идеале парную работу, в которой ученик обучает ученика. На таких занятиях можно и нужно действовать так, как на традиционных уроках не предполагается. Поощряется, когда учащиеся обращаются друг к другу за помощью, подсказывают товарищам, много двигаются, находятся в постоянном диалоге. Такой подход к учёбе вызывает и постоянно поддерживает желание учиться. Именно это позволяет авторам статьи, преподавателям школы М.П. Щетинина, последователям А.Г. Ривина и В.К. Дьяченко достигать высокой эффективности в обучении.

Именно эта система обучения сейчас начинает активно внедряться в школах штата Калифорния в США и, возможно, в других штатах тоже. Понятно, что США, которые стремятся к мировому лидерству, не хотят, чтобы в других государствах переходили на эту систему. Предполагаем, что именно с этим и связано разрушение школы Щетинина, в котором активное участие приняло большое количество российских проамериканских средств массовой информации. И никакие фантастические результаты работы этой школы её не спасли. Михаил Петрович Щетинин написал книгу [Щетинин 1986], в которой можно проследить, как формировалось видение этой системы обучения, и как она совершенствовалась. Авторы статьи так же готовы поделиться личным опытом работы по этой системе и тем, как сейчас над созданием этой системы трудятся администрация и преподаватели штата Калифорния.

Многие преподаватели традиционной групповой системы обучения (Учитель — Класс) сталкиваются с проблемой невозможности задействовать большинство учеников активной работой на занятии, особенно если в классе более 25 учеников (в США количество учеников в классе достигает 40 и более, в среднем - 35 учеников). Столкнувшись с этой проблемой в рамках преподавания английского языка, автору почти сразу же пришлось организовать работу в парах. После этого возникла другая проблема — не все пары могли работать одинаково быстро и эффективно. Если в паре оба ученика были сильные, то они выполняли задание быстро, если слабые, то медленно. Пришлось выравнивать пары, т.е. сильного ученика объединять со слабым, чтобы тот тормозил сильного и все пары справлялись с заданием примерно за одно время. Пришлось также разрабатывать упражнения [Жердев 2003], выполняя которые обучаемые ходят по классу и меняют пары, чтобы сильные не слишком уставали обучать слабых. Пришлось также разводить по разным парам учеников, испытывающих антипатию друг к другу. В результате, ученики работают почти всегда в диалогах одновременно, и один является учителем, заменяющим преподавателя на узком участке выполнения задания. Сам же преподаватель свободно двигается по классу и контролирует работу пар.

М.П. Щетинин использовал несколько другую систему коллективного обучения. Приблизительно это выглядело так: учитель, скажем физики, работая с одной группой студентов, выдавал ей программу по определенному блоку материала в рамках данной дисциплины. Эта группа занималась только физикой. Другая группа так же занималась только биологией. Когда учителя уезжали, группы студентов сливались в одну, и полдня одни ученики обучали других физике, работая в парах, а другую половину дня уже ученики другой группы обучали товарищей биологии.

В школе городка Вудланд, заменяя учителя начальных классов, автору статьи пришлось наблюдать как ученики, получив задание, будь то задание по чтению или по математике, разбивались по парам, расходились по разным уголкам класса и работали в парах, одновременно заканчивая работу к положенному сроку. Система работала так хорошо, что даже без учителя они знали, что надо делать. И результаты там были потрясающие.

Во время обучения учителей в Калифорнии на разных семинарах, что нередко происходит и во время учебного года одного из авторов статьи снимали с занятий дня на два-три. Учителей обучали, как правильно организовать работу учеников над общим проектом по любому предмету. В мини-группу учеников входили три – четыре человека, среди которых учитель должен был распределить функции лидера, секретаря и т.п.

Активно внедряясь в систему образования США, в России КСО остаётся маргинальной, но педагоги, которые действительно хотят добиваться результатов, могут начинать ее применять. Тридцатипятилетний стаж автора данной статьи в области преподавания иностранных языков, из которых пять лет – в СССР, четырнадцать лет – в США и шестнадцать лет – в России позволяет автору свидетельствовать о высокой эффективности КСО. Так для того чтобы обучить ученика последовательному переводу с английского языка на русский и наоборот на базе 2000 самых употребляемых слов и выражений бытовой лексики, а также уметь обучать этому других, необходимо только около 60 астрономических часов. Этому есть видео-свидетельство по итогам занятий на летних курсах, которые авторы статьи проводили в 2021 году. На основе этого опыта можно предположить, что для достижения таких же результатов в изучении славянских языков на кириллице может потребоваться 40 часов, а на латинице – 50 астрономических часов. Для изучения немецкого языка – 90 часов, а для изучения большинства романских языков – около 120 астрономических часов.

У авторов статьи нет сомнения в том, что при помощи образования можно решить большинство самых различных проблем общества. При правильной организации образования из школы в возрасте 17 – 18 лет ребенок может выходить со знанием пяти – шести и более иностранных языков, одного – двух языков компьютерного программирования, высокой степенью владения прочими предметами программы, а также высокой конкурентоспособностью в плане самореализации в современном мире.

Литература

1. Галактионова Т.Г., Голубев Е.Б. Век талгенизма: начало (Дидактический метод и жизнь А.Г. Ривина в документальных свидетельствах. Архивы, пресса и литература 1914–2021 гг.): Антология. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2021. — 736 с.
2. Голубев Е.Б. Об одном знаменательном фрагменте доклада Н.И. Бухарина на XIII съезде РКП(б): талгенизм глазами сторонников и противников // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 185–200.
3. Дьяченко В.К. Дидактика: учебное пособие для системы повышения квалификации работников образования: в 2-х томах.— М: Народное образование, 2006. Т. 1. — 400 с.; Т. 2. — 384 с.
4. Дьяченко В.К. Коллективный способ обучения: дидактика в диалогах. — М.: Народное образование, 2004. — 352 с.
5. Дьяченко В.К. Новая дидактика.— М.: Народное образование, 2001. — 496 с.
6. Дьяченко В.К. Основное направление развития образования в современном мире. — М.: Школьные технологии, 2005. — 512 с.
7. Жердев, В.А. Разговорный английский язык для умных русских: учебное пособие. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2003. – 108 с.
8. Лебединцев В.Б. Фронтально-парные учебные занятия // Педагогика. 2021. № 8. – С. 77-86.
9. Мкртчян М.А. Становление и развитие общего образования // Коллективный способ обучения: научно-методический журнал. – 2007. – № 9. – С. 3-13.

10. Щетинин М.П. Объять необъятное: Записки педагога. – М.: Педагогика, 1986. – 171 с.

References

1. Galactionova T.G., Golubev. E.B. Century of talgenism: the beginning (didactic method and life A.G. Rivin testified in the documentary. Archive Apostille, press and literature 1914-2021): Anthology. - St. Petersburg.: St. Petersburg University Publishing House, 2021. - 736 p.
2. Golubev. E.B. One denominator fragment report by N.I. Bukharin at XIII party convention of the RCP (b): talgenizm viewed by advocates and antagonists // The New History of Russia. 2022. V. 12, № 1. 185–200.
3. Diachenko V.K. Didactics: educational toolkit for the system of improving qualifications of education workers: in 2 volumes. - Moscow: Popular Education, 2006. V. 1. - 400; V. 2. - 384.
4. Diachenko V.K. Collectible evaluative learning: didactics in dialog. – Moscow: Public Education, 2004. - 352.
5. Diachenko V.K. New didactics. Moscow: Public Education, 2001. - 496.
6. Diachenko V.K. The main direction of education development in the modern world. - Moscow: School of Technology, 2005. - 512.
7. Zherdev, V.A. Conversational English for smart Russians: tutorial. Krasnodar: Prosveshchenye-Jug, 2003. 108.
8. Lebedintsev V.B. Frontal-Pair tutorials // Pedagogy. 2021. № 8. 77-86.
9. Mkrtychyan M.A. Establishment and development of secondary education // collectivist way of training: Scientific and Methodological Journal, 2007. – № 9. 3-13.
10. Schetinin M.P. Seize the unseizable: teacher's notes. Moscow, Pedagogy, 1986. 171.

УМК 811.133.1

«ДИКОПАТИЯ» И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Седых Аркадий Петрович

доктор филологический наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Московский международный университет

Белгородский государственный технологический университет имени В.

Г. Шухова

Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию языковой личности французского филолога Жана Прюво. Рассматривается концепт «дикопат», отражающий существенные характеристики мировосприятия и профессиональной компетенции лексикографа. Описывается жизненный и научный путь учёного. Раскрываются эволюция и перспективы развития французского языка и франкофонии.

Ключевые слова: языковая личность, французская филология, лексикография, дикопатия, франкофония.

«DICOPATHY» AND THE FRENCH LANGUAGE

Arkadiy SEDYKH

Doctor of philological sciences, professor

Belgorod State National Research University

Moscow International University

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the linguistic personality of the French philologist Jean Pruvost. The concept of «dicopathy» is considered, which reflects the essential characteristics of the worldview and professional competence of the lexicographer. The life and

scientific path of the scientist is described. The evolution and development prospects of the French language and Francophonie are revealed.

Keywords: linguistic personality, French philology, lexicography, dicopathy, Francophonie.

«Дикопатия» к сожалению является редким заболеванием со «странными» симптомами. Дикопат – это человек, пораженный неизлечимой страстью к словарям и не желающий излечиться от нее. Хуже того, он хочет заразить как можно больше людей. Вот, например «печальная правда» от Жана Прюво, великого учёного современности, неутомимого лексикографа, прекрасного человека, моего друга, и который «страдает» дикопатией, называя себя дикопатом¹.

У Жана Прюво более 10 000 словарей, и ему пришлось снимать соседнюю квартиру, чтобы хранить их. Дикопат – это еще и человек, который мечтает объявить, что правильное определение такого слова можно найти в X-словаре 1922 года издания, и которому иногда это удается... Другими словами, он любитель слов, словом, он, как и все французы, «лексикофил» [2].

Жан Прюво вспоминал о том, что свой первый словарь *Larousse* большого формата ему подарили ещё в детские годы. Затем он встретил необыкновенного человека, Бернара Кеада, который преподавал историю словарей в университете. Под его руководством Прюво защитил степень магистра, а в дальнейшем и докторскую диссертацию. Бернар Кеада был во главе Высшего совета французского языка. Он руководил «*Trésor de la langue française*», монументальной работой, с которой приглашаю всех ознакомиться в Интернете.

Каждый год весной проходит Неделя французского языка и франкофонии (*La Semaine de la langue française et de la Francophonie*). С 1994 года Жан Прюво флагманский проект «День словарей» (*Journée des Dictionnaires*). Приведём лишь некоторые из тем форума, в котором принимал участие автор этих строк:

1. «Юмор и Настроение» (*Humour et Humeur*). Прошли дискуссии о причудливых, забавных, необычных словарях, таких как сборник «Любовных словарей», «Словарь слов, которые не существуют», но которыми мы все равно пользуемся, «Словарь прославленных собак для употребления культурными хозяевами»... Одна из задач была – «вырвать» словари из их серьезного или «отталкивающего» образа [2].

2. «Новые слова» (*Les mots nouveaux...*). Тематика касалась «вечного» обновления национальных языков в рамках неологизации лексического состава. Большое внимание уделялось заимствованиям, как одним из источников обогащения «словарного арсенала языков» [1].

Однажды мы обсуждали тему, которую можно сформулировать так: *Являются ли словари французской страстью?*

По мнению Жана Прюво словари не только французская страсть, но и британская. Но за Ла-Маншем предпочтение чаще отдается энциклопедии. Франции посчастливилось получить выгоду от динамичных государственных и частных спонсоров в этом плане. Что касается институциональной стороны, то, прежде всего это Французская академия, чью важную роль в служении нашему языку невозможно переоценить. Созданная в 1635 году кардиналом Ришелье, она опубликовала свой первый словарь в 1694 году: два тома и 18 000 слов. Четырнадцатью годами ранее появился *Dictionnaire françois* Пьера Ришеле, а в 1690 году *Dictionnaire Universelle* Антуана Фюретьера. Эти три словаря до сегодняшнего дня вдохновляют большую часть лексикографической продукции знаменитые словари: *Larousse*, *Lumtre*, *Le Robert*, Это настоящее сокровище французского языка.

Конечно, не был обойдён и вопрос «*Как поживает французский язык?*».

¹ Используются материалы сайтов: <https://www.jeanpruvost.com/>; https://www.lexpress.fr/culture/livre/jean-pruvost-la-langue-francaise-se-porte-joyeusement_1499448.html

Жан Прюво дословно ответил: «Радостно!». По его мнению, французский язык постоянно обогащается лексикой средств массовой информации, литературой и дискурсом франкоговорящих стран. Это очень важно. «Язык, не знающий никакой формы неологии, уже был бы мертвым языком», — сказал Бернар Кемада. Именно в печатной прессе и аудиовизуальных средствах массовой информации, местах постоянных дебатов и наблюдений за актуальностью, которую необходимо обозначить, рождается больше всего неологизмов.

Некоторые примеры неологизмов, отмеченные в последние годы: «биотерроризм» (*bioterrorisme*), «совместное использование автомобилей» (*covoiturage*), «танкер-химовоз» (*chimiquier*), «моральное преследование» (*harcèlement moral*). Неологизмы «рассказывают» историю общества. 1960-е, рок и поп культура, — это англицизмы («*boots*», «*brushing*»). 1970-е были полны аббревиатур и акронимов («экологический», «гипер», «мачо», «органический» = *écolo, hyper, macho, bio*). 1980-е «приехали» на суффиксе «*tique*» («офисная автоматизация», «домашняя автоматизация» = *bureautique, domotique*).

Франкофония привносит свою долю инноваций. Французский язык обязан бельгийцам словом «фриголит» (*frigolite*) — белой пеной на основе полистирола, используемой в качестве теплоизоляции и упаковки, — и «препенсией» (*préension*) — повышенным пособием по безработице, выплачиваемым работникам, уволенным после достижения определенного возраста. Для квебекцев «чулки» (*bas-culotte*) — эквивалент колготок во Франции. Для сенегальца «атмосферник» (*ambianceur*) — «разогреватель» зала, аниматор и, соответственно, тусовщик.

Как неологизм вписывается в общеупотребительный язык?

Это роль лексикографов — лиц, ответственных за написание словарей, — и официальных органов, Высшего совета по французскому языку, Генеральной делегации по французскому языку и языкам Франции: перечислять, сортировать, определять, узаконивать, интегрироваться в языковое наследие.

Не рискуем ли мы участвовать в гонке за новизной?

На самом деле необходимо проявлять «просвещенный консерватизм», чтобы не дать ускользнуть старому языку. Надо во чтобы то не стало вернуть «историю» словам. Помните, что «книготорговец», эта чудесная профессия, происходит от латинского *liber*, кора дерева, на котором писали, что это же слово относилось к идее библиотеки, столь дорогой Монтеню, прежде чем мы дошли до просвещенной продажа книг. Помните, что изначально «воробей» (*moineau*) — это маленький монах с пухлым животом, и именно эта характеристика лежит в основе названия птицы.

Интересно мнение Жана Прюво по поводу злоупотребления англицизмами и эвфемизмами («*sponsor*» вместо «*soutien financier*», «*coach*» вместо «*entraîneur*»). Это причуда. К этому следует добавить эвфемизмы «слабовидящие» (*malvoyant*), «слабослышащие» (*malentendant*) и «MST», заменяющие «слепой» (*aveugle*), «глухой» (*sourd*) и «венерические заболевания» (*maladie sexuellement transmissible*). Потому что иногда мы создаем слово, чтобы отметить изменение мышления, переход от суждения к наблюдению. Мы заменяем «девушка-мать» (*fille mère*) на «мать-одиночка» (*mère célibataire*), «девушка-подопечная» (*fille de salle*) на «воспитатель» (*aide-soignante*).

Жан Прюво подчеркивает роль писателей в обновлении французского языка. Иногда больше: через политические, ангажированные действия. Вслед за указом Виллер-Котре от 1539 года, который установил французский язык в качестве языка короля Франциска I и государства, поэты «Плеяды» под руководством Ронсара и Дю Белле опубликовали *Défense et illustration de la langue française*. Они начали создавать слова с целью превратить «вульгарный» язык в автономный и элегантный язык, подобный итальянскому, который сумел дистанцироваться от латыни. Писать стихи на прекрасном французском языке, как это делал до них Петрарка на итальянском заальпийском языке. С этого периода остались некоторые новые слова — «кисло-сладкий» — хотя большинство

из них исчезло: «*porte-laine*» (овца), «*porte-nues*» (небо)... это был изящный и плодотворный язык, который породил вундеркинда словесного изобретения: Рабле.

Но не каждый век так плодовит и щедр. Следующий, XVII век, — век сильной, затем абсолютной монархии, централизации, Людовика XIII и Ришелье, затем Людовика XIV и, следовательно, Французской академии. Писатели, Расин, Корнель, Босуэ, Буало... договариваются встретиться, чтобы исправить язык в словарях. Это время рационализации, стандартизации, доктрины «точного употребления» (*bon usage*). Любой неологизм подозревается в вырождении языка.

Возможно, французский язык подвержен маятниковому движению между обогащением и кодификацией?

По мнению лексикографа эти два явления происходят одновременно. В то время как Французская академия регулирует, Скаррон внедряет новшества в бурлескный неологизм с «*se grouiller*» и «*grosse dondon*», прециозные салоны, куда приходят мадам де Севинье и мадам де Лафайет, создают «неоспоримый» (*incontestable*), «анонимный» (*anonyme*), «восторженный» (*enthousiaste*). В XVIII веке мы старались сохранить классический язык, делали вид, что опасаемся неологизмов, при этом черпая из философской и английской политической лексики: «бюджет» (*budget*), «клуб» (*club*). Настоящее освобождение лексики происходит только при романтизме.

Это период открытости к иностранным языкам, в частности с Востока, к сленгу, к крылатым выражениям. Французский язык «разделяет» и смешивает жанры. Сюда ходит даже Шатобриан со своим «паладинажем» (постоянная щедрость = *paladinage*) и Бальзак со своей «витулиновой фигурой» (от латинского слова *vitulus* [теленок] = *figure vituline*). Это движение растет и украшается натурализмом – Золя во что бы то ни стало, заимствует технические термины – парнасцы, символисты... До 20-го века с сюрреалистами, Селин, Виан, Мишо...

Конечно, начиная со слова «сюрреалист», которым мы обязаны Аполлинеру, но в этом перечислении можно отметить и творчество Фредерика Дара. «Будущее языка – это я», – восклицает Сан-Антонио в одном из своих романов. Дар «апепрессирует» (*apeuprèse*) и «нежничает» (*tendresse*) с языком. Он использует «300 французских слов» и изобретает все остальные, то есть более 15 000 слов, самые «вкусные» из которых входят в словарь Сан-Антонио (1998). Это свободный французский язык, без предрассудков и стеснения.

О влиянии интернета на французский язык.

Во-первых, меняется скорость обращения слов. За несколько дней неологизм облетает франкоязычную планету, тогда как раньше на его укоренение уходили годы. Но, опять же, учреждения, начиная со школ, прессы и лексикографов, должны определить этот приток, потому что в Интернете «лучшие» часто общаются с «худшими».

Интересное явление французского узуса «*contrepèterie*». Жан Прюво считает этот феномен чисто французским представителем игры слов.

Во французском языке мало ударений, в отличие, например, от английского, где музыкальность важна для понимания. Французские слова можно представить себе как последовательность слогов, которые мы с детства учимся обрабатывать, переключивать с помощью детских стишков, что является отличной подготовкой к играм со словами. Отсюда интерес к теме в рамках *Semaine de la langue française*: лексическое творчество. Во взрослом возрасте использование *contrepèterie* становится показателем совершенного владения языком, признаком статуса. Вот почему некоторые политики считают обязательным его использование. Это, конечно, часто очень вульгарно, но в конкретном контексте довольно забавно.

Таким образом, французский язык и французская лексикография продолжают активно развиваться и будут эволюционировать в позитивном и креативном аспекте. Немаловажную роль в развитии французского языка играют не только лингвисты, лексикографы, но и писатели, которые обогащают язык Флобера и Мопассана

неологизмами и новыми лексико-семантическими и лексико-тематическими шедеврами. При этом простые носители французского языка вносят свой вклад, используя языковую игру и другие виды лексического словотворчества.

Литература

1. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
2. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
3. Jean Pruvost: «La langue française se porte joyeusement» URL: https://www.lexpress.fr/culture/livre/jean-pruvost-la-langue-francaise-se-porte-joyeusement_1499448.html (Date d'accès 23.11.2022).

References

1. Sedykh A.P. (1998) *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU. 160.
2. Sedykh A.P. (2022) *Jazyk, kul'tura, komunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Epicentr», 152.
3. Jean Pruvost: «La langue française se porte joyeusement» URL: https://www.lexpress.fr/culture/livre/jean-pruvost-la-langue-francaise-se-porte-joyeusement_1499448.html (Date d'accès 23.11.2022).

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ И НОВОЕ ЗНАНИЕ

Сборник материалов
II Российской научной конференции с международным участием

(г. Белгород, 17–18 ноября 2022 г.)

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Ю.В. Ивахненко
Обложка: Н.М. Сысоева
Выпускающий редактор: Ю.В. Ивахненко

Подписано в печать 09.12.2022. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 8,0. Тираж 100 экз. Заказ 282
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48